

**Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»**

На правах рукописи

ЛУКЪЯНЧИКОВА ОКСАНА СЕРГЕЕВНА

**ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛИДИИ ШЕЛЕСТ:
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.01.01 Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Смирнова А.И.

Москва – 2022

СОДЕРЖАНИЕ.....	2
Введение.....	3
Глава 1. Биография Лидии Шелест и творческий процесс.....	16
1.1. Детские и юношеские годы.....	16
1.2. Путь творческого самоопределения.....	28
1.3. Курский период жизни и творчества	34
1.3.1. Журналистская деятельность.....	37
1.3.2. Великая Отечественная война в жизни и публицистике Лидии Шелест.....	42
1.3.3. Последние годы жизни и творчества.....	53
Глава 2. Поэзия Лидии Шелест: ведущие темы и художественное своеобразие.....	60
2.1. Особенности любовной лирики	61
2.2. Образ малой родины в лирике Л. Шелест: особенности поэтики.....	81
2.3. Тема Великой Отечественной в произведениях поэтессы.....	101
2.4. Темы творчества и творца в поэзии Лидии Шелест.....	121
Заключение.....	136
Список использованной литературы.....	140
Приложение.....	162

ВВЕДЕНИЕ

В современном литературоведении возрастает научный интерес к творчеству региональных поэтов и прозаиков, что вызвано необходимостью понимания целостной картины развития русской литературы, а также ее более детального изучения, которое невозможно без осмысления художественного творчества «обыкновенных талантов» (В.Г. Белинский), так называемых литераторов «второго» плана. О значении их творческого наследия писал П.Н. Сакулин [178]. Он отмечал, что писатели разной «творческой величины» сосуществуют в общем историко-литературном процессе и находятся в отношениях взаимозависимости. Важность изучения наследия поэтов и прозаиков, которые не были включены в историю литературы, подчеркивали Ю.Н. Тынянов, В.М. Жирмунский, М.М. Бахтин, М.Л. Гаспаров, В.Е. Хализев и другие исследователи.

В этой связи очевидно особое внимание к региональной литературе, которую Литературная энциклопедия терминов и понятий под редакцией А.Н. Николюкина приравнивает к «областной». Этот условный термин определяет «произведения писателей, концентрирующих свое внимание на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей, ее населяющих» [232: с. 864]. Акцент на пространственную характеристику этого понятия делается и в других источниках, локальное пространство в термине региональная литература «предстает в двух ипостасях: материальной и идеальной (от идея)» [168: с. 8]. Именно с локализацией региональную литературу связывает и Б.А. Чмыхало [218].

На наш взгляд, совершенно справедливо утверждал Ю.С. Постнов: «Литература области или края – это часть общенациональной литературы, представленная художниками, которые тесно связаны с общественной и культурной жизнью данной области и участвуют в местном литературном движении» [225: с. 11].

Несмотря на то, что история региональной литературы имеет давнюю традицию, отраженную в работах следующих критиков: В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Ап.А. Григорьева, В. Хлебникова, долгое время не были определены основополагающие подходы по изучению специфики творчества местных авторов. «Впервые такой принцип изучения культуры был сформулирован Н.К. Пиксановым в 1913 году в статье “Три эпохи ”. Через пятнадцать лет в работе «Областные культурные гнезда» ученый обосновал методологию и методику региональной культурологии» [187: с. 6]. Надо сказать, что идея культурных гнезд как своеобразных литературных центров с ее установкой на целостное исследование литературы анализируемого региона до сих пор активно применяется и литераторами, и краеведами.

В 80-е годы XX века П.В. Куприяновский предложил двухкомпонентный подход изучения истории региональной литературы. Исследователь считает, что она «должна соотноситься с местными историческими условиями и обстоятельствами» и быть причастной «к явлениям общенациональной литературы» [120: с. 181].

При изучении творчества региональных писателей вполне закономерно встает вопрос о литературной традиции. О преемственности литературно-художественного опыта классиков авторами «второго» ряда в контексте изучения литературы писали М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман. Используя региональный принцип изучения литературы, в данной работе уместным будет ориентироваться на положение, предложенное П.В. Куприяновским: «Сочетая проблемно-тематические обзоры и портреты писателей, история местной литературы может включать типологические и иные сопоставления с общей историей литературы» [Там же]. Идею историко-литературного исследования региональной литературы как «подсистемы» отечественной литературы также содержат теоретические работы Б.А. Чмыхало.

Кроме того, в рамках исследования ценным будет замечание представителя структурно-семиотического подхода к изучению локальных

текстов К.В. Анисимова о том, что «на первом плане при изучении региональной словесности должны находиться личность писателя, его самосознание, т. е. стремление ассоциировать свою деятельность с регионом, соотносить свою биографию с его исторической судьбой» [58: с. 14].

Именно поэтому при исследовании наследия региональных авторов так важен историко-биографический подход, который позволяет «представить единство биографического и творческого пространств и интерпретировать факты жизни как источник художественного опыта творца» [86: с. 12].

Стоит сказать, что еще в эпоху романтизма биография и личность литератора рассматривались как определяющие моменты творчества автора. К примеру, большинство исследователей, обращаясь к творческому наследию поэтов и писателей, обязательно изучают их жизненный путь. Так, совершенно справедливо звучит утверждение А.А. Фокина о биографии как «нравственно-эстетической ценности», приобщение к которой «усиливает читательский интерес к его произведениям, позволяет дать их более глубокую интерпретацию» [209: с. 6].

Технология исследования биографии и творчества «вершинных» писателей и поэтов на нынешнем этапе развития филологической науки хорошо отработана. Несколько иная ситуация возникает при работе с материалами, касающимися творчества малоизвестных авторов. Одной из очевидных проблем оказывается скудость фактической базы исследования. Однако работа по восстановлению несправедливо забытых имен поэтов и писателей активно ведётся учеными-гуманитариями. Такой опыт демонстрируют научные исследования А.А. Фокина, Т.Л. Александровой, Н.Л. Вершининой, И.П. Михайловой, и других литературоведов.

Внимание к региональным явлениям литературного процесса демонстрируют не только отдельные исследования отечественных ученых, но и научные конференции, межвузовские семинары – в Липецке, Твери, Москве, Пензе, Санкт-Петербурге, Перми и в других городах.

Очевидный интерес литературоведов и читателей сегодня обращен и на имена незаслуженно забытых литераторов Курской области. Весомый вклад в осмысление художественного творчества курских поэтов и прозаиков внесли научные работы региональных исследователей: И.З. Баскевича [60], Г.Е. Голле¹, А.Е. Кедровского [104], В.А. Ачкасова [181], Н.З. Коковиной [110], Д.В. Силаковой [184], И.П. Михайловой [146], О.С. Стрелковой [193] и других.

Изучению творчества курских поэтов и прозаиков способствуют научные конференции, организуемые кафедрой литературы Курского государственного университета, среди которых – «Фетовские чтения»² и «Курский текст в поле национальной культуры»³. Во многом, благодаря представленным на конференциях материалам, собраны сведения о выдающихся русских писателях и малоизвестных литераторах, которые по рождению или по месту жительства были связаны с Курском, среди них:

С. Медведев и Н. Билевич, И. Богданович и Н. Полевой, А. Фет и Н. Соханская, Н. Асеев и В. Бородаевский, Е. Благинина и Ю. Герман, Е. Носов, К. Воробьев и В. Овечкин и В. Детков и другие. Важно отметить, что опыт, накопленный краеведами и литературоведами в области исследования провинциальной культуры и литературы, обобщен в биобиблиографическом словаре «Литературная жизнь Курского края» [231].

Следует подчеркнуть, что историко-литературный процесс Курской области в большей мере исследован на материале творчества писателей XIX века, тогда как представление о развитии региональной литературы XX века носит фрагментарный характер и формируется на основе литературно-

---

¹ Организатор Фетовских чтений на Курской земле. С 1986 года благодаря Голле в Курске проходили научные конференции с привлечением учёных России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

² Научные конференции с привлечением ученых России и стран ближнего и дальнего зарубежья организуются в регионе с 1986 года. Благодаря этой работе существенно возросло количество исследований, посвящённых не только А.А. Фету, но и другим литераторам, связанным с курской землей.

³ Конференция берет свое начало в 2000-х, в ее рамках традиционно исследуется мифопоэтика региональной литературы.

критических и научных работ, посвященных творчеству отдельных авторов. Поэтому полномасштабную картину истории и современности региональной литературы прошлого века ещё предстоит создать.

Так, предметом монографических исследований не становились биография и наследие курского поэта и журналиста Лидии Шелест (1901–1986) – псевдоним Лидии Анатольевны Соловьевой. Большая часть жизни поэтессы была связана с Курским краем, но в силу различных обстоятельств она жила и работала в разных уголках нашей страны: Центральная Россия, Урал, Север. Шелест «писала о малой родине, о природе, о родной земле, о любви к человеку. Ее стихи, такие естественные и понятные, содержат много региональных черточек...» [67: с. 22]

Биография Шелест – интересная и драматичная, которая обычно присуща творческим людям. В жизни поэтессы были периоды признания и активной деятельности, было время, когда ее имя оказалось практически вычеркнутым из литературной жизни. Уже после смерти Шелест вышли в свет сборники ее стихов «Не заката хочу, а рассвета» (Курск, 1994) и «Прислушайся к сердцу...» (Курск, 2013), где собраны не только известные и неопубликованные ранее стихотворения поэтессы, но и ее поэмы, пьесы, беллетризованное жизнеописание.

Степень изученности проблемы можно охарактеризовать как незначительную, так как до настоящего времени биография и творчество Лидии Шелест детально не исследовались.

Справедливым будет отметить, что имя Лидии Шелест как поэтессы и журналиста в 2005 году буквально «воскресил» курский краевед Ю.А. Бугров. Краткие сведения о ней исследователь разместил в «Большой Курской энциклопедии» [231: с. 198–199]. Собранные им материалы прежде всего дают представление об участии поэтессы в литературной жизни Курска. Конечно же, назвать эту информацию полноценным художественно-биографическим портретом Шелест нельзя, но она содержит малоизвестные факты о

творческой жизни поэтессы, например, о том, что Шелест «печаталась в курских “Литературных альманахах”, а также “занималась переводом стихов с белорусского и казахского языков”» [70: с. 61].

Сложность исследования жизненного и творческого пути Шелест связана со скудостью фактологической базы и отсутствием развернутых работ по теме. К примеру, обозначение жизненного пути поэтессы ограничивается всего несколькими статьями: Кирей С.П. «Лидия Анатольевна Шелест. Жизнь и судьба» [105], Шикаревой М. «Лидия Шелест – поэт из Обояни (по страницам книги «Прислушайся к сердцу»)» [220].

Своеобразие лирики Шелест рассматривается в статье Михайловой И.П. «Сколько в нем оттенков и печали...» (о семантике сада в курских текстах первой трети XX века) [145]. С точки зрения языковых особенностей поэзия Шелест изучается в статьях Дьяченко Ю.А. «Шелестел кудрявый клен нежности березе...» (береза и клен в стихотворениях Лидии Шелест)» [90] и Бобуновой М.А. «Соловьями наш край знаменит...» [67], «Региональные черты поэзии Лидии Шелест» [66]. Отдельные упоминания о творчестве Шелест встречаются в работах уральского исследователя Н.С. Журавлевой [97].

Несмотря на то, что творчество Шелест долгие годы было незаслуженно забыто, в свое время оно получило должную оценку современников. Так, говоря о поэме Л. Шелест «Полон», поэт Н.Ю. Корнеев подчеркивал: «Жизнь наших людей в страшные дни фашистской оккупации показана в “Полоне” достоверно, впечатляюще. Гнев, ненависть, горе, печаль, вера – все здесь подлинно, все без фальши, без бутафории» [52: с. 4]. Кроме того, поэма была удостоена отзыва Н.Н. Асеева: «У меня, когда читал, в иных местах – мороз по спине...Завидно даже, как сумели рассказать, о чем много уже сказано было» [Там же].

Отзывы о лирике Шелест были найдены даже в аргентинской прессе. Так, А. Громов в газете «Наша страна» подчеркивал, что в ее стихах нет ничего броского, необычного. Они чрезвычайно просты. «Просты – как

воздух, вода, хлеб. В повседневной сутолоке об этих вещах как-то забываешь, но вот жить без них не можешь» [85: с. 5]. А журналист М.Н. Лебедев писал о Шелест в альманахе «Южный крест»: «...суровый бог войны сохранил русскому народу жизнь этой поэтессы, по силе своего таланта не уступающей Анне Ахматовой, а душевно более здоровой и сильной» [127: с. 72]. Надо сказать, это не единственное сравнение Шелест с Ахматовой. Курский журналист и поэт Е. Полянский о встрече с поэтессой писал: «На миг она чем-то напомнила Ахматову: так же ясен, спокоен и человечен был ее испытующий взгляд <...> Передо мной предстал поэт, проживший нелегкую соловьиную жизнь в клетке из прутьев «железного занавеса» и сохранивший свою соловьиную детскую душу» [158: с. 4]. Полянский особо подчеркивал, что всю свою непростую жизнь Лидия Шелест оставалась духовно сильной только благодаря «потрясающей любви к жизни, мужеству, чистоте, глубине души и таланту жить радостно» [Там же].

В 2000-х годах в региональной прессе активизируется интерес к жизни и творчеству Лидии Шелест, публикуются ее стихотворения, а также некоторые вехи биографии. Например, журналист С. Малютин особо обращал внимание на самобытность таланта Шелест: «...как бываем мы зачастую неправы, когда ищем все большое и значимое на стороне где-то там, за горизонтом. <...> Стоит только протянуть руку и открыть книгу, в которой настоящая поэзия и невыдуманная судьба. Открыть для себя то, что, быть может, заставит нас оторваться от суеты будней и обратить взор на небо и звезды. Среди которых призывно мерцает звезда по имени Лидия Шелест!» [137: с. 22]. В. Тутенко, например, пишет, что Шелест займет заслуженное место в истории региона наряду с Константином Воробьевым, Аркадием Гайдаром, Надеждой Плевицкой, Казимиром Малевичем, Георгием Свиридовым [207: с. 3]; П. Рыжков упоминает Лидию Анатольевну как «даровитого поэта курского края» [170: с. 1].

Таким образом, до последнего времени историко-литературное осмысление жизни и творчества Лидии Шелест осуществлялось лишь в

рамках нескольких словарно-энциклопедических и научных статей, а также публицистических материалов. Все это позволяет сделать вывод, что биографические вехи, поэзия и публицистика Шелест не исследовались комплексно.

Актуальность темы исследования определяется возрастающим научным интересом к развитию региональных литератур, к творчеству писателей «второго ряда», «локальным текстам» культуры, включая «провинциальный текст» литературы. В настоящее время активизировалось изучение творчества писателей-курян, в том числе творческой судьбы Лидии Шелест. Это обусловлено необходимостью анализа ее поэтического и публицистического наследия в историко-литературном аспекте.

Объектом данного исследования являются жизненный путь и творческая деятельность Лидии Шелест.

Предмет исследования – биография Лидии Шелест и её литературное наследие, рассматриваемое в соотнесенности с фактами и событиями жизненного пути, а также тематическими и стилевыми особенностями.

Источники исследования. Исследование основывается на имеющихся энциклопедических, научных и публицистических материалах о жизни и творчестве Л. Шелест. Базой исследования послужили книги Лидии Шелест «Не заката хочу, а рассвета» (Курск, 1994) и «Прислушайся к сердцу...» (Курск, 2012), а также рукописи и дневники поэтессы, частные архивные материалы С.Б. Юркевич и Л.Н. Резцова.

Основными материалами исследования являются стихотворные и публицистические произведения Лидии Шелест, представленные как единое целое, которые были изданы в России, за рубежом и ранее не вводились в научный обиход. Диссертантом изучены и систематизированы публикации из фондов Курской областной научной библиотеки им. Н.Н. Асеева (КОНБ)⁴.

---

⁴ Молодая гвардия. 1938–1940 гг.; Курская правда. 1938 (январь – август), 1939 (январь – июнь), 1943 (январь – ноябрь), 1944–1948 гг.

Отдельную группу источников составили издания периодической печати Курской области, документы, посвященные истории и культуре региона.

Привлечены материалы, находящиеся в частном архиве С.Б. Юркевич, дочери поэтессы: дневник Лидии Шелест «Страницы прошлого», дневник Н.Н. Пахомовой⁵, записные книжки К.А. Соловьевой⁶, эпистолярное наследие, фотографии. Рассмотрение рукописных материалов помогло установить круг художественных и личных интересов Лидии Шелест, позволило уточнить ряд биографических фактов, понять эмоциональную атмосферу взаимоотношений в семье и близком окружении, что способствовало в свою очередь представлению о духовно-нравственных воззрениях Шелест, а также адекватному истолкованию поэтического и публицистического творчества. Изученные материалы послужили основой для создания первой научной биографии и творческого пути Лидии Шелест.

Цель работы: исследовать жизненный и творческий путь Лидии Шелест в непосредственной соотнесенности с историко-литературным процессом XX столетия, а также определить основные особенности ее поэзии.

Для достижения данной цели были определены следующие исследовательские задачи:

- реконструировать биографию Лидии Шелест, изучив и обобщив архивные и литературные материалы;
- изучить этапы творческого пути Лидии Шелест, систематизировав малоизвестные факты ее литературной деятельности;
- проанализировать стихи Лидии Шелест, определив тематику и художественное своеобразие поэзии Лидии Шелест;
- выявить индивидуальные стилевые черты творческого почерка исследуемого автора;

---

⁵ Пахомова Н.Н. (1900–1973) – близкая подруга Лидии Шелест.

⁶ Соловьева К.А. (1895 – 1979) – старшая сестра Лидии Шелест.

– определить жанрово-тематические особенности журналистского творчества Лидии Шелест.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы, посвященные принципам изучения региональной литературы (Н.К. Пиксанов, П.Н. Сакулин, П.В. Куприяновский, Б.А. Чмыхало, Ю.С. Постнов), а также связанные с исследованием биографий малоизвестных авторов (А.А. Фокин, Н.Л. Вершинина, В.В. Колобов); труды по проблемам поэтики, жанра и стиля (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Ю.М. Лотман, Н.Д. Тмарченко) и по теории стиха (М.Л. Гаспаров, Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский); работы по проблемам целостного анализа художественных произведений (Д.С. Лихачев, Б.М. Эйхенбаум, Е.А. Маймин, М.М. Гиршман, А.Б. Есин, Г.И. Романова).

Методология исследования обусловлена целями и задачами, поставленными в диссертации. В работе в комплексе применялись региональный и историко-литературный принципы исследования, позволившие определить место Лидии Шелест в литературном процессе XX века. Биографический метод помог в установлении связи между жизненным и творческим путем автора. Сравнительно-типологический и структурно-аналитический методы исследования дали возможность выявить тематические и художественные особенности поэзии Шелест, а также установить типологические связи с творчеством современных поэтов и классиков.

Научная новизна. Настоящая работа является первым монографическим исследованием, посвященным жизненному пути и творческому наследию Лидии Шелест, которые рассматриваются комплексно в соотнесённости с историко-литературным процессом времени. В работе определены основные этапы творческого пути поэтессы, выявлены особенности ее поэзии и публицистики. Благодаря проведенному исследованию установлены ранее разрозненные факты ее биографии, необходимые для понимания мировоззрения Шелест.

Стоит подчеркнуть, что исследователь впервые вводит в научный оборот и пытается систематизировать дневниковые материалы поэтессы, рассматривает творчество Шелест в контексте воспоминаний и отзывов ее современников.

Научно-практическая значимость: исследование станет важным шагом к популяризации творческого наследия Лидии Шелест. Практическое применение работа может найти в вузовском и школьном изучении литературы Курского края XX века, при разработке спецсеминаров, элективных курсов, при создании дипломных, курсовых, научных студенческих работ, посвященных истории развития курского локуса литературы и журналистики XX века. Кроме того, работа предполагает привлечение внимания к творчеству Л. Шелест не только литературоведов, но и широкой читательской аудитории.

Положения, выносимые на защиту:

1. Биография Лидии Шелест служит основой для периодизации ее творческого пути и определения его важных этапов: становление личности, путь творческого самоопределения, период зрелого поэтического и журналистского творчества.
2. Публицистика Шелест характеризуется обращением к востребованным жанрам советской журналистики: заметка, рецензия, очерк, репортаж. Лидия Шелест активно реализовывала одну из основных функций журналистики – культурно-просветительскую, предполагающую эстетическое воспитание читательской аудитории. Кроме того, тексты публикаций Шелест служат важным материалом для исследований культурно-антропологического и социального характера, что подчеркивает значимость ее вклада в развитие курской журналистики.
3. В художественном мире Лидии Шелест ключевым элементом является автобиографизм. В своей поэзии автор, ориентируясь на реалистический

тип творчества, отражает внутренний духовный опыт и повседневную жизнь.

4. Великая Отечественная война соединила в себе личную драму Шелест с общенациональной трагедией. Именно поэтому она не только переломный момент биографии автора, но и важное направление как поэтического, так и журналистского творчества.
5. Любовная лирика Лидии Шелест заняла важное место в литературной биографии поэтессы. Ее поэзия о любви выразила, с одной стороны, личные переживания поэтессы, с другой – жизненные принципы и модель поведения лирической героини как культурно-исторического типа личности с точки зрения ценностно-ориентированной авторской позиции.
6. Анализ поэтических текстов Шелест показывает, что при наличии собственного почерка в произведениях поэтессы нашли достойное воплощение художественные особенности, образы и мотивы, сюжетно-композиционные элементы русской классической школы XIX века и литературы начала XX столетия.

Оценка достоверности результатов исследования показала: применены соответствующие методы исследования, репрезентативен материал исследования, содержащий различные документы о жизни и творчестве, поэтические и публицистические произведения Шелест; полученные выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные из них опубликованы в рецензируемых журналах и сборниках научных статей.

Апробация работы. Результаты данного исследования обсуждались на научных конференциях Курского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), Историко-архивного института РГГУ (Москва), Воронежского государственного университета и Юго-Западного государственного университета (Курск). Представленные

материалы нашли отражение в научных публикациях, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК, таких как «Вестник Московского государственного областного университета», «Вестник Московского городского педагогического университета», «Учёные записки Новгородского государственного университета», «Известия Юго-Западного государственного университета». Статья автора диссертации, посвященная биографии Лидии Шелест, вошла в словарь «Литературная жизнь Курского края» [231], представляющего собой первый опыт систематизации сведений о литераторах, которые были связаны с Курской областью.

Кроме того, автором данного исследования инициированы мероприятия, направленные на популяризацию творчества поэта Лидии Шелест: литературный вечер «Приближается к сердцу дата, дата курских бессмертных дней...» в 8-м классе лицея № 21 города Курска (февраль 2016 г.), литературная передача на радио «Россия» (Курск), посвященная жизни и творчеству Шелест (июль 2014 г., июнь 2021 г., май 2022 г.). Исследователем разработан элективный курс по литературному краеведению «Творчество поэта и журналиста Лидии Шелест» (апрель 2016 г.) для учащихся гуманитарных классов.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Данное диссертационное исследование включает введение, две главы, заключение, библиографию и приложение.

ГЛАВА I. БИОГРАФИЯ ЛИДИИ ШЕЛЕСТ И ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В современном литературоведении необходимость изучения биографии поэта неоспорима. Знакомство с ней – важное условие для полноценного изучения творческого наследия любого автора. Именно поэтому в нашем исследовании историко-биографический подход стал одним из основных. В ходе работы мы ориентировались на ключевые вехи жизни Лидии Шелест, которые, оказав влияние на развитие творческой личности, нашли отражение и в художественном пространстве автора.

Стоит отметить, что жизненный и творческий путь Лидии Шелест пришелся на XX век. Это сложное время, совпавшее с войнами, революциями, жестокими социальными потрясениями, конечно, не могло не отразиться мировосприятии Шелест, её дальнейшей судьбе. Но как абсолютно справедливо отмечала дочь поэтессы Светлана Борисовна Юркевич⁷, характеризуя биографию Шелест: Ее жизнь была расцвечена всеми цветами радуги и тончайшими их оттенками [48: с. 5].

Итак, следуя логике родоначальника биографического метода в литературоведении Ш.О. Сент-Бева, считавшего, что «биография и личность писателя рассматриваются как определяющие моменты творчества» [98: с. 49], обратимся прежде всего к изучению окружения и современников исследуемого автора, а также его мировоззренческих установок.

1.1. Детские и юношеские годы

Поэт и журналист Лидия Шелест⁸ (1901–1986) родилась в г. Усмань Воронежской губернии в семье учителя Анатолия Ивановича Соловьева, уроженца города Обояни Курской губернии. Его мать происходила из дворянского рода, отец был приходским священником в селе Шелковка

---

⁷Юркевич Светлана Борисовна (род. 1931 г.) – дочь Лидии Шелест и Б.П. Юркевича (Башилова), в настоящее время живет в г. Курске.

⁸ Псевдоним Лидии Анатольевны Соловьевой

Обоянского уезда. А.И. Соловьев преподавал историю, русский язык, чистописание, географию и математику в женской и мужской гимназиях. Кроме того, отец Шелест занимался широкой общественной деятельностью, например, именно он организовал сеть детских садов по всему Обоянскому уезду. Но при этом глава семьи был сложным человеком: чрезмерно строгим и взыскательным отцом и мужем, не всегда справедливым по отношению к детям и жене.

Мать поэтессы – Варвара Дмитриевна, уроженка города Усмань Воронежской губернии, происходила из обедневшего дворянского рода. По свидетельствам родственников, была доброй и общительной женщиной, занималась благотворительностью. Много времени Варвара Дмитриевна уделяла дому и детям. Мать поэтессы родила пятерых детей, двое из которых скончались в раннем детстве, у Лидии были брат Нил и сестра Ксения.

Родители разошлись, когда будущей поэтессе не было и восьми лет, по решению суда дочери Лидия и Ксения остались с отцом, а сын Нил – с матерью. Лидия, одинаково привязанная ко всем членам семьи, особенно тяжело переживала расставание, о котором писала в одном из своих ранних стихов:

Ах, много в жизни горя, несчастья и нужды,

И очень мало счастья, свободы и любви.

.....

С пелёнок убедилась, что жизнь – одна игра.

Скажите ж, ради Бога, зачем она дана? [48: с. 12]

(«Цена жизни»)

После развода А.И. Соловьев с дочерьми переехал на родину, в город Обоянь Курской губернии (ныне – районный центр Курской области, находящийся в 60 километрах от Курска). С этого времени Обоянь – уютный провинциальный городок, расположенный в южной части Среднерусской возвышенности, история возникновения которого уходит в глубь веков, станет

главным в жизни и творчестве Шелест. Красота родных мест с «прозрачными рассветами», голосистыми соловьями, «зелеными садами» и «сиреневыми далями» будет воспеваться поэтессой.

О существенной связи, которая устанавливается между художественным текстом и местом, вдохновившим поэта на его создание, уже много было сказано исследователями литературы. Так, по словам Д.С. Лихачева, «понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть поняты только в связи со всей родной страной» [131: с. 3]. Именно поэтому в нашем исследовании, посвященном региональной литературе и творчеству автора, представляющего ее, уделяется особое внимание локусу, где родилась и выросла поэтесса, теме малой родины.

Соловьевы жили в центре уездного города Обоянь в пятикомнатном дубовом доме с каменным фундаментом, 1868 года постройки. Семья имела богатейший сад (24 сотки), засаженный липами (На липы, что цветущими остались/ Их мой отец когда-то посадил [48: с. 197]) и яблонями. Сад был семейной гордостью.

Несмотря на внешнее благополучие, жизнь Шелест в родном доме складывалась нелегко. Отец Шелест был сложным человеком. С одной стороны, А.И. Соловьёв – уважаемый учитель, занимающийся широкой общественной деятельностью, с другой – чрезмерно строгий и взыскательный отец, не всегда справедливый по отношению к детям. Трудные взаимоотношения с отцом, отсутствие материнской любви и ласки – все эти переживания, выпавшие на долю Шелест в детстве, ложились в основу самых первых стихов:

В детстве сердце моё казнили,
Кто поверит: отняли мать [48: с. 7].

(«В детстве сердце моё казнили»)

Как отмечается С.Б. Юркевич и Л.Н. Резцовым, детские стихи эти, конечно же, были ещё далеки от поэтического совершенства. «Проба пера...такая ранняя. Но глубина и сила чувств, слияние этой детской души с природой, постоянное сосуществование с ней – удивляют» [Там же. С. 12]. Даже то немногое, что нам известно, позволяет сделать вывод о раннем увлечении будущей поэтессы сочинением стихов в большом количестве. И уже тогда проявился особый дар Шелест – чуткое восприятие природного мира. В детстве, в непростой жизненной ситуации, утешение она находила в общении с природой, где «одуванчик блестит золотой» и робко глядит василек – «дитя родных полей», где шумит дождь – «частый, скучный гость осенний» и «прохладно под крыльями ночи». Именно эти природные ландшафты родной стороны определили устойчивость образов и мотивов в последующих стихах Шелест.

Неслучайно формирование творческого сознания связано с влиянием на личность именно впечатлений детства. Так детские эмоции и воспоминания Шелест послужили источником для ее первых стихотворных опытов. Ранние стихотворения отразили семейный уклад Соловьевых и жизнь юной поэтессы: строгое воспитание, большое внимание к процессу образования, чтение классической отечественной и зарубежной литературы, переезды, связанные с разводом родителей, а также обостренное чувство привязанности к малой родине.

В 1910 г. Шелест была зачислена в Обоянскую гимназию. Годы учебы (1910–1918) заложили в ее характере чувство ответственности. Будучи по характеру человеком целеустремленным, она относилась серьезно к изучению всех учебных дисциплин. К сожалению, об этом периоде жизни Шелест почти не сохранилось документальных подтверждений, есть только скудные отрывочные сведения. Поэтому мы можем судить о нем лишь по разрозненным фактам, а также дневниковым записям Шелест, позволяющим восстановить биографическую канву и жизненные события.

Как отмечает исследователь В.В. Колобов, «Дневник – всегда факт биографии отдельного человека и одновременно свидетельство жизни целого поколения. С гносеологической точки зрения дневник – это всегда послание потомкам, повод для соотнесения прошлого, настоящего и будущего. Дневник помогает понять закономерность не только бытия отдельного человека, но и общества в целом» [112: с. 4]. И, безусловно, дневник Шелест обладает всеми этими свойствами, представляя для нашего исследования важный эгодокумент, как и дневник ее старшей сестры Ксении Соловьевой «Мои воспоминания. Записки про жизнь Соловьевой Ксении Анатольевны», являющийся важным свидетельством о жизни поэтессы. Так, дневник Ксении Соловьевой рассказывает о творческих увлечениях Шелест: занималась лепкой, пением, участвовала в концертах, тепло и задушевно исполняя романсы, русские народные песни, интересовалась театром. С особой гордостью автор дневника отмечала: Моя сестрица Лидия выходила со своими стихами на вечерах. Получала конфеты в красивых коробках и, конечно, бесконечные поздравления родителей. Начальница Зинаида Николаевна Трутовская гордилась Лидией [3]. Воспоминания об этом периоде можно найти и в стихах самой Шелест:

Я в детстве пела... В юности – на сцене.
Был скромненький наш городок.
Но радость мне давало это пенье
В густой и свежей зелени садов [48: с. 255].

(«Я в детстве пела... В юности – на сцене»)

Именно благодаря дневнику К.А. Соловьевой стало известно о том, что в гимназии Шелест начала писать и пьесы. Они имели определенный успех. Например, пьесы «Осенняя сказка» и «Снегурочка» были поставлены не только на гимназической сцене, но и на городской. Лидия была и сценарист, и режиссер, и главный художник-декоратор. Она писала и воссоздавала «на

сцене что-то волшебное: сказочные фантазии ее завораживали...» [48: с. 18], – подчеркивается в книге «Прислушайся к сердцу».

И все-таки в ряду разных увлечений и интересов Шелест главное место занимает русская и мировая литература. Справедливо будет сказать, что любовь к литературе унаследовала она от отца. А.И. Соловьев имел богатую библиотеку с редкими книгами, никогда не жалел денег на книги, журналы, считая, что все это будет способствовать разностороннему развитию детей. Подлинное открытие отечественной классики для Шелест было связано с именами А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева. Интерес к мировой литературе начинался с увлечения творчеством Иоганна Гете и Уильяма Шекспира. Параллельно любви к литературе проявляется и тяга к творчеству: «Стихи прокрались тихо в душу, / Вошли и поселились в ней навек». К ней рано приходит осознание того, что словесное творчество – это ее призвание, ее судьба. В гимназические годы Шелест аккуратно записывает свои стихи в тетради (сегодня их бережно хранят ее дочь и внуки). В одной из них, например, есть запись, которая в какой-то степени помогает понять особенность ее восприятия жизни: «...Вся эта пёстрая, яркая, разноцветная жизнь – громадная коробка. <...> Открывайте скорее таинственную коробку. Загляните в неё поскорее...Закрывай скорее глаза и бери! Только помни, что ты возьмешь один раз...» [Там же. С. 19].

Юность Лидии пришлась на годы революции и гражданской войны. В силу возраста и жизни в провинции, далекой от революционного движения, ей трудно было осознать и осмыслить все происходящее. Именно поэтому ее стихи не о суровой реальности будней переломного времени, а, как и водится в юности, о прекрасном и вечном, о любви и красоте окружающей природы (юношеские стихотворения: «Ты не знаешь, милый», «Сирень персидская», «Я метелью быть хочу» , «Я кого-то люблю, я кого-то люблю», «Душно в доме» и другие).

Но, как отмечал А.Е. Кедровский, социально-политические перипетии не могли оставить в стороне исконные чувства и переживания людей.

Безусловно, это отразилось и на тенденциях литературного развития 1917–1930 гг. Так, в поэзии этого периода отразилась и общая атмосфера времени, и, конечно же, оставались актуальными темы любви, природы, вдохновения, бытия [102: с. 15].

В новых исторических условиях существенно обострилась тема роли и модели современного искусства. Были сформированы следующие виды отношений к нему: оно осмыслялось «художественным способом познания жизни» [64: с. 3] или продолжением идеологии. Последней точки зрения придерживались пролеткультовцы: А. Луначарский, А. Богданов, Н. Лукин, В. Игнатов, Ф. Калинин и другие, считавшие, что литература должна воспитывать общество и быть «рядом с политическим руководством, подчиняясь ему» [64: с. 3]. В эти годы орган Курского Комитета Социалистического Союза рабочей молодежи «III Интернационал» утверждал, что искусство пока «служит источником эстетического наслаждения исключительно для буржуазии» [69: с. 42]. Он призывал современных авторов повернуть искусство лицом к трудовому народу. Эту задачу выполняли Иван Горалек, Тихон Иванов, Борис Соколов и другие курские литераторы⁹, публиковавшиеся в журнале «Вестник М.К.В.ж.д.»¹⁰. Необходимо отметить, что региональная периодика того времени была буквально «перенасыщена стихами» [Там же. С. 43], зачастую подражательными и технически слабыми.

Шелест, как начинающий поэт, еще не входит в группу курских литераторов и, как уже отмечалось выше, отдает предпочтение темам любви и природы. Но, как и многие из ее окружения, начинающая поэтесса с горечью осмысливала вспыхнувшую на родной земле братоубийственную гражданскую войну. По мнению Шелест, в ней не было победителей и

---

⁹Курский Союз поэтов будет создан только в марте 1920 года.

¹⁰«Вестник М.К.В.ж.д.» был переименован в «Наш журнал». Выходил в Курске с 15 октября 1917 года по 14 сентября 1919 года. Его учредителями за это время были Главный ревком и Дорожный отдел народного образования.

побежденных. Это время она называет «черными днями», которые «в сердце впивались»:

Мне больно, мне больно,
Но там, где-то там
Живешь ты, мой светлый,
Мой радостный день... [48: с. 22]

(поэма «Черные дни»)

Непростой период в жизни Шелест воссоздается нами благодаря краеведческой литературе и дневниковым записям близкой подруги Шелест Натальи Пахомовой. Эти источники являются важными для характеристики внутреннего развития и интересов юной поэтессы. Значимыми представляются фрагменты дневника, где подруга Шелест, близкая ей по духу, описывает происходящие события и оценивает их. Так, 17 августа 1918 года в дневнике Натальи Пахомовой содержится следующая запись: Странно видеть такое глубокое противоречие, как война. С синим небом, с ясным солнцем – люди бьются, это несовместимо. Такой день. Природа не гармонирует с этими действиями. Это все равно, как в один чудный синий день бабьего лета вдруг посыпался снег, завывла вьюга [2]. Дневник Пахомовой можно рассматривать и как важный фактический документ. Так, 6 сентября 1918 года в ее записях указано: Обоянь в руках красных, и каждый день бои... Пушечная пальба не смолкает, и наши трусливые обоянцы до того привыкли, что равнодушно разгуливают по городу, хотя вначале все сидели в подвалах. Много буржуйчиков уехали (обоянские эмигранты). За все и про все отдувается беднота. А положение-то не из блестящих. Мало того, что приходится ежедневно дрожать, слушая пулеметную пальбу, но еще ... голод [Там же].

Можно предположить, что именно эти события легли в основу поэмы Лидии Шелест «Черные дни», разрозненные части которой удалось найти в

черновиках автора. В обрушившейся на родную Обоянь трагедии Шелест винит и красных, и белых, которые чинили расправу друг над другом:

Сыпала вьюга иглы...
В сердце впивались дни.
Сколько их, гордых погибло,
Гордых и сердцем лихих! [48: с. 22]

(Поэма «Черные дни»)

О массовых кровопролитиях в провинциальном городе, где жила Шелест, не раз упоминали историки. Например, краевед П.А. Кравцов в своей книге «Обоянь» писал о том, что 17 августа 1918 года деникинцы заняли Обоянь, и менее чем через две недели город оказался в руках «красных». В сентябре положение изменилось вновь. Белогвардейцы устанавливали дореволюционные порядки, расправлялись с коммунистами и сочувствующими, устраивали грабежи, расстрелы, массовые порки населения. Перед отступлением 20 ноября «белые» расстреляли на реке Псёл 24 человека и сбросили трупы под лед. Эти события, свидетелем которых, вероятнее всего, стала юная Шелест, также нашли отражение в поэме Шелест «Чёрные дни»:

Ужас пришел незримо,
К сердцу привесил гири.
Ночью из тюрьмы
Вывели двадцать четыре,
Месяц юркнул за тучи,
Чтобы не слышать залпа [48: с. 23].

(Поэма «Черные дни»)

Горем и скорбью проникнуты поэтические строки, которые показывают всю трагедию гражданской войны – раскол общества на «своих» и «чужих», обесценивание человеческой жизни. Очевидно, что Шелест осмысляла

гражданскую войну как бессмысленное явление, принесшее всем, независимо от занимаемой позиции, только многочисленные страдания и потери:

Разрывными стреляли пулями
В кровавый живой комок,
Проклинали себя патрули...
Выстрел последний смолк [48: с. 23].

(Поэма «Черные дни»)

Это мироощущение, выраженное в несовершенных стихах Шелест, было характерно для восприятия современности литераторами. Литературный процесс 1910–1920-х гг. – это время, когда «выразилось сложное отношение поэтов к происходящим событиям империалистической войны, свержению самодержавия, Февральской и Октябрьской революциям» [57: с. 26].

Стоит заметить, что данный период в истории нашей страны – это еще и процесс оформления нового государства. У Лидии Шелест сложилось неоднозначное отношение к этому времени: с одной стороны, она искренне не принимала революцию, с другой – Шелест манила романтика перемен. Поэтические тексты Лидии Шелест 1920-х годов отражали перемены в стране, а также эмоциональный отклик автора на них: Вместе с нашею страной / Нынче молодость бушует и Петь о Родине счастливой, / Что же может быть чудесней? Возможно, именно этим было продиктовано желание покинуть отчий дом, получить образование, познакомиться с новыми городами. Красноречиво об этом свидетельствуют дневники поэтессы [1] и ее сестры Ксении Соловьевой [3].

Последняя писала: В 1921 году мы с сестрой Лидией и ее верной подругой Наташей Пахомовой поехали в Курск, – пишет в своем дневнике К. Соловьева. – Чтобы там работать, а вечером посещать КИНО (Курский институт народного образования) [Там же]. Покидая малую родину, Шелест в своих записях обращалась к природе: Прощай, Обоянь! Прощай, прощай,

тихий сад! Уж ты сад, ты мой сад! Мой зелёный сад! Прощай, лиловая сирень, зелёный затон, зелёная тишь... [48: с. 26].

По свидетельствам дочери поэтессы С.Б. Юркевич, в Курске сестрам пришлось совмещать учебу в институте с работой воспитателя в детском саду, детском доме, так как они сами должны были обеспечивать себя. Затем была поездка в Москву, неудачная попытка поступить в ВХУТЕМАС на скульптурное отделение, работа воспитателем в детском доме в поселке Рамонь под Воронежем. Шелест, в детстве обделенная любовью и лаской, старалась помочь своим маленьким воспитанникам, подарить им тепло и заботу. Во время работы в Рамони поэтессой были написаны стихи для детей и о детях:

Вы о красном лете не грустите, детки,
У рябины красной мы попросим ветки [48: с. 30].

и

Дети – радость!
Дети – солнце! [Там же. С. 366]

В Рамони были созданы стихотворения Шелест: «Летние грибы», «Осенняя песенка», «Лето кончилось», «Здравствуй, ёжик!», «Ёлочка», «Рукавичка», «Снежинки» и другие. Необходимо отметить, что именно на это время приходится творческий дебют Лидии Шелест. В газете «Воронежская коммуна» в 1927 г. напечатали ее стихи и поэму «Анна Крагина». Следует заметить, что «Воронежская коммуна», приобретшая репутацию одного из наиболее влиятельных изданий губернии, не только предоставляла возможность печататься на своих страницах популярным прозаикам и поэтам, среди которых были Н.А. Задонский, М.И. Лызлов, В.И. Нарбут, А.П. Платонов, Н.П. Стальский и др., но и способствовала выявлению местных талантливых авторов, в числе их оказалась и Лидия Шелест. В семейном архиве об этом событии сохранилась корреспонденция Шелест, которая дает возможность почувствовать настроение ее автора. Так, в одном

из писем к сестре она делится радостной новостью: Завтра я иду из детгородка в Усмань получать на почте свой первый гонорар! Знаешь откуда? Из “Воронежской коммуны”... мне прислали семь рублей. Теперь я себе к Москве сделаю шерстяное платье, добавив рублей шесть. А то у меня одно только, обоянское – клетчатое [4].

Одним из первых на творческий дебют Шелест отозвался советский писатель, член союза писателей СССР Л.Н. Завадовский¹¹, который в это время жил и работал в Усмани Тамбовской губернии. Журнал «Красная нива» относил Завадовского к ряду крупных советских писателей. Так, в 1928 году издание опубликовало фотографии восьмидесяти ведущих советских писателей, среди них были М. Горький, М. Шолохов, М. Пришвин, А. Фадеев, А. Серафимович, А. Новиков-Прибой, Ф. Гладков, Л. Леонов. «В этой плеяде знаменитых был помещен и портрет Л. Завадовского» [180: с. 5]. Реалистическое творчество Завадовского, гуманистическое по духу, противостояло «эстетству и формализму» [Там же. С. 7]. Оно достаточно органично входило в молодую советскую литературу, которая в начале 30-х годов поступательно овладевала новыми художественными принципами социалистического реализма. Автор сборников рассказов «Полова», «Вражда», «Железный круг», романа «Золото» и других произведений при личной встрече с Лидией Шелест отметил творческое дарование начинающей поэтессы и даже предсказал Шелест широкую литературную дорогу.

Стоит сказать, что их знакомство, скорее всего, было продиктовано временем. Ведь именно в эти годы по всей стране активно создавались писательские организации, где работа с молодыми авторами строго контролировалась органами местной власти. Кроме того, по справедливому замечанию О.Е. Денисовой, «одной из особенностей русской культурной жизни начала XX века стал процесс объединения поэтов и писателей в творческие союзы на основе близости идейно-художественных и философских

---

¹¹Завадовский Леонид Николаевич (1888- 1938) – русский советский писатель, член Союза писателей СССР. С 1918 по 1938 г. жил и работал в г. Усмани Тамбовской губернии.

программ» [86: с. 39]. Результатом этой деятельности стало увеличение публикаций произведений начинающих авторов в общей массе художественной литературы.

Итак, 1908 –1927 гг. в жизни Шелест не без оснований можно назвать основополагающим периодом, когда складывалась ее позиция как личности и как поэта, когда она пыталась сформировать свой творческий почерк. Хотя ни в одну писательскую организацию Лидия Анатольевна так и не вступила.

1.2. Путь творческого самоопределения

Последующее десятилетие в поэтической и публицистической карьере Лидии Шелест, судя по всему, можно считать важным этапом, который включал творческое самоопределение, формирование мыслей и чувств, желание делиться ими. В разные годы этого периода Шелест жила и работала на Южном Урале, в Архангельске, Туруханском крае. Поэтесса оказалась там в годы развертывания ускоренной советской индустриализации, вошедшей в историю массовым трудовым героизмом молодежи – ударничеством и крупными стройками. Сегодня по-новому, с учётом современных исторических знаний исследователи стремятся представить реальное содержание того сложного, противоречивого времени, называемого эпохой первых пятилеток, построения социализма и сталинизма, большого террора в нашей стране. «В 1930-е гг. поэтический процесс продолжал свое интенсивное развитие как бы на глубине, существовал только как проявление потенциала ранее определившихся или только еще формирующихся индивидуальностей. <...>Главным же препятствием развитию литературного процесса в 1930-е гг. стала политика репрессий против поэтов, их физическое истребление» [57: с. 73]. По счастливой случайности, семьи молодой поэтессы и ее лично репрессивная государственная машина не коснулась.

Как уже было отмечено, Шелест манила романтика всего нового, и, конечно же, она не оставалась в стороне от всего происходящего в стране.

Именно поэтому она без тени сомнения, как и многие ее сверстники, отправляется на Южный Урал, где усиленными темпами идет строительство, ориентированное на превращение Урала в «опорный край» державы.

Несомненно, на решение уехать из родных мест повлияло и желание увидеть просторы необъятной страны, покинуть «сонную Обоянь», и стремление утвердиться в жизни, получить новые возможности, состояться как литератор. Шелест с сестрой и братом приехала в Челябинск. Южный Урал с зелеными лесами, озёрами и реками, бесчисленными природными богатствами вдохновлял поэтессу. Уральские впечатления Лидии Шелест нашли выражение в целом ряде лирических произведений («Урал», «Радуга веков», «Песни» и другие). Безусловно, эти стихотворения не составляют полноценный цикл, но в группу, описывающую реальный географический локус, их можно объединить. Рассматривать Урал как один из топосов в художественном мире Шелест, вероятнее всего, тоже не стоит. Дело в том, что «чудесный край суровых гор» в поэзии Шелест – не площадка, где происходят важные события (как, например, Курская земля), а именно место, с которым поэтесса знакомится впервые. Неслучайно в упомянутых стихах широко развернуто именно описание Урала как нового края:

В лесах столетних тишь и лень,
Как будто век еще пещерный:
У водоёма пьёт олень,
Изящны козы, точно серны [Там же. С. 144].

(«Урал»)

Но если учесть историческую обстановку, в которой создавались эти стихотворения, то можно предположить, что Шелест изображает Урал в процессе претворения, происходящего на ее глазах:

Города из синей стали
Залпом пьют стеклянный воздух.
Мощью дышат паровозы,

Таким образом, в стихотворениях поэтесса реконструирует целостную картину реально увиденного, где горы и леса сменяются дымящими предприятиями.

Стоит сказать, что именно на Урале Шелест начнет профессиональную карьеру в сфере журналистики. К работе на этом поприще Шелест приступит в должности правщика в редакции газеты «Челябинский рабочий», которая входила в разряд крупнейших газет Урала¹², имела большой тираж. Два года работы в редакции (1927–1929) – важные шаги на журналистском поприще. Как писала сама Шелест в своем дневнике, газетное дело давалось нелегко, что заставляло поддаваться отчаянию и вести себя в редакции неуверенно. Но, при этом, творческая работа увлекла ее, познакомила с интересными людьми, научила требовательно относиться к своим материалам, позволила освоить азы практической журналистики. Кроме того, в эти же годы Шелест будет печататься в газете уездного, затем окружного и городского комитетов ВКП(б) города Златоуста «Пролетарская мысль». Однако поэзию Шелест не оставляла, ее стихотворения публикуются в журнале Южного Урала «Маховик». Надо сказать, что издание было своеобразным местом творческого объединения литераторов Златоуста «Мартен». Так, с литературным отделом периодического издания «сотрудничали будущие «мартеновцы»: С. Иванов (Южный), С. Колосницын, И. Приблудный, П. Феоктистов, С. Фомин, П. Трегубенков, П. Баранов. Здесь дебютировал с поэзией Н.И. Харитонов – крупная фигура в уральском литературном движении 1930-х гг.» [97: с. 25].

На Урале Лидия Шелест обрела личное счастье. Встреча с Борисом Платоновичем Юркевичем (Башиловым) оказалась судьбоносной. В воспоминаниях Шелест писала: Встретились мы прозрачной и золотой

---

¹² Газета «Челябинский рабочий» издается в г. Челябинске с 1908 г. Со 2 февраля 1926 года газета носит нынешнее название.

уральской осенью. И эта встреча запала мне в душу так же, как тебе – мои стихи. Ты приехал из Сухуми в свой родной Челябинск и зашел в редакцию “Челябинский рабочий” ...<... > Ты решил поработать в нашей редакции, прежде чем снова отправиться в новое странствование. Тебя называли следопытом и говорили о тебе, как о талантливом очеркисте [1]. Полагаем, что Борис Башилов (настоящее имя – Борис Платонович Юркевич) (1908–1970) нуждается в дополнительном представлении. Писатель и журналист, начал печататься в 1924 году. Занимался журналистской работой в районах Крайнего Севера и Сибири. Будучи человеком энергичным и деятельным, Башилов всегда находится в гуще событий, происходивших в стране: принимал участие в военизированных агитпробегах на собаках: Архангельск – Москва (1930), затем Свердловск – Москва (1931). Курский период жизни и литературной деятельности Башилова завершился выходом повести “Григорий Шелихов”. В 1950–60 годы напечатан главный труд Башилова – “История русского масонства” в девяти томах.

Лидия Шелест разделяла любовь Юркевича к Северу, его интерес к полярным просторам. Пребыванию на Севере посвящены её стихотворения: «Моя страна», «Архангельск», «Большой Урус», «Бригада охотников ханты», «Интервью», «Героям челюскинцам», «Весна на Диксоне» и другие. Шелест следует за мужем сначала в Архангельск (1929–1932 гг.), потом в Туруханск, становится ему помощником во всех делах, которыми была заполнена их совместная жизнь. В дневниковых воспоминаниях «Страницы прошлого» с уважением отмечает его «влюблённость в журналистскую работу», тем более, что эта же влюбленность была присуща и ей самой. В это время Шелест работала в Архангельских изданиях: «Моряк Севера», «Правда Севера», «Северный комсомолец», а затем в Туруханске, где она занимала должность ответственного секретаря Краевой газеты Туруханского края. Этот жизненный период поэтесса связывает с большим эмоциональным подъемом, когда во всем чувствовалось ликование и всюду звучала «все побеждающая радость жизни и творчества» [48: с. 44].

В статьях и корреспонденциях Шелест поднимала самые различные темы и проблемы. Она писала не только о социалистических соревнованиях, свершениях и изменениях на производствах, но и открывала читателям частный мир человека. К сожалению, статьи и очерки Шелест, опубликованные в изданиях Поморского Севера и Урала, в семейном архиве не сохранились, так как они, «приложенные» к ее заявлению об устройстве на работу в редакцию газеты «Молодая гвардия» г. Курска в 1938 году, по невыясненным обстоятельствам утеряны¹³. Тематика публицистики Шелест тех лет перекликалась с ее поэтическим творчеством. Она стремилась обратиться к людям и их профессиональным заслугам, рассказать о строителях, рабочих, рыбаках и моряках, исследователях северных просторов и отважных летчиках. «Романтика смелых исканий» объединяет «отважных папанинцев» – «встали на страже науки герои, зажатые льдом» и суровых «охотников ханты», дающих «пушнину стране», и рыбаков, которым нестрашен север, что «ярится, колотится о спину и рвет весло». Поэтесса создала в своих произведениях образ идеального героя времени. Отдельные стихотворения поэтессы публикуют в литературно-художественном краеведческом журнале «Будущая Сибирь» (орган Восточно-Сибирского оргкомитета Союза советских писателей). Стихотворения Шелест: «Моя страна», «О сыне», «Моя страна» напечатают в антологии сибирских поэтов «Хвойный ветер».

Подтверждение тому, что Шелест вела активную творческую деятельность, находим и в ее переписке с иркутским поэтом и прозаиком Иваном Молчановым-Сибирским¹⁴, сохранившейся в семейном архиве родных поэтессы. Так, в корреспонденции от 25 января 1935 года Молчанов-Сибирский пишет Шелест: У нас намечается издание краевого детского журнала «Советские ребята». У меня к вам большая просьба – прислать мне

---

¹³ Сведения из интервью с С.Б. Юркевич, дочерью Лидии Шелест. 2013. 17 мая.

¹⁴ Иван Иванович Молчанов (1903, Владивосток –1958, Иркутск) – русский советский поэт и прозаик, детский писатель, журналист, военный корреспондент.

детские стихи и рассказы о севере и северных ребятишках. Это было бы интересно и очень хорошо [7]. Месяцем позже он напишет Шелест письмо с похвалой: Вы пишете хорошие волнующие стихи. Они просты, (неразборчиво) они яркие и красочны. Я проверял их среди самых строгих критиков – среди ребят. У меня много друзей пионеров¹⁵, и они с большим вниманием слушали ваши новые стихи [Там же]. А в июне 1936 года Молчанов- Сибирский укорит Шелест: Редко, очень редко я получаю ваши письма – а еще реже стихи. Хотелось бы и то, и другое видеть чаще [Там же].

Стоит сказать, что стихотворения Шелест этого периода публиковались не только на Севере, но и в столичных печатных органах. Так, в «Учительской газете»¹⁶ было опубликовано стихотворение Шелест «Большой Урус»:

Звезды – зерна золотой пшеницы.
Необъятна и темна тайга.
В зиму хвост пушистей у лисицы,
И оленьи дороги рога [48: с. 149].

(«Большой Урус»)

Публикация в столичном издании для поэтессы была гордостью. Это обстоятельство тоже было отмечено в ее дневнике: С трепетной любовью вынашивала я каждый образ, так гордилась тем, что меня вдруг напечатала Москва [1].

Время работы на Севере стало определяющим и в карьере Шелест как журналиста. Следует отметить, что этот сложный и противоречивый период отечественной истории характеризовался полной зависимостью СМИ от административно-командной системы. Поэтому в рамках советской мифологии журналисты занимались созданием особого имиджа СССР –

---

¹⁵В 1933. г. под руководством И.И. Молчанова-Сибирского был создан первый в стране пионерский творческий коллектив «База курносых», написавший и проиллюстрировавший книгу «База курносых»: Пионеры о себе» (1934); коллектив был приглашен на открытие Первого съезда писателей СССР.

¹⁶ Российский (ранее советский) центральный орган печати. Издаётся с 1924 года в Москве, в XXI веке выходит еженедельно.

«страна – положительный герой». Отражение этой тенденции можно найти в поэзии Шелест:

Страна моя богата до отказа;
Как не гордиться родиной моей!
Её на карте не окинешь глазом...
Стекают жатвы с бронзовых полей... [48: с. 147]

(«Моя страна»)

Творческие усилия автора были замечены. В ноябрьском номере архангельского журнала «Наш опыт» (1937 г.), орган политуправления Наркомвода, и газеты «Водный транспорт» в разделе «Литературная страница» о Лидии Шелест говорится уже как об опытном архангельском газетном работнике и поэтессе [1].

1.3. Курский период жизни и творчества

В январе 1937 года Шелест вернулась в Курск. Она без радости покинула полюбившийся ей Архангельск, оставила работу в газете «Северный комсомолец». Объяснение столь неожиданному повороту в судьбе отражено в воспоминаниях ее дочери С.Б. Юркевич: Л. Шелест по поручению редакции написала очерк о рабочем лесопильного завода, за что “удостоилась” вызова к главному редактору: “Лида, что же ты наделала? Про раскулаченного написала. Он же в ссылке здесь, а ты славил его... Уже приходили... Оттуда, – понизил он голос. – Забирай детей и немедленно уезжай из Архангельска, да подальше. И про отца твоего тоже узнали... Он же – бывший дворянин¹⁷.”

Надо было возвращаться в Курск. И опять начинать сначала. В своем дневнике Шелест писала: Сколько их этих дорог и путей лежит в моём прошлом! Семь раз я свивала по-новому своё гнездо, всю заботу сердца

---

¹⁷Сведения из интервью с С.Б. Юркевич, дочерью Лидии Шелест. 2013. 17 мая.

отдавала, чтобы сделать его тёплым и мягким, всегда забывая о себе [1]. С 1938 года и до конца своей жизни (1986) Лидия Шелест будет находиться на родной курской земле. Несмотря на то, что переезд с Поморского Севера в родные края был вынужденным, возвращение на родину принесло обретение внутренней гармонии и новых творческих открытий. Не без оснований, в ее беллетризованном жизнеописании подчеркивается, что для Шелест три года, последние перед войной, были такими благополучными, светлыми, отрадными. Все сложилось удачно: была любимая работа, семья, дом, в центре города, расположенный в большом саду. Позже поэтесса будет вспоминать этот период как один из самых счастливых в ее жизни. Супруги находились в центре культурной жизни Курска: театр, литература, выставки.

Именно в 40-е годы имя Лидии Шелест будет активно звучать в литературном пространстве Курска. Так, курский краевед Ю.А. Бугров упоминал: «В 1938 году был издан стихотворный сборник четырех поэтов – Ф. Белкина, Н. Истомина, Н. Корнеева, Л. Шелест. Интересной поэтессой заявила о себе Лидия Анатольевна Шелест (Соловьева)» [69: с. 61]. Кроме того, исследователь подчеркивал, что перед Великой Отечественной войной в областном центре сложилось ядро интересных писателей, в которое, по его мнению, вошли Л. Шелест, Б. Юркевич, Н. Корнеев, Н. Истомин и другие авторы. И, возможно, уже тогда писатели и поэты могли бы войти в Союз писателей СССР, но война внесла свои коррективы в их жизни и творчество.

Необходимо сказать, что именно в предвоенные годы важное место в творчестве Шелест занимала журналистика. Имена Лидии Шелест и Бориса Юркевича часто появлялись на страницах курских газет. Именно поэтому журналистика является важным аспектом биографии Шелест и ее курского периода, в частности. Сначала Шелест (01.02.1938 г.) была принята на должность литературного консультанта в редакцию областной комсомольской газеты «Молодая гвардия», издававшейся в Курске с 1934 г., затем была переведена (02. 02.1939 г.) на должность заведующей литературным отделом

[5]. Среди немногочисленных изданий курской печати этого периода «Молодая гвардия» занимала одно из ведущих мест. «Молодая гвардия» публикует материалы о новых предприятиях, машинно-тракторных станциях, домах культуры. По мнению редактора газеты «Городские известия» С.В. Рудаковой, читатели видели в журналистах газеты «не контролеров и сухих информаторов, а своих помощников. Они поистине, как и требовало время, были организаторами, агитаторами и пропагандистами» [234: с. 239]. По заданию редакции Шелест тоже побывала в разных уголках Курской области, писала репортажи и очерки на злободневные темы. В эти годы газеты «Курская правда», «Молодая гвардия» и «Пионер» охотно печатали стихи и прозу начинающих авторов.

В 1939 году Шелест была уволена из редакции «Молодой гвардии». Занимаясь подготовкой очередного номера к выпуску, Шелест сократила статью Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотова, чтобы поместить в газету несколько заметок о курских буднях. Это было недопустимо и не могло остаться безнаказанным. В итоге Шелест пришлось уйти из редакции «Молодой гвардии». После чего журналист осталась без работы¹⁸.

Однако на поэтическое творчество Шелест увольнение не могло повлиять, она продолжала писать стихи по велению сердца. Так, в 1940 году ее лирические произведения будут опубликованы в «Литературном альманахе». Кроме того, ее стихи, а также других поэтов и прозаиков Курска были собраны для печати в следующем номере издания, но его выходу помешала война. Важно подчеркнуть, что тексты курских авторов того периода в центральной прессе оценивали достаточно высоко: «В довоенных альманахах, выходивших в Курске, были произведения, вызвавшие одобрительные отклики центральной печати...» [60: с. 116]

1.3.1. Журналистская деятельность

---

¹⁸Сведения из интервью с Юркевич С.Б. от 13 апреля 2013 года.

После увольнения Шелест продолжила журналистскую деятельность: писала театральные и литературные рецензии, которые публиковались под именем мужа, Б. Юркевича, работавшего в это время в «Курской правде»¹⁹. В 1938–1940 гг. жанр театральной и литературной рецензии занимал ключевое место в аналитической журналистике Лидии Шелест. По свидетельствам дочери поэтессы С.Б. Юркевич, Шелест очень любила театр: Мама всегда охотно писала о нём, следила за жизнью курского драматического театра. Она даже являлась членом Всероссийского театрального общества [4].

Важно подчеркнуть, что в общественной жизни Курска театр всегда занимал достойное место. Как показывают исследования краеведов С.Е. Горлинской, Ю.А. Бугрова, столица соловьиного края входила в разряд театральных городов России. Так, с 1915 по 1916 гг. в Курске издавался еженедельный художественно-иллюстрированный журнал «Курский театр». В 1921 году функции культурного рупора выполнял еженедельный художественно-литературный журнал «Культура Искусства». Эти СМИ давали отклик на события культурной жизни, творческие мероприятия, в том числе, и на театральные представления. Конечно, для провинции того времени подобные издания были редкостью. Когда о культурной жизни региона писала Лидия Шелест, в Курской области не было специализированных журналов и газет, свои рецензии она публиковала в «Курской правде». Прежде всего, стоит отметить, что материалы Шелест вписывались в классические рамки данного жанра. Её работы представляли собой краткий отзыв, рассматривающий и оценивающий одно, либо несколько представлений, либо произведений. Большинство рецензий журналиста были ориентированы на подобный авторский подход. К таковым можно отнести и рецензию «Искаженный Флобер», посвященной постановке «Эмма Бовари» в Курском драматическом театре. Её цель – рассказать читателю о том, что действительно заслуживало внимания, а также помочь лучше разобраться в

---

¹⁹Именно в 1939 году в газете появится постоянная литературная страница.

вопросах той сферы, которой касается рецензируемое произведение. Шелест повествует, что инсценировщик и постановщик существенно исказили замысел Флобера, окружив «ореолом романтики» то, что изначально должно было стать предметом осуждения. Шелест умело выбирает то, что может стать своеобразным центром произведения, а затем использует этот акцент для введения в текст элементов критического анализа. Авторская оценка сопровождает буквально весь небольшой текст, в итоге Шелест подытоживает, что курский зритель хочет и должен видеть талантливые постановки русских и иностранных классиков, а не искаженные пьесы [39]. Качество рецензии определяется включением элементов литературно-критического анализа, что способствует убедительности позиции и оценок рецензента, а также формированию эстетического вкуса у зрителей.

Спектакль «Госпожа Бовари» обсуждается журналистом и в другой рецензии «Серьезное предупреждение». Примечательно, что в ней Шелест сосредоточена не только на личной позиции. Автор делает своеобразный обзор прессы по поводу постановки: «Особенно суровую оценку встретила постановка “Эмма Бовари” (режиссер А. Канин), на которую руководство театра возлагало особенно большие надежды. В помещённой в “Правде” статье Ю. Данилин пишет о постановке “Эммы Бовари”, как сугубо провинциальной», или “Литературная газета” поместила рецензию “В защиту Флобера”, автор которой Ал. Крон пишет: “Авторы спектакля “Эмма Бовари” оказались не только плохими истолкователями романа, но и плохими его читателями”» [50]. Сопоставляя различные публикации, Шелест приходит к следующему выводу: «У курского театра еще нет собственного творческого лица, отличного от других театров.<...> Если правильно будет поставлено художественное руководство, коллектив театра, имеющий в своём составе немало интересных, даровитых актёров, уверенно пойдёт по дороге творческого самоопределения, порадует зрителя интересными, культурными спектаклями» [Там же]. Автор не только оценивает положение местного театра, но даже предлагает пути выхода из сложившейся ситуации. Таким

образом, можно сделать вывод, что журналист глубоко изучает тематику излагаемого материала.

С точки зрения построения рецензии Шелест имеют классическую для этого жанра схему. В большинстве случаев они представляют собой следующую структуру:

– информация, вводящая читателя в курс дела, поясняющая о чём пойдёт речь, т.е. своеобразный лид: «Комедия “Мадам Сан–Жен” принадлежит перу Викторьена Сарду, популярного французского драматурга второй половины XIX столетия» (статья «Мадам Сан –Жен»)²⁰ или «19 июля в летнем закрытом театре сада им. 1 Мая состоялось первое выступление артистов Государственного ордена Ленина Академического Малого театра Союза ССР» (статья «Сила большого искусства»);

– основная часть, раскрывающая суть рецензируемого произведения. Здесь автор нередко обращается к истории, использует цитаты из текста, а также его краткий пересказ. Например, «В маленьком нормандском городке Ионвиле, где происходит действие, живут пошлые ничтожные люди: доктор Шарль Бовари, аптекарь Омэ, аббат Бурнизьен, клерк Леон Дюпюи, помещик Буланже; все они чувствуют себя в окружающей их пошлой действительности, как рыба в воде. У них нет никаких стремлений жить иначе, жить лучше» [40];

– авторский анализ. Как и в любой рецензии, в работе Шелест на первый план выходит авторское отношение к изображаемому. Обычно журналист обращается к сюжетному ходу, декорациям: «Спектакль хорошо оформлен. Декорации и костюмы эффектны, как внешне эффектен весь спектакль». Но главный упор в большинстве рецензий Шелест делается всё-таки на игру актеров: «Зрители увидели не резонёра Чацкого, бесстрастно декламирующего монологи о подлейших чертах современного ему общества, а пылкого, умного, впечатлительного юношу, который волнуется, страдает, негодует и

---

²⁰Шелест Л.А. Мадам Сан-Жен // Курская правда. 1940. 6 июля.

скорбит – глубоко, по - настоящему. Образ Чацкого – большая удача артиста Царёва» [51]. или «Когда смотришь на игру Тамарова в роли Наполеона I, то невольно вспоминаются слова Наполеона: «От великого до смешного один шаг» [40]. Заметим, авторские оценки эмоциональные, достаточно смелые, порой даже резкие.

У Шелест вырабатывается свой, индивидуальный, творческий почерк, выражающийся в различных содержательных особенностях текстов рецензий. Так, одним из наиболее частотных тропов в текстах журналиста является сравнение, например: «костюмы эффектны, как внешне эффектен весь спектакль»; «плохих пьес, фальшиво, как в кривом зеркале, изображающих настоящее или прошлое». Обращают на себя внимание и тонкие авторские метафоры: «сюжетный узелок», «ореол романтики», «большой вкус», «глубь сюжета». Чтобы избежать монотонного повествования, Шелест зачастую использует в рецензии разностильную лексику (слова, употребляющиеся в непринужденной беседе: «врачи угощают “орла” (героя фильма) горькими микстурами», «бесхитростные зрители» и книжные выражения: «не надо быть прозорливым», «всех этих зарок», афоризмы и крылатые выражения («подняли на щит», «Благими намерениями вымощен ад», «от великого до смешного один шаг»), цитатами из литературных произведений (например, «Эмма Бовари», «Мадам Сан-Жен»), а также риторическими вопросами и восклицаниями («А над чем же, собственно, ты смеялся?», «Не она ли является стимулом к борьбе?», «...а что же нового скажет он советскому читателю в своих стихах?»). Все обозначенные черты вкупе с добродушной авторской манерой (обращения к зрителям, пожелания артистам) позволяют Шелест выйти за рамки традиционной официозной журналистики.

Излюбленной формой рецензии у Шелест становится краткая мини-рецензия, в которой сообщается о постановке и выражается отношение автора к ней. Эта форма объясняется тем, что издания «Курская правда», «Молодая гвардия», для которых писались тексты, не являлись специализированными.

Тематика рецензий Шелест подразделяется на три основные группы:

- литературные;
- театральные;
- кинокритические (к которым она обратится лишь в послевоенное время).

Исходя из публикаций конца 30-х годов, можно вполне обоснованно утверждать, что творчество Лидии Шелест 1938–1940 гг. в большей мере связано с литературной критикой и в центре ее интересов оказываются темы искусства, в частности театра и литературы.

В послевоенный период жанр рецензии в творчестве автора встречается достаточно редко. Одна из немногих публикаций – «Небесный тихоход» – посвящена фильму с одноименным названием и написана в стиле, который был присущ довоенным рецензиям автора. Композиционно работа состоит из 4 традиционных частей: информация, вводящая читателя в курс дела; основная часть, авторский анализ, вывод. В этой рецензии большое место отводится размышлениям автора, которые носят публицистический характер и соотносятся с сюжетной линией фильма: «Жизнь всепобеждающая и жажда большой светлой радости крепко заложена в человеческом сердце. И чем ярче индивидуум, чем энергичнее и творчески богаче человек, тем сильнее в нем эта жажда хорошей чистой радости» [45]. Такая философская преамбула логично связывается Шелест с обращением к сюжетной линии, повествующей о том, как главный герой комедии обретает личное счастье: «„ Судьба” бродит пока где-то возле. Скоро она придет к нему в образе обаятельной молоденькой и очень толковой журналистки» [Там же]. Мастерски Шелест даёт яркую и эмоциональную оценку игры актеров. Кроме того, в рецензии находим и выражение авторской позиции: «Этой картиной зритель не будет очарован, но он будет обрадован ею и выйдет из зала с хорошей улыбкой удовлетворения» [Там же].

Публикация Шелест «Кот в сапогах», посвященная одноименной постановке в кукольном театре, представляет собой не столько рецензию, сколько отзыв о постановке. В своем отзыве Шелест несколькими штрихами оценивает мастерство актеров, обращает внимание на художественное

оформление спектакля, которое «приятно поражает» [Там же]. Несложно заметить в тексте и фактическую составляющую, характерную для информационных заметок: «В ближайшее время коллектив театра приступает к работе над новой пьесой. Дети увидят “Сказку о солдате Иване, о ветре вольном и идолище поганом” в обработке Преображенского» [42]. В отзыве отсутствуют пространные рассуждения и выводы, и завершается он пожеланием всему коллективу кукольного театра «успеха в плодотворной и полезной работе».

Итак, отзыв о постановке «Кота в сапогах» свидетельствует о верности автора теме театра и о поиске новых возможностей литературно-критической статьи, не ограничиваясь уже освоенным жанром, успешно трансформируя его.

Подводя итоги, следует отметить следующие структурно-содержательные особенности рецензий Лидии Шелест: трансформация утвердившихся жанровых канонов, использование изобразительно-выразительных средств: метафора, сравнение, ирония, усиливающих художественность публицистических работ; вкрапление в текст разностильной лексики, пословиц и поговорок, цитат, а также риторических вопросов, обращений и восклицаний; профессиональный взгляд на явления культуры; дополнение заданных временем оценок личными; открытость и доверительность тона, позволяющие выйти за рамки шаблонной официальной журналистики.

Цель рецензента Шелест заключается не только в знакомстве читателя с особенностями литературной и культурной жизни региона и страны, в формировании общественного мнения на этой основе, но и в стремлении развивать зрителя / читателя через глубокий анализ произведений современной культуры. Это позволяет сделать вывод, что в своих публикациях Лидия Шелест активно реализовывала одну из основных функций журналистики – культурно-просветительскую, предполагающую эстетическое воспитание читательской аудитории. Кроме того, тексты ее

публикаций заслуживают внимания исследователей с точки зрения культурно-антропологического и социального их содержания, как факт истории курской журналистики. Изучение опыта региональных публицистов позволяет составить целостное понимание отечественного общественно-литературного процесса в XX веке.

1.3.2. Великая Отечественная война в жизни и публицистике Лидии Шелест

Новое направление как поэтическому, так и журналистскому творчеству Шелест на долгие годы дала Отечественная война, круто изменившая ее личную судьбу. Войну в творчестве Шелест можно рассматривать как духовный факт человеческой жизни, как источник личного, индивидуально-неповторимого опыта и важную, а возможно, и главную часть биографии. Нельзя сказать, что тяготы военной жизни коренным образом поменяли творческое кредо Шелест, но ее поэзия этого времени демонстрирует некоторую смену ориентиров, связанную с тем, что в этот период особенную значимость приобретают именно пережитые события, которые и становятся объектом изображения.

Все, что виделось, переживалось в «сумрачные» дни войны, нашло отражение в ее творчестве, а также стало основой для осмысления собственной судьбы. В июле 1941 года она вместе с дочерью и сыном проводила мужа на фронт, потом ждала его возвращения долгих 45 лет, так и не узнав о выпавших на его долю страданиях:

Если крикну я, – не услышишь!
Стану звать тебя, – не придёшь!
Ночь глухая... терзают мысли...
Где ты, друг мой, куда идешь? [48: с. 54]

Поэтесса вместе со своими детьми осталась в Курске. Как сообщается в документах Госархива Курской области, регион был оккупирован «немецко-

фашистскими войсками и частями союзников гитлеровской Германии (венгерскими, румынскими) в период со 2 октября 1941 г. по 2 сентября 1943 г.» [173]. В архивной информации отмечено, что Курская область является одной из наиболее пострадавших во время войны областей [Там же]. Немецко-фашистские захватчики сожгли более 300 сел и деревень, ликвидировали треть промышленных предприятий региона, разрушили 706 больниц и более двух тысяч культурно-социальных учреждений; на принудительные работы в Германию было угнано чуть менее 40 тысяч курян, а более 18 тысяч жителей области было убито, расстреляно и зверски замучено. По материалам исследований доктора исторических наук В.В. Коровина были обнаружены многие факты уничтожения мирных жителей области, стало известно, что фашисты «совершали массовые казни, организовывали расстрелы, уничтожали больных, находившихся в лечебных учреждениях области» [115: с. 254]; «с помощью террора и насилия <...> пытались запугать население области» [Там же]. На территории Курской области в 1941–1943 гг. дислоцировалось 27 концентрационных лагерей, в которых содержались советские военнопленные.

Важно подчеркнуть, что Лидия Шелест, одна из первых среди курских авторов, обратилась к теме подвига курян, находившихся на оккупированной врагом территории, рассказала о жизни людей в фашистской неволе. В 1943 году, после освобождения областного центра, Шелест пригласили работать литературным консультантом в Книжное издательство, существовавшее при «Курской правде»²¹, где годом позже ее коллегой станет поэт и журналист Николай Корнеев, который «...дойдя вместе с танкистами прославленного 9-го корпуса до границ Отчизны, возвратился в разрушенный войною Курск». [156]. Сразу после освобождения Курска редакция вернулась в областной центр, возобновился выход газеты. Журналисты редакции и ее авторский актив оперативно откликались на все события. С 20 февраля 1943 года

---

²¹ «Курская правда» – областная общественно-политическая газета, начала издаваться в г. Курске с июня 1917 года.

«Курская правда» начинает выходить ежедневно, форматом районной газеты. Такой она будет всю войну и еще полгода после – до 1 января 1946 года.

В то время с газетой сотрудничают многие фронтовые корреспонденты, писатели и поэты. «Курская правда» становится связующим звеном между населением тыла и армией. Часто публикуется И. Эренбург. Его материалы «Курская правда» печатала одной из первых, вслед за «Красной звездой». Также на страницах издания печатались А. Безыменский, Е. Долматовский. На постоянной основе газета печатает письма бойцов Красной Армии своим землякам, как правило, они носили духоподъемный характер. В военные годы творчество литераторов имело ярко выраженную патриотическую направленность. Так, материалы, публикующиеся в газете, призывали к защите Родины, к преодолению всех препятствий и лишений в борьбе с врагом. Публикации Шелест, посвященные ратным и трудовым подвигам земляков, не являлись исключением. Как отмечает М. Шикарева, занимающаяся литературным краеведением, «многие куряне в те годы, раскрывая номер “Курской правды”, искали ее стихи и очерки. Она знала об этом, и это стало ее отрадой, одной из немногих радостей, что еще остались» [220: с. 185].

Заметим, что в военные и послевоенные годы публицистика была одной из самых популярных форм творчества многих писателей и журналистов. Индивидуальное восприятие окружающей действительности, непосредственные впечатления сочетались в их творчестве с реальной жизнью, с глубиной переживаемых чувств. По мнению Л.И. Щелоковой, «война вызвала патриотическое чувство, заставила вспомнить коренные понятия героизм и подвиг» [154: с. 65]. И существенная роль в этом процессе оставалась именно за военной публицистикой. А. Толстой, И. Эренбург, М. Шолохов, К. Симонов, Б. Горбатов, Л. Соболев, В. Вишневский, Л. Леонов, М. Шагинян, В. Величко и другие писатели-публицисты создали произведения, несущие веру в Победу. В этих же исторических условиях в газете «Курская правда» работала Лидия Шелест. В первые месяцы войны

ключевыми жанрами «стали фронтовые корреспонденции, очерки, дневники, где главным были зарисовки конкретных событий войны, ее достоверных деталей, увиденных глазами очевидца» [Там же. С. 9].

Публицистика Шелест характеризуется обращением к различным актуальным темам и востребованным советской журналистикой жанрам: заметки, этюда, очерка, репортажа. Обратимся к одному из самых частотных из них – заметке. Например, заметка «Дети нашего города». Она состоит из маленьких историй о детях, которых не сломило тяжёлое бремя войны, но заставило раньше времени повзрослеть («сделало» их настоящими взрослыми). Журналист повествует о судьбах юных курян, среди них Галя Сулова, Валя Петрухина, Андрюша Дюкарев... Эти дети организовывали шефство над госпиталями, восстанавливали школы, поддерживали своих одиноких матерей, писали трогательные письма отцам на фронт. «Да, а горячих ясноглазых “Гаврошей” в нашей стране много» [38], – с гордостью писала Шелест. Именно о таких мальчишках и девчонках, которые не дожидались, пока их «призовут» взрослые, а действовали с первых дней оккупации, рассказала автор. Концовка заметки звучит жизнеутверждающе: «Пролетела буря, прошумел свирепый ураган, пригнул стройный молодой березняк. Но вот стихло все, отшумело и поднялись гибкие здоровые ветки и ещё ярче блестит на солнце молодая, свежая листва».

Важное место в газете «Курская правда» заняла победа советского народа в Великой Отечественной войне. На первой же полосе был напечатан Акт о военной капитуляции Германии, Указ об объявлении 9 Мая нерабочим днем. Атмосфера торжества отражена в праздничном номере газеты, где была опубликована полоса под колонтитулом «Праздник Победы – 9 мая в Курске». Именно в этот номер войдет репортаж Шелест «Первый день после войны». Отмечая особенности этого жанра, М.И. Стюфляева пишет: «... В одних случаях автор выступает только как свидетель неких эпизодов, в других – он вмешивается в происходящее, и событие оказывается высвеченным изнутри»

[194: с. 38]. Репортаж Шелест прозвучал как гимн великому дню. Автор в этом произведении колоритно передала состояние людей, узнавших, что война закончилась Победой. «День ликования родился ночью. Как ждали мы его, этот день, овеянный свежим и могучим дыханием победы. Как только весть о ней всколыхнула эфир, людям вдруг стало тесно в домах, стало душно под крышами». Эмоциональность репортажу придают диалоги и высказывания, радостные возгласы в честь Дня Победы: «Теперь только и жить!», «Ура!», «Теперь мне больше ничего не надо...», «С праздником!». В тексте есть и авторские размышления о том, что раньше этот день представлялся в ослепительно розовых отблесках солнца.

Шелест при помощи отдельных деталей (радость девушек, которые смеются, женщина, запевшая песню, человек, кричавший о победе) стремится воссоздать масштабную картину Великой Победы своей страны. Она описывает, как люди открывали калитки, выбегали на улицу, чтобы слить своё ликование в один общий поток, чтобы соединить биение своего сердца в один общий поток, чтобы соединить биение своего сердца с биением тысяч сердец. «Незнакомые люди останавливались, пожимали друг другу руки. Женщины обнимались, девушки смеялись. Кто-то вдруг, не выдержав, громко закричал: “Ура!“» [47]. В этих счастливых восклицаниях и возгласах все о пережитой народом трагедии, которая не должна повториться. Этот репортаж можно условно отнести к документальной публицистике. В нем устанавливаются связи автора с окружающей средой, его взаимоотношения с героями. Автор и герой прежде всего принадлежат одному миру – миру реальной действительности. Публицист, обращающийся к читателю, способен напрямую воздействовать на его ум и чувства, силой «личного вмешательства» акцентировать внимание на наиболее значимых фактах.

Несмотря на то что материал построен в жанре репортажа, эффект авторского присутствия обнаруживается лишь косвенно: «Перед вечером над тихими курскими садами прогремел первый гром. Первый благодатный гром прокатился над городом, над зеленеющими полями, и сулил он людям мир,

счастье и богатый урожай» [Там же]. Стоит подчеркнуть, что данная концовка, при всей своей лиричности, достаточно эмоциональная часть репортажа. В целом же анализируемый материал отличается, как уже отмечалось, намеренное исключение авторского «Я». Внешнюю сдержанность авторского тона оттеняет и усиливает эмоциональность репортажа, его внутренний динамизм и сила. Материал не потерял своей значимости и сегодня. В 2005-м году к 60-летию Победы была сделана републикация «Первого дня после войны» в «Курской правде».

Среди публикаций Шелест выделяются тексты в жанре этюда. Толковый словарь под редакцией Т.Ф. Ефремовой определяет этюд как «небольшое литературное произведение или научное исследование, посвященное какому-либо частному вопросу» [229: с. 832]. Этюд Шелест «Могила солдата» представляет собой публицистическое произведение, близкое к литературному. В основе – размышления героини о том, кто в послевоенное время ухаживает за одинокой могилой солдата на пустыре: «Могила солдата – подумала я. – Кто спит в тебе здесь под этим палящим солнцем, под ослепительным июньским небом? И кто так заботливо и нежно охраняет твой сон? Ведь рядом с тобой нет человеческого жилья, рядом с тобой – тишина...» [41] Внутренний монолог героини автор умело сопровождает описаниями природы родного края: «тихий шелест медвяной гречихи», «спокойное колыхание густой ржи» и «бело-розовые цветы повилики». Обильное количество тропов и фигур речи роднит данный материал с художественной прозой. Риторические вопросы: «И выразить их почти невозможно, да и надо ли? Да знают ли они это и сами?»; инверсии, метафоры и эпитеты: «притихшими полями», «горькими воспоминаниями», «злая тонкотелая крапива», «глубокая пунцовая чаша».

«Могила солдата» по своей лиричности, жизненной правде и силе воздействия на читателей – зрелая работа. Неслучайно С.Б. Юркевич отмечала, что после публикации этого материала в «Курскую правду» пришло большое количество восторженных отзывов читателей.

Одним из любимых жанров в публицистическом творчестве Шелест был очерк. Вспомним, что многие советские писатели обращались к этому жанру, среди них К. Симонов, А. Бек, В. Гроссман, А. Аграновский, В. Овечкин, Г. Бочаров, М. Луконин и др. Для плеяды этих авторов Великая Отечественная война стала центральным событием, определившим мировоззрение, нравственный облик, а иногда и саму судьбу. В своих публикациях авторы обращались не только к будням войны, конкретным жизненным фактам, но и ставили вопросы о судьбе человеческой и судьбе народной. Именно эти черты присущи и очеркам Шелест. В Курской области многие читатели знали ее как автора очерков о курянах-героях Великой Отечественной войны, опубликованных в одноименном сборнике 1946 года издательства «Курская правда». В предисловии к книге отмечается, что в Курской области более 250 человек, которым присвоено звание Героев Советского Союза. Издание представляет собой очерки и зарисовки о некоторых героях, их боевой деятельности на фронтах Великой Отечественной войны и об их жизни после возвращения из рядов Красной Армии. В книге опубликованы творческие материалы Н. Корнеева, И. Дорошенко, Ф. Шаметко, А. Салькова, Н. Озерова, В. Деревенского, Л. Долматова, Н. Контрова, Л. Васильева и других курских авторов. Целую галерею характеров и судеб героев-курян воссоздает Шелест, проделав огромную работу по изучению и глубокому осмыслению войны. Публицист не приукрашивала войну, она показывала ее правдиво, но при этом рассказывала о курских героях со свойственной ей женственностью и лиричностью. В ее очерках сочетались две, на первый взгляд, взаимоисключающие черты – документальность и эмоциональность.

Очерк «Русский герой» (опубликован под псевдонимом Д. Сергеев) автор начинает лирическим повествованием: «Пунцовое солнце не спеша опускалось за Сейм. Тяжелые плотные волны с плеском омывали краснотелое дерево ольхи, что покачивалось на воде возле самого берега. Село от берега

отделял заливной луг...» [25: с. 46] В данном случае пейзаж– неотъемлемая часть любого очерка, используется Шелест в качестве фона для портрета героя и как средство раскрытия человеческого характера. Кроме того, названия рек и населенного пункта служат для указания географического места действия.

Затем автор плавно переходит к истории военного подвига и жизни после войны «русского героя» Кузьмы Архиповича Лиманского. Чтобы ярче раскрыть образ главного героя, повествователь использует различные приёмы. Например, пишет, что Кузьма Архипович всегда любил ранний час, «когда трава обсыпана крупной росой, когда над Сеймом, расплываясь по кустарнику, стелется голубоватый дымок тумана» [25: с. 46], – такая внешняя деталь помогает заглянуть в мир души человека, мир его эмоций и чувств.

Элементом движения в очерке служит описание активной жизненной позиции Лиманского: «А тот, о ком шла речь, в этот самый час мчался на машине в родную Кривошеевку. В Курске его задержали дела, и казалось ему, что без него в сельсовете стали все дела» [Там же]. Основываясь на точном знании фактов, Шелест конкретизирует его боевой путь, указывая, что герой воевал под Ростовом и Сталинградом, оказывался под городом Калач, был на Харьковском направлении.

Литературный талант Шелест раскрывается в ее очерках в стремлении не только правдиво показать внешние события, но и раскрыть душу русского человека на войне, и в этом нам видится влияние русской классической традиции (очерки «Русский герой», «Русский богатырь»). Центральный персонаж очерка «Русский богатырь» – Иван Акимович Бабанин. Журналист пишет о подвиге Бабанина осенью 1944 года. При форсировании Дуная лейтенант с двенадцатью бойцами взял в плен 170 немцев, доблестно сражаясь, он получает два ранения. Буквально несколькими штрихами Шелест обозначает эпизоды о том, как в этом бою проявились отвага и твёрдость, вырастающие в несокрушимую силу. После чего автор вновь возвращает читателя к далекому 1942 году, когда Иван Акимович в боях за Сталинград сжег четыре танка. Отважный воин был ранен в живот, а потом долго лежал в

госпитале и бредил матерью и домом. Герой будет вспоминать все: и радость, и боль, и пережитые муки, и воскреснувшие надежды. Трогательно и печально звучат слова Ивана, вернувшегося в отчий дом, где теперь его ждали только сестренки: «Ну что же, надо включаться в жизнь и продолжать после войны то, что начал почти еще ребенком». Доброта, искренность и простота Бабанина раскрываются читателю после слов героя: «Ну, вот и отвоевались, – разве мы хотели этого – ведь спокойнее нас, русских, нет во всем свете!» [Там же. С. 14] Очерк завершается счастливым жизнеутверждающим финалом: курянин-герой после тягот войны продолжает заниматься мирным созидательным трудом.

В очерках Лидии Шелест зачастую присутствует психологический портрет Героя – обыкновенного солдата или офицера переднего края, жизненные обстоятельства, сформировавшие характер человека. Например, очерк «Владимир Лукин» строится ступенчато. Автор приводит различные эпизоды из разных лет жизни героя: первый подвиг осенью 1943 года и ранение в грудь миномётным осколком, затем форсирование Днепра и высокое звание Героя, медаль «Золотая звезда» и орден Ленина. Командир стрелкового батальона Герой Советского Союза, капитан Владимир Петрович Лукин – сложный персонаж. Его размышления – череда риторических вопросов: «Что было во мне особенного, когда я рос? Чем я отличался от своих товарищей?» [25: с. 39] Пространственно-временной вид сюжета позволяет автору отправить читателя в прошлое Лукина: «И вспомнилось ему детство, зелёная Чумаковская улица, тихий маленький домик, обнесенный узорчатым забором, большой тенистый сад. Быстро мелькали годы учебы, школа ФЗУ, машиностроительный завод, ...а потом Красная Армия и война». Много размышлений было у Лукина связано «и прощаньем с павшими, и началом мирной жизни, а с ней и раздумий о том, что же произошло на земле в этой войне и что – впереди» [Там же].

Для данного очерка характерно наличие традиционных средств художественной выразительности. Например, частое употребление эпитетов:

«тихий маленький домик», «узорчатый забор», живые и точные сравнения: «как коршун налетал на врага», «по-кошачьи подкралась группа смельчаков» и другие. Излюбленным приёмом построения текста является инверсия. В очерке много умолчаний, которые позволяют сделать плавный переход от абзаца к абзацу.

Убедительность очерка «Владимир Лукин» определяется его фактической конкретностью. Но при этом автор как бы «разбавляет» текст лирическими размышлениями: «...Кончилась война... Стихли бури, отгремели бои. Первое время Владимиру Петровичу было как-то не по себе. Слишком много в городе тишины и зелени; по утрам было странно просыпаться в тихой комнате с окошком, выходящим в прохладный и тихий сад. Страшно было слышать простой голос петуха, слишком нежным казался ему смех маленькой Светланы» [25: с. 40]. Словом, в очерке отчетливо звучит тема мира, добра и простого человеческого счастья.

Очерки Шелест на военную тему отличаются эмоциональностью и широкой гаммой чувств – от глубочайшей горечи до победного ликования, что является характерной приметой авторского стиля.

Свое предназначение Шелест видела в сохранении памяти, чувствовала вечное обязательство живых перед павшими, невозможность забвенья. Это и стало главным мотивом ее публицистики военных лет.

В послевоенные годы Лидия Шелест продолжит творческую деятельность. Процесс развития курской литературы в этот период времени происходил «хотя и неровно, но достаточно поступательно» [69: с. 63]. За короткий срок в Курске вновь будет создано литературное объединение. Уже к концу 40-х литобъединение курян будет представлять собой достаточно внушительную творческую организацию, к которой примыкала и Шелест, но официально в неё не входила. Среди тех, кто состоял в литобъединении, были В.В. Овечкин, Н.И. Алексеев, М.М. Горбовцев, Н.Ю. Корнеев, М.И. Козловский.

Свидетельством активной работы литераторов после войны станет и то, что уже в 1946 году будет издан коллективный сборник курских авторов «Стихи о войне» [28]. В него войдут и поэтические произведения Лидии Шелест: «Последнее письмо», «Письмо без адреса», «Твой дом», «Прошла гроза» и поэма «Полон». Кроме того, в сборнике будут опубликованы стихотворения Николая Корнеева («Высота», «Твой адрес», «Смерть связного», «Весной перед боем», «Горизонт», «Встреча» и другие); Николая Истомина («Прохоровка», «Первая военная зима», «Фронтальная дорога» и другие); Виктора Москленко («Прорыв», «Победа», «Курск», «На берегу Днепра»); Юрия Лебедева («Баллада о фронтовике», «Письмо», «Так умер командир» и другие); А. Щелокова («Мать»); Андрея Куликова («Я слышал на привале»).

В аннотации к сборнику отмечается: «Много бодрости и веры в вечно живое начало – в молодость и силу, веры в нашу родную, бурно растущую страну, в стихах наших поэтов» [28: с. 4]. Отдельно издатели сборника упоминают поэзию Шелест, подчеркивая, что поэтесса в своей поэме «Полон» дала развернутое полотно страшных дней черной немецкой неволи. «Читая поэму “Полон” чувствуешь, что наша родная земля непокорима, русский народ непобедим, потому что “Бессильна ночь в ладонях черных / Солнце потушить возвращенные имена”» [Там же]. Однако, несмотря на положительные отклики литературной общественности Курска о стихах Шелест, а также на читательский интерес к ее поэзии и прозе, дальнейший ее творческий путь окажется весьма непростым.

1.3.3. Последние годы жизни и творчества

В 1948 году руководство издательства «Курская правда» предложило Шелест уйти с работы «по собственному желанию», так как стало известно, что муж Б.П. Юркевич (Башилов), жив, работает в Аргентине. В этом же году отдельной брошюрой выйдет очерк Шелест «Хозяйка колхозных полей»,

посвященный труженице Натальи Славогородской. Он и станет последней журналистской публикацией автора.

Через многое тогда пришлось пройти Шелест: предательство друзей, полное одиночество, отверженность. Она не могла смириться с тем, что её вот так, в одночасье «вычеркнули из списка живых», наложили запрет на творчество.

Несмотря на все трудности, поэтессе нужно было устраивать свою жизнь, обеспечивать детей. Стоит отметить, что испытания, выпавшие на долю Лидии Анатольевны, закалили ее и научили не терять достоинства, с любовью относиться к жизни.

В 1949 году Шелест была принята на работу в среднюю школу № 7 города Курска. Работала с увлечением, не ограничивалась исполнением своих прямых должностных обязанностей. Как некогда в юности, создала драматический кружок, ставила с детьми свои пьесы. Кроме того, «...сумела найти применение своей неисчерпаемой творческой энергии. Лепила пособия к урокам географии и целые сцены, иллюстрирующие русские сказки»²². Кстати, это увлечение было настолько значимым для поэтессы, что о нем она даже писала в письме своей сестре Ксении Соловьевой: Я знаешь, [неразборчиво] люблю отыскивать новые пути. Нашла один такой путь и в лепке. Он хотя не новый, но нов для моей работы-самоучки. Я делаю теперь и страшно увлекаюсь барельефами <...> Я сделала роскошные розы, дивные маки, фиалки, бульденежи [7].

Как журналист Шелест уже не могла работать: редакции курских газет были для нее закрыты. Поэтом же она оставалась до конца своих дней, хотя стихи ее не печатали. Но ведь это – не единственный случай в русской литературе, когда стихи писались, как говорят, «в ящик стола». По мнению корреспондента газеты «Городские известия» Павла Рыжкова, Шелест «насильно вычеркнули из литературной и журналистской жизни Курска» [171: с. 3].

---

²² Сведения из интервью с Юркевич С.Б. 2013 г.17 мая.

«И это после похвал живого классика Николая Асеева и таких мастеров, как Михаил Луконин и Семен Гудзенко. “Произведения Лидии Шелест отмечены профессиональным умением и хорошим видением деталей” –отмечали двое последних» [Там же], – подчеркивает журналист.

И только почти после двадцатилетнего замалчивая имени и творчества Шелест, в 1963 году, впервые увидели свет стихотворения автора: «Где ты», «Вот и снова весна», «Рябина», «Я буду ждать», «Белые ночи». Они, объединенные общим заголовком «Жду тебя», были посвящены мужу. Стихотворения Шелест под псевдонимом Мария С. [139] публиковали и в аргентинском журнале «Южный крест». Там же выйдет статья Николая Лебедева «О потаённой поэзии в СССР», где он дал высокую оценку творчества Шелест: «Мария С. – это прекрасный цветок потаённой русской поэзии...», «Это были прекрасные лирические стихи» [127: с. 72]. Позже эти тексты Шелест были опубликованы в газете «Голос Родины»²³ (май 1963 года).

В это время творчество Шелест было отмечено благодарственными письмами Правления Союза писателей СССР и Советского Комитета защиты мира [6]. Но, несмотря на это, литературная деятельность Шелест в послесталинской России все же не сложилась: творческое наследие поэтессы так и не нашло путь к читателю. Курский поэт Е.И. Полянский отмечал: «Она была храброй и стойкой русской женщиной, духовно защищенной от злословия и неприязни. Хотя ох как тяжело было ей жить в родном городе – в полном литературном одиночестве» [158].

В 1960–80-е гг. Шелест не принимала участия в литературной и общественной жизни Курска, не прилагала усилий для публикации своих произведений. Но, как писал известный курский журналист С.Д. Малютин, ее

---

²³ Газета ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом. Издаётся с 1955 года. Газета распространялась в 83 странах как источник антизападной пропаганды во времена холодной войны и предназначалась для русских эмигрантов. Целью газеты было создание благоприятного образа Советского Союза и критика антисоветских эмигрантских организаций. <http://ru.wikipedia.org>.

стихи «читали в рукописях, переписывали, посылали друзьям. Их знали не только в родном Курске, но и в других уголках нашей страны» [137: с. 22]. Хотя крайне редко стихотворения поэтессы все же печатались. Так, в 1972 году в минском журнале «Работница и крестьянка» было опубликовано стихотворение Шелест «Вода» [35: с. 10]. Оно было размещено в поэтической подборке, куда вошли стихотворения О. Берггольц, А. Баяевой, И. Снеговой, Л. Татьянической, О. Фокиной и др., под общим заголовком «Живу я в глубине России».

Последние годы Шелест прошли в окружении детей, внуков. Она всегда была открыта для общения с людьми, писала стихи-посвящения родным и близким, друзьям и коллегам: «О самых близких»: «О матери», «К юбилею отца», «Тебе, моя Тома», «Письмо брату» и другие. Только дочери Шелест – Светлане-Виктории Юркевич посвящено около 10 стихотворений, среди которых: «Дочери моей», «Моей Светлане», «Здравствуй, девочка! Здравствуй, родная», «Виктория и Светлана...» и другие:

Я не хочу, чтоб соль слезы горячей
Размыла глаз любимых синеву [48: с. 340].

Или:

И, наверно, умирая,
Звать тебя я не велю,
Потому что испугаю,
Оттого, что так люблю [Там же].

(«И, наверно, умирая»)

Много стихов Шелест написала и о своем сыне:

Сынок...Какое ласковое слово,
Надежда в нём, в нём сила и тепло [Там же. С. 341].

или:

Твой голос, словно ветер с юга,

Звони почаще мне, сынок!
Его услышу и сквозь вьюгу,
Сквозь голосов иных поток [Там же. С. 344].

(«Твой голос, словно ветер с юга»)

Именно эти поэтические произведения, бережно сохраненные родными, спустя десятилетия будут опубликованы в разделе «О самых близких» в поэтическом сборнике Лидии Шелест «Прислушайся к сердцу...».

В творчестве поэтессы 1960–80-х гг., в некоторой степени дневниковом, находили отражение все важные моменты, происходящие в личной жизни: рождение внуков («Пусть будет мальчик наш орлом», «Спи, дитя! У светлой колыбели»), дни рождения родных, общение с друзьями, коллегами («Седая быль», «Дружба», «Синие подснежники»).

«Стихи она писала постоянно. Топит печь и тут же на спичечной коробке что-то записывает. Ночью вскакивает, протягивает руку к тетради» [206: с. 3], – вспоминает внук поэтессы Л.Н. Резцов. Увлеченность домашними хлопотами и заботами не оставляет Шелест в стороне от событий, происходящих в стране. С гордостью она отражает в своей поэзии освоение советским человеком космоса: «Юрию Гагарину», «Высокой памяти погибших героев-космонавтов: Добровольского, Волкова и Пацаева», Валентине Терешковой – «Чайке».

К сожалению, более подробной информации о жизни и творчестве Лидии Шелест найти не удалось. Судить о ней и ее творчестве мы можем по отдельным свидетельствам современников. Например, в статье «Упрямо ожидая чуда» журналист и поэт Егор Полянский приводит цитату своего коллеги Ивана Юрченко о поэзии Шелест: «Мне так понравились ее стихи, что хотелось бы еще раз с ней поговорить и, может, что-то издать» [158]. Материал публициста помогает раскрыть и личность поэтессы. Так, он писал, что всю свою непростую жизнь Лидия Шелест оставалась духовно сильной только благодаря «потрясающей любви к жизни, мужеству, чистоте, глубине

души и таланту жить радостно» [Там же]. Богатства души ей хватило на всю долгую жизнь:

Я – весела! Я так богата:
Все зори – вотчина моя!
И птицы из чужого сада
Летят ко мне, в мои края! [48: с. 74]

(«Я – весела! Я так богата»)

Справедливо будет сослаться на высказывание А.В. Фроловой о том, что Лидия Анатольевна на себе, на судьбе своих детей, на своем творчестве испытала тяготы, бесчеловечность царившего в стране жесткого режима [210: с. 100]. Личная биография поэтессы становится источником размышлений не только о судьбе и жизни Шелест, но и обо всех творческих людях, чей жизненный путь совпал с переломными вехами XX века.

Шелест умерла 17 июня 1986 года, похоронена в г. Обояни Курской области. Память о поэтессе по-прежнему хранит ее отчий дом на малой родине, куда часто приезжают внуки и правнуки. Весной там так же, как и десятки лет назад, распускается яблоневый сад. Земляки помнят поэтессу, в Обоянском педагогическом колледже изучают ее творчество в рамках гуманитарных курсов: анализируют стихи, учащиеся выступают с научными докладами по творчеству Лидии Шелест, проводят литературные вечера.

Стоит подчеркнуть, что творческое наследие Шелест при жизни поэтессы в полном объеме не было известно читателям. Ее сборник стихов «Не заката хочу, а рассвета» был опубликован только в 1994 году, уже после смерти автора. По свидетельствам С.Б. Юркевич, первым на выход сборника восторженной статьей отозвался Егор Полянский. Хорошие слова написал в одной из курских газет и Юрий Першин [48: с. 125]. Эмоциональный отклик на сборник прозвучал и за рубежом, публицист Антон Громов в газете «Наша

страна»²⁴ в статье «Поэзия Лидии Шелест» отмечал: «Мне посчастливилось прочесть сборник её стихов “Не заката хочу, а рассвета”». Автор подчеркивал, что стихи поэтессы «чрезвычайно просты», но вместе с тем они рожают «светлое, радостное чувство ощущения родины, любви к ней» [85: с. 5].

Более полный сборник стихотворений Шелест «Прислушайся к сердцу...» был издан внуком поэтессы Л.Н. Резцовым и ее дочерью С.Б. Юркевич только в 2012 году. Презентация книги состоялась 28 февраля 2013 года в Курской областной научной библиотеке имени Н.Н. Асеева. В издание вошли поэмы и стихотворения автора, которые не были опубликованы ранее. Об этих стихах научный сотрудник Литературного музея города Курска Е.Д. Спасская писала: «Они многие десятилетия пролежали “впотьмах”»: в ящиках письменного стола, в паках, в коробках. Они (таких триста) терпеливо ждали, когда же их выпустят на волю» [189: с. 13]. В издании также опубликованы поэтические тексты из первого сборника, беллетризованное описание жизненного и творческого пути Лидии Шелест, воспоминания о ней родных и близких.

На книгу «Прислушайся к сердцу...» обратил внимание и одобрил ее писатель-историк, член Союза журналистов России Вячеслав Манягин. Он подчеркнул, что стихотворения Шелест написаны так, что составят честь любому профессиональному поэту. «Я бы даже сказал, что не многие современные поэты (а мне приходится постоянно читать и редактировать стихи, в частности, для журнала Сергиево-Посадского отделения Союза писателей России) могли бы потягаться в таланте с Л. Шелест» [7].

---

²⁴«Наша страна» – русская монархическая эмигрантская газета, основанная И. Л. Солоневичем в Аргентине (Буэнос-Айрес) в 1948 году. Издается по настоящее время. [https:// ru.wikipedia](https://ru.wikipedia).

ГЛАВА II. ПОЭЗИЯ ЛИДИИ ШЕЛЕСТ: ВЕДУЩИЕ ТЕМЫ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Поэтическое творчество Шелест, отразившее важные периоды истории нашей страны прошлого века, можно рассматривать как уникальный художественный документ эпохи. Творческая деятельность Шелест длилась почти шесть десятилетий. За это время ее поэзия, меняя тональность, пережила определенную эволюцию, сохраняя при этом довольно устойчивые эстетические принципы, сформировавшиеся еще в начале литературного пути. Говоря о творческом наследии любого автора, необходимо учитывать тематику и проблематику его произведений, а также индивидуально-художественную специфику создаваемого им мира, поскольку именно так можно получить максимально полное и объективное представление об особенностях поэтики и уникальности стиля, об истоках и национальном своеобразии творчества.

В основу концепции нашего исследования положен системный принцип рассмотрения совокупности литературных текстов Лидии Шелест. При подобном подходе все произведения автора рассматриваются как «целостный, единый, вероятностный текст» [98: с. 177], а элементы каждого поэтического произведения могут вступать в связь с элементами других текстов. Одно из значимых преимуществ такого метода состоит в том, что «в текстах, включенных в единое целое, начинают актуализироваться те смыслы, которые оставались бы скрытыми или “случайными для единичного произведения”» [Там же]. Взятые в совокупности тексты автора как раз и отражают его эстетические принципы и ценностные ориентиры.

Художественные искания Лидии Шелест формируются под воздействием русской поэзии рубежа XIX–XX вв. Необходимо подчеркнуть, что в большинстве своих произведений поэтесса приходит к реалистичному, правдивому изображению жизни.

Ориентация Шелест на реалистический тип творчества, отражение в поэзии повседневной жизни – ключевая особенность ее произведений. На эту характерную черту ее поэзии справедливо указывает внук поэтессы Л.Н. Резцов: «О чем бы ни писала Шелест – об отвлеченном или глубоко личном, вечном и обыденном – ее стихи всегда вызваны к жизни реально существующими обстоятельствами и событиями, искренними переживаниями, подлинным внутренним велением. Правда чувства и честность слова – вот составляющие ее поэзии»²⁵. И это действительно так.

Стоит отметить широкий жанровый диапазон поэтического творчества Шелест: стихотворения, поэмы, оды, элегии, эпиграммы, посвящения. Тематическое своеобразие поэзии Шелест точно характеризуют слова М.А. Бобуновой, отмечавшей, что поэтесса «писала о малой родине, о природе, о родной земле, о любви к человеку. Ее стихи, такие естественные и понятные, содержат много региональных черточек...» [67: с. 22]

2.1. Особенности любовной лирики

Тему любви в творчестве Лидии Шелест можно без преувеличения назвать ключевой. Исследование вечной темы в литературе, как отмечала С.М. Корниенко, «очень важно для понимания закономерностей развития творчества художника слова» [114: с. 3].

В русскую любовную поэзию XX век вписал свои страницы. Среди авторов, конечно же, особое место принадлежит женщинам-поэтам. Творчество позволило женщинам-поэтам отразить личностный опыт и грани внутреннего мира, также показать коренные изменения сознания, которые происходили в определенной культурно-исторической обстановке. И если творчество самых ярких представительниц женской поэзии: А. Ахматовой, М. Цветаевой, З. Гиппиус, М. Лохвицкой, О. Берггольц, Ю. Друниной, В. Инбер, Б. Ахмадулиной, В. Тушновой, М. Алигери и др. сегодня широко

---

²⁵Сведения из интервью автора с внуком поэтессы Л.Н. Резцовым от 12 апреля 2014 года.

известно и изучено, то лирика региональных поэтесс до сих пор остается малоизученной, а в иных случаях вообще неизвестной. Поэтессы минувшего века касались в своем творчестве самых разных тем, но, конечно же, в любой женской поэзии традиционно преобладают стихи о любви.

Вне всякого сомнения, значимое место любовная лирика, сочетающая женственность и изящество с мужеством и волей, строгость и порывистость с нежностью, занимает и в творчестве Лидии Шелест. Для нее любовь была важной частью бытия, возможно, – важнейшей. Видимо, поэтому нельзя представить себе героиню ее лирики вне любви, что означало бы для нее – вне жизни. Любовь как самое хрупкое человеческое чувство – «моя любовь – фарфоровый сосуд» (Шелест) – воспета поэтессой в тончайших оттенках, одухотворена, наполнена высшим смыслом. Любовная лирика Лидии Шелест помогает нам безошибочно определить ценностные ориентиры поэта, его нравственные принципы, понимание смысла человеческой жизни, назначения поэта и поэзии, дает представление о том, что для автора дорого и свято.

Тема любви в поэзии Шелест развивалась «не особняком», она впитала в себя жизненный опыт поэтессы и отразила поступательное движение авторского чувства, позволила понять, как «преобразуется оно – становясь все глубже, серьезнее, философски сосредоточеннее» (Т. Максимова): от предчувствия и ожидания любви в ранних стихах («Я кого-то люблю, я кого-то люблю», «Побегу я погадать», «Тебе», «Гиацинты», «Я люблю тебя») до зрелого и осмысленного чувства в поэзии последних лет («Пенелопа», «Я жду», «Вот и снова весна», «Серебряная свадьба»). «Палитра» оттенков настроений у Шелест бесконечно многогранна. Здесь и девичьи наивные переживания: Ты меня не балуешь улыбкой, и пророческие предчувствия – Жизнь идет и с хищностью проворной, / Знаю, скомкает мою любовь, и самоотверженное ожидание: Моей разлуке – четверть века, и философски-оптимистичное – Над смертью верх возьмёт Любовь. Необходимо отметить также, что в любовной лирике Шелест получили развитие особенности «поэзии женской души», на которые в свое время обратил внимание В.

Ходасевич, выделив такие: расположенность «к непосредственным излияниям из области личных переживаний, значительность которых именно они склонны измерять степенью напряженности и правдивости; <...> оптимизм женского стихотворства, так же как его формальный дилетантизм, нередко подчеркиваемый умышленно, не без капризного оттенка» [217: с. 255].

Вместе с тем любовная поэзия Шелест отображает духовный мир женщины конкретного исторического периода, в жизнь которой входила эпоха с победами и трагедиями, с верой и разочарованиями. Несомненно, преобразования, случившиеся в стране в начале XX века, не могли не сказаться на общественном и семейном положении женщины: «Произошло юридическое раскрепощение <...>, ее уравнивание в правах с мужчиной во всех областях жизни. Советское законодательство, начиная с первых декретов, исходило из понимания брака как свободного и равноправного союза мужчины и женщины» [164: с. 461]. Таким образом, мир женщины уже не ограничивался только любовными или семейными отношениями, открылось широкое поле для деятельности и реализации своих способностей. Неслучайно в стихах Шелест этого периода появляется лирическая героиня, которую манила «романтика смелых исканий», ей хотелось «быт по-новому кроить», не только «напоить, накормить, обласкать и утешить» любимого, но и «делить с ним и работу, и мысли», воплотить «дух дерзаний» и осуществить мечту – «тронуть вату белых облаков, броситься с крыла аэроплана и повиснуть белым мотыльком...» [1]

Стихи поэтессы, рожденные в 20–30-е годы, передали высокую степень эмоционального отношения к переменам в стране – «Вместе с нашею страной / Нынче молодость бушует» и активное участие в них автора – «Петь о Родине счастливой, / Что же может быть чудесней?», воплотили, по определению А.Е. Кедровского, «синтез личной жизни и общественных пристрастий» [102: с. 10]. И все-таки героическая романтика в «сплошной лихорадке буден» (В. Маяковский) не заслонила для лирической героини Шелест сопричастности к народной системе ценностей, утверждающей

укоренившиеся в сознании русского человека приоритеты: счастье женщины в любви, в семье, в материнстве:

Я весною вошла в твой дом,
Мы уйдём из него втроём,
Дал ты дочке свои глаза,
Брови крепким узлом связал [48: с. 207].

(«Я весною вошла в твой дом»)

Одной из зримых особенностей творчества Шелест и характерной чертой ее поэтической индивидуальности является близость лирической героини автору, в ней почти всегда узнается автор, его внутренний духовный опыт и реалии жизненного пути. Стихи поэтессы поэтапно отразили историю любви к главному человеку в ее жизни, мужу Борису Платоновичу Башилову (Юркевичу), ставшему адресатом авторских признаний, передали самые тонкие, глубинные оттенки ее чувств: встреча с любимым на Южном Урале (1928), счастливая семейная жизнь (в районах Крайнего Севера: 1930–1933, 1935–1938 гг.; в Курске: 1938–1940 гг.), расставание в Великую Отечественную войну и невозможность свидания с дорогим человеком после окончания войны. Строки стихотворений, носившие личный характер, перекликались с дневниковыми записями поэтессы.

Необходимо заметить, что потребность вести дневник, которому «доверялись» душевные порывы, в тот период времени была присуща многим людям, что было связано, как отметила Е.М. Криволапова, «с изменением общественно-культурной ситуации эпохи, когда внешние, стремительно сменяющие друг друга события не оставляли человеку возможности для всякого рода рефлексии, погружения в свой внутренний мир» [117: с. 50]. Лидия Шелест тоже делилась самым сокровенным в своем дневнике «Страницы прошлого». Например, о первой встрече с будущим мужем Шелест оставила следующую запись: Я увидела твои большие синие глаза,

густые, густые черные брови с каким-то совсем особым изгибом, высокий лоб, и мое сердце сказало: “Он, только он, больше мне никого не надо” [1]. И не раз в стихах своих она вспомнит «свет любимых синих глаз» («Ты меня не балуешь улыбкой...»), «Я весною вошла в твой дом», «Над лесами бушуют ветры»), в восторге сладостном, «когда гремит оркестр невысказанных чувств» («Как ты живешь?», «Не трогайте старые письма»), расскажет об общности личных и творческих интересов – Мы вместе...сколько планов, дум.../ Без ночи – светлые восходы, Я с тобою привыкла делиться / И тревогой своей, и бедой («Архангельск, пристань, пароходы...»), «Песня о любви и мужестве», «Рождение сына», «Закипает белая пороша»), зародившихся во время их совместной журналистской работы, сохранит в душе память о десятилетии счастливой семейной жизни, «наполненной ликующей, всепобеждающей радостью взаимной любви и творчеством» [224: с. 4]:

Как мне не любить тебя, мой милый,
Если ты, над буднями паря,
Жадности к прекрасному и силы,
Так же, как и я, не растерял [48: с. 206].

(«Ты меня не балуешь улыбкой...»)

Поэтические произведения Шелест, написанные в первые десятилетия XX века, пример того, как в ранних, несколько неумелых и трогательных стихах, поэт, овладевая формой, отдает предпочтение содержанию, выражению мыслей и чувств, их естественной интонации (Ветер, ветер, северный, уймись! / Посмотри же ты ласково, мой милый, / И хоть на прощанье улыбнись или Ты меня не балуешь улыбкой, / Думой цепкой стягиваешь бровь). Однако эти стихотворения отражают сосредоточенность автора на «земных приметах» любви, вызванных реальными взаимоотношениями мужчины и женщины.

В предвоенной любовной лирике чувство лирической героини Шелест насыщается новыми оттенками любовного чувства. Несомненно, это время, когда поэтесса писала с обостренным ощущением счастья, гармонии. Подтверждает это и личный дневник Шелест, где она отмечала: Три, последние перед войной, года были такими благополучными, светлыми, отрадными. Все сложилось удачно: была <... > любимая работа, семья, <...> дом, в центре города, расположенный в большом саду [1]. Этот период времени в поэзии Шелест не без оснований можно считать плодотворным, богатым на новые творческие поиски и решения. К примеру, влияние на Шелест поэзии символизма, типологически родственной ей в определенный период жизни и творчества, не могло не сказаться на ее любовной лирике. Отсюда характерная для нее «интимность»: (Словно и не я тебя ласкала / Прошлою хорошею весной [48: с. 209]); поэтизация обыденности жизни (Много дел (и худые чулки и плита), Об учебе своей я писала. / О розовой байке, / О стихах, о театре, / О глубоких сугробах в саду. / Милый бред! Обо всем... [Там же. С. 462]); аллюзии на образы, сюжеты, названия символистских текстов («Песня лебединая», «Моя любовь – фарфоровый сосуд» и др.).

Стоит отметить, что «для всех без исключения поэтов (и для прозаиков) опыт символистов был значимым. Каждый поэт по-своему трансформировал идеи, символы, мотивы, “разработанные” символистами, и даже в резком и категорическом отрицании их было своеобразное ориентирование на творческие “вехи”» [57: с. 27]. И творчество Лидии Шелест, конечно же, не было исключением. Тем более, что она вступает в литературную жизнь в тот период, когда поэты-символисты уже преодолели узость этого художественного направления, изменили подход к тематике и методам создания поэтических текстов. Многие черты символистского мировосприятия стали предметом творческого усвоения и нашли воплощение в ее творчестве.

Любовная лирика Шелест отличается яркой образностью и символикой. «Метель», «сон», «сад», «снег», «ночь», «рябина», «соловей» – становятся

постоянными элементами ее творчества, успешно переходят из одного стихотворения в другое, не теряя своей значимости. Одним из значимых поэтических текстов, впитавших в себя влияние не только модернистских течений, но и романтизма, является стихотворение «Лёгкий белопарусный корабль» (Приложение). Оно содержит философский подтекст осмысления неразрывности связи человеческих отношений и природы, первая строфа – развернутая метафора. По мысли автора, именно так выглядит счастье: «Иногда мне кажется, что счастье – / Лёгкий белопарусный корабль...» [48: с. 210]

Текст насыщен образами идеального мира в духе романтической поэтики: «старые резные флюгера» или вопреки всему земному – «розовые волны», «серебряные птицы, «травы голубые»:

Роща...Спят серебряные птицы
На ветвях деревьев, но каких?
Не во сне ли это всё мне снится?
Бьёт источник в травах голубых.
И плоды с деревьев неизвестных
Падают на золотой песок,
На губах их пряный, сладкий сок....

(«Лёгкий белопарусный корабль»)

В традициях Н.С. Гумилева предстает неизведанный мир. В то же время это – вполне оригинальный пейзаж яркого сновидения, где чувствуются вкусы и запахи заповедной страны. Героиня данного стихотворения в своих грезах становится ребёнком, и ее проводит к счастью тот самый челнок между миром сновидений и реальностью, который приобретает образ корабля. В целом именно мотив сна позволяет автору развернуть весь последующий романтично-фантастический сюжет. Сон раскрывает характер и внутренний

мир автора, отражает его мировосприятие. Поэтесса воспроизводит фантастическую природу в словах, звуках, красках:

В жёлтые ладони берегов
Ручеёк зажат. Испей воды!
Посмотри, к нему ведут следы.
Антилопы пили на рассвете,
И цветов измятых лепестки
На воде так нежны и легки
И плывут, как все плывёт на свете [48: с. 210].

Но взгляд героини обращается к земной природе, она видит: «ручеек зажат», «следы» и «цветов измятых лепестки». Следы подразумевают чередование эпизодов сновидения, лепестки – символ его множества. Постепенно дробится взгляд героини. Покидая чудесную землю, она успевает осмыслить происходящее: «И плывут, как все на свете» – так человек познает движение и быстротечность времени. И вдруг:

... резным серебряным крылом
Головы моей коснулась птица,
Я проснулась...Вздрогнули ресницы.
...Ты сидишь и пишешь за столом [Там же].

(«Лёгкий белопарусный корабль»)

Прерванный сон, сопровождающийся переходом в реальность, ничуть не пугает и не расстраивает героиню: ведь именно после сна она видит своего любимого. Для нее словно продолжается мир чудесных сновидений: «Ты сидишь и пишешь за столом». Сновидение – один из распространённых мотивов, встречающихся в отечественной литературе и, в частности, в женской поэзии (А. Ахматова «Во сне»; З. Гиппиус «Сны», «Последние сны»;

М. Цветаева «Сон», «Связь через сны», М. Лохвицкая «Царица снов» и другие).

В стихотворении «Лёгкий белопарусный корабль» сон выступает в качестве элемента, помогающего сделать переход от действительности к эстетическому созерцанию. Так, лирическая героиня, уснувшая в начале развития действия, вновь просыпается при его завершении – возвращается к переживаниям обыденной жизни. Пережитое ощущение сопричастности к сакральному позволяет ей понять важное: любовь не перестает быть земным чувством. Таким образом, утверждая высокое значение любви, Шелест подчеркивает ее «живой» и реальный характер.

В 30–40-е годы Шелест активно ищет новые формы для художественного воплощения своих идей. Именно в это время она создаст одну из самых значимых в своем творчестве поэму «Десять лет». Для произведения Шелест «Десять лет» (1941), являющегося «переходным» от собственно лирического произведения к поэме, с традиционной сюжетной схемой: «утрата – поиск – обретение», характерна верность теме: любовь – важнейшая часть женского бытия, вне ее нет жизни. Эта поэма о женской судьбе, умении радоваться и с благодарностью принимать дарованное счастье, бороться за свою любовь. В творчестве Шелест любовная лирика и лирическая поэма «Десять лет» неотделимы резкими гранями. В основе системы персонажей – герой и героиня. Героиня – лирическое «Я» поэтессы, и герой, прообразом которого является реальная личность – её муж, становятся центром своеобразной поэтической мифологемы, вбирающей размышления автора о любви и смерти, о себе и вечности:

Десять лет... Я хочу
Нынче вместе с тобою,
Обернувшись назад,
Оглянуться на наши следы.

.....

Десять лет мы делили

И радость, и горе, и труд.
Никакие невзгоды не страшны
Нам были с тобою.
Нашу дружбу хорошую
Годы едва ли сотрут [48: с. 461].

(Поэма «Десять лет»)

Начало поэмы помогает совершенно безошибочно определить смысл ее названия и даже несколько предугадать ее направленность, ведь Шелест обозначает совершенно очевидную цель: Обернувшись назад, / Оглянуться на наши следы. Приведенные в этой строфе строки написаны без частотных в лирике эпитетов и сравнений. Поэтесса говорит о «земном» человеческом чувстве, которое понятно и искренно без символики и образов. Но это не делает произведение скучным или неинтересным. Наоборот, оно привлекает читателя своей естественностью, близостью к реальной жизни. Несмотря на то, что автор повествует о своей любви последовательно, не создается ощущение монотонного рассказа, потому что в тексте, как пишет сама Шелест: Здесь любовь и тревога / Живут между строчек [48: с. 460]. Прежде всего автор указывает на то, что годовщина свадьбы лирических героев приходится на время, когда обычно сама природа вторит влюбленным:

За окошком весна ...
Пахнет тёплой и влажной землёю,
В белой пене цветов
Утонули густые сады [Там же].

Упоминание садов в данном случае, конечно же, не случайно, цветущие сады для поэтессы, которая провела детство и юность в яблочной столице России – Обояни, были символом жизни, всего самого прекрасного на земле. Сад на протяжении всей поэмы будет буквально сопровождать лирическую героиню:

«...И тихо, тихо...спят сады мои», «Как в снегу, стоит цветущий сад», «О глубоких сугробах в саду», «Доспевают в садах спокойных / Полнокровные тёмные вишни» и др.

Следует подчеркнуть, что природа соловьиного края и районов Крайнего Севера, где провели свои счастливые годы Шелест и Башилов, неоднократно выступит как вспомогательный сюжет поэмы. В большинстве случаев – это эпизоды, где герои находятся в гармонии с природой или даже считают себя соизмеримыми с ней. Например, романтические прогулки лирической героини с любимым описываются через восприятие природы и природных явлений:

Мы в Архангельске, помнишь,
Выходили не раз на Двину,
Когда день вместе с ночью
Сливался на розовой грани.
Мы смотрели на шхуны,
На бегущую мимо волну [48: С. 463].

Или:

Тишина... Чуть влажный ветер веет,
Белый пар над озером вдали.
Скоро утро... Посмотри, светлеет...
Пьют в ручьях холодных журавли [48: с. 466].

(Поэма «Десять лет»)

Чтобы точнее передать оттенки чувств, Шелест насыщает пейзаж, обращаясь к природным ландшафтам: «Что такое со мной? / Осыпается иней с промёрзших / И тонких ветвей»; «Я тебя ревновала к заснеженным / Белым просторам...».

Ещё одной зримой особенностью поэмы становятся строки, указывающие на общность интересов влюбленных: «Есть романтика в наших / Беспоконных и жадных исканьях»; «Хорошо... Я этого не скрою: / Мир

увидеть и сама не прочь», «Нам огромную книгу / Хотелось с тобой написать» или:

Как просторна родная страна.
Каждый кустик её нам
Хотелось потрогать с тобою,
Каждый камень пощупать.
Всё осмыслить, запомнить, узнать [48: с. 463].

В этих стихах отражены реальные факты семейной жизни поэтессы. Шелест с мужем связывали чувства взаимно любящих друг друга людей, вместе с тем это был союз единомышленников, объединенных общим делом и увлеченных экзотикой Крайнего Севера, «романтикой необъятных северных просторов». Об этом этапе жизненного пути Шелест позволяют узнать записи из ее дневника: ... светлые дни мои, осыпанные снежной пургой, перевитые жемчужными нитями инея <...> ликующая, все побеждающая радость жизни и творчества <...> тебя не убивали ни шестидесятиградусные туруханские морозы, не заметали сугробы <...> я росла, я ликовала, я жила полной и хорошей жизнью... [1].

Апогеем в поэме является страшная болезнь героя (депрессия: потеря интереса к жизни и привычной деятельности), ставшая серьезным испытанием для любящих, тем самым «порогом», через который «не так-то легко проплывать». В этот трудный период состояние внутреннего мира героев, вбирающее целый спектр переживаний, передано через выразительные элементы, наделенные содержательной емкостью: «подрезанные крылья», «чужие глаза» любимого, книги, «покрытые мягкой, пухлой пылью», «серые крылья бессонницы», «комнатный покой». Героиня поэмы своей верой в дальнейший совместный счастливый путь возвращает к жизни того, кто ей «так нужен и дорог»:

Дай мне руку... Мы с тобой на волю
К журавлям вернувшимся уйдем.

Мы пойдём с тобой по росным травам,
Под упругой свежестью ветров... [48: с. 465]

(Поэма «Десять лет»)

Чувства героини настолько сильны, что она считает необходимым создать для любимого уединенный идиллический мир, где «шумят густые ветви дуба» и «светлый дождь не капает, не льётся», в котором нет страшного недуга. Неслучайно лирические герои «хотят уйти» к журавлям. Как отмечает О.В. Гаврилина, в творчестве советских поэтесс образ журавля, «который в ряде стихотворений становится метафорой женской судьбы» [163: с. 210], явление частотное. С помощью журавля поэтессы указывают на смену времен года, рассуждают о свободе, упоминают трагедию концлагерей. По всей видимости, Шелест, обращается к этой птице как многозначному художественному образу, который содержит устойчивые ассоциации с тем, что журавли улетают в теплые края, где находится «ирий» – старославянское название рая, вечно цветущего сада. Кроме того, в отечественной литературе прилет журавлей часто связывают с расцветом природы и обновлением жизни.

Любовь героини поэмы чиста и самоотверженна. Именно поэтому в поэме любовь раскрывается как вдохновляющая и окрыляющая сила, служащая духовному прозрению и очищению человека. Посему выздоровление возлюбленного, возвращение его к жизни – это главное для лирической героини. В этот миг «звезды стали ласковее», «стало легче работать, ходить и смеяться». Чувство любви побеждает несмотря ни на что. В последних строках поэмы обращение к любимому на новом эмоциональном подъеме, вещающем о счастье после пережитых тревог:

А сегодня мы выпьем за дружбу,
За большую, хорошую
Выпьем с тобою вина.
За семью, за романтику

Выпить сегодня нам нужно,
За глубокое чувство –
Бокалы полней, старина! [48: с. 468]

(Поэма «Десять лет»)

Несомненно, что для воплощаемой Лидией Шелест героини важен и дорог домашний очаг, сохранение которого дает жизненный и творческий импульс, является залогом её женской состоятельности, основным смыслом существования. Поэма «Десять лет», рассказывающая о том, «как хрупко человеческое счастье и как крепка любовь», открывающая «целую книгу женской души», вносит новые оттенки в русскую лирику.

Необходимо отметить, что у этой поэмы, как и большинства поэтических произведений Шелест, непростая судьба. Поэма, уже готовая к «выходу в свет», была опубликована лишь спустя 70 лет после написания. Как свидетельствует дочь поэтессы С.Б. Юркевич, «когда редакционная машинистка, Мила, “отстукивала” уже последние листки с поэмой, началась война»²⁶. Естественно, что публикация лиро-эпического произведения была отложена на неопределенный срок. В поэме, напечатанной только в 2012 году, добавлен авторский пролог, который поэтесса сделала в своей тетради, видимо, уже во время войны:

Ужели я писала эти строки?
Смотрю на дату – сорок первый год –
Рубеж больших неслыханных невзгод.
Каким теперь всё кажется далёким...
Крик петуха и звонкий детский смех... [48: с. 460]

(Поэма «Десять лет»)

Как было отмечено ранее, тема любви в поэзии Шелест впитала жизненный опыт поэтессы. Именно поэтому в ее любовной лирике так много

---

²⁶Сведения из интервью со С.Б. Юркевич от 17 мая 2014 года.

стихов, написанных в военные и послевоенные годы. Великая Отечественная война стала рубиконом в судьбе Лидии Шелест: разделила ее любовь на «до» и «после». Как и многие советские женщины, Лидия Анатольевна в июле 1941 года проводила мужа на фронт, потом в тревоге целых 45 лет безуспешно ожидала от него вестей.

Поэтессы, писавшие о любви в военные годы: А. Ахматова, О. Берггольц, В. Инбер, М. Алигер, В. Тушнова, Ю. Друнина – поднимают целый спектр проблем, но главная из них – война несовместима с человеческой жизнью, противоречит женскому началу: она убивает любовь. И как следствие – одиночество, несостоявшееся материнство, нерастраченная нежность чувств... Все эти состояния найдут отражение и в творчестве Шелест, но всё-таки главными в эти годы станут мотивы ожидания и расставания, не литературного, а реального. Сами за себя говорят заголовки произведений автора: «Я жду», «Любовь и ожиданье», «Вот и снова весна», «Воротись! Воротись! Приходи!», «Как же так?», «Если дом не забыл», «Надежду замело». Каждый миг ожидания, тревога и боль, вера и отчаяние – все нашло отражение в поэтических строках:

Что на свете тяжелей разлуки?

Не на год, не на два, а ...навек!

Думаю, и холодеют руки.

Снег идет... Какой холодный снег... [Там же. С. 344]

(«Как с тобой мы будем расставаться?!»)

Или:

На свете есть и встречи, и разлуки.

На свете есть и вечная любовь:

Я жду тебя и не ломаю руки...

И нет тебя, а ты всегда со мной... [48: с. 203]

(«Но всё равно, ведь был же ты со мной!»)

Любовь, ставшую светлым источником её поэзии, не могли убить ни долгие годы, ни расстояние, навечно разделившее с любимым. «Это почти полувековое беспримерное ожидание держало и сохраняло ее на белом свете в самые тяжелые, холодные и голодные, а порой и бессердечные годы, – писал в газете “Курская правда” журналист С.Д. Малютин. – Помогало растить детей и внуков, отдавать душевное тепло не только родным, но и многочисленным друзьям, рождало необыкновенной проникновенности и красоты поэтические строки, находившие своих вдумчивых и отзывчивых читателей, даже когда их почти не печатали» [137: с. 22].

Стихотворения, посвященные ожиданию любимого, занимают большую часть любовной лирики Шелест. Необходимо подчеркнуть, что для этих текстов характерна «дневниковость», которая «прочно укореняется в эстетическом сознании» (Е.М. Криволапова) автора и становится «неотъемлемой, а иногда и определяющей частью творчества» [117: с. 47].

Одним из колоритных стихотворений Шелест о женщине, на долю которой выпало ожиданье, можно по праву считать текст «Пенелопа» (Приложение). В нем поэтесса обращается к женским образам, объединенным участю ожиданья: это и Ярославна («Слово о полку Игореве») в древнерусской литературе, и Феврония («Сказ о Петре и Февронии») в истории православия, и Пенелопа («Одиссея») в античном эпосе. В мировой культуре имя Пенелопы, которая целых 20 лет ждет возвращения любимого мужа, стало олицетворением верной жены. В описаниях Гомера – это разумная, рассудительная и осторожная женщина, готовая пожертвовать всем, что имеет, лишь бы не стать женой другого. За ее, казалось бы, пассивным ожиданием пропавшего супруга скрывается активное и героическое чувство. Именно с Пенелопой в одноименном стихотворении ведет диалог Лидия Шелест. Поэтическое произведение начинается как прерванный прежде разговор двух подруг, современниц перед лицом вечности:

– Давай соревноваться, Пенелопа...

– Ты шутишь, дорогая! Я была...

– Я знаю. И стройна, и синеока... [48: с. 229]

(«Пенелопа»)

Они беседуют в непринуждённой свободной форме, словно нет между ними тысячелетия. Временные границы стираются, потому что женщины обсуждают вечную тему. Но в то же время одна из прошлого – «я была», а другая уже знает ее историю:

Я знаю. И стройна, и синеока...

Давно была! Но сколько ж ты ждала? [Там же]

Шелест хочет снова услышать историю Пенелопы, чтобы поверить в неё, как в свою, обрести благодаря этому веру и надежду на собственное счастье. Длительное ожидание размывает представление о времени:

Но сколько ж ты ждала?

– Не знаю я, сливались дни и ночи,

Светили звёзды, слёзы ли мои?.. [Там же]

(«Пенелопа»)

И вместе с тем это делает малозначимой бездну времени между двумя женщинами, позволяет одной понять и принять другую, увидеть себя в ней. Символично, что «звёзды, слёзы ли» равно освещают путь странствующим душам в поисках своих возлюбленных:

Светили звёзды, слёзы ли мои?..

Не иссякал живительный источник

Любила я! [Там же]

Рассуждая о чувствах, психолог, социолог и философ Эрих Фромм отмечал, что любовь – «это единственный разумный и удовлетворительный ответ на вопрос о смысле человеческого существования» [211]. В современной культуре существует несколько устоявшихся категорий любви, ключевые из них: любовь – дружба, любовь – страсть, любовь – верность. Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что для русской национальной культуры наиболее существенным образом любви является жертвенная верность. Этот факт иллюстрируют многочисленные образы литературных героев: трогательная Татьяна Ларина, открывающая свои чувства, несмотря на предрассудки времени («Евгений Онегин»); Наташа Ростова, ухаживающая за умирающим Болконским («Война и мир»); Дарья, которая готова пойти в соседний монастырь за чудотворной иконой, чтобы спасти от смерти мужа Прокла («Кому на Руси жить хорошо»). В стихотворении Шелест жертвенная верность – это позиция в борьбе с разлучницей-судьбой, безликой стихией жизни, играющей человеком:

Хочу и я судьбу свою сломить
Через метель, буран, глухие ночи
Его дождать, из мёртвых воскресить! [48: с. 229]

(«Пенелопа»)

В стихотворении используются образы «метель», «буран», «глухие ночи», символизирующие судьбу. Они олицетворяют противостояние любви и стихийных сил природы, которые нередко стоят между людьми. Но Шелест верит в неограниченные возможности любящего человека, в его высокие помыслы и победу над стихией. Эти порывы – признаки юного и горячего сердца, характерные для всего её творчества, вне зависимости от того, в какие годы писались стихи.

Тема женской судьбы в лирике Шелест представлена и в ироничной стилистике. Яркий тому пример – стихотворение «Вышла б я за слесаря...»

(Приложение). Возможно, на общий строй мыслей автора отчасти повлияла песня «Не кочегары мы, не плотники», популярная на советской эстраде 50–60-х годов, где с выбранной профессией также связывается образ мыслей и жизни как в целом, так и отдельного человека:

Вышла б я за слесаря,
Иль за столяра –
Кесарево – кесарю
Мне бы – петь с утра [48: с. 223].

(«Вышла б я за слесаря...»)

Привычный семантический ряд разрушается библеизмом третьей строки: «Кесарево – кесарю». Здесь и заключается сокровенная мысль автора. В библии Кесарь (греческая форма от латинского «Caesar») упоминается как «общее имя всех римских императоров, происшедшее от имени первого и наиболее славного из них – Цезаря, основателя римской монархии» [228: с. 128]. В тексте Кесарь – это образ телесного, материального мира, в котором томится душа, как бы комфортно не устраивался здесь человек. Поэт принимает такое положение дел. Но дар песнопения оставляет за собой:

Мне бы – петь с утра
С соловьями курскими
По родным садам [Там же].

Если бы только можно было разделить, подобно библейской заповеди, душу и тело. Тогда и вышло бы:

По моим следам
Не хлестали б мокрые
Ветки по лицу,
А порою до крови,

Прямо по сердцу [Там же].

(«Вышла б я за слесаря...»)

Так, казалось бы, шуточный песенный зачин обращается внутренней драмой. И далее поэт отвергает подобные «досужие» рассуждения и варианты жизни как легковесные рассуждения. «Как на роду написано» – говорится по этому поводу в народе. В этом тексте Шелест и выступает как раз носителем народной традиции: смирение перед судьбой и своим предназначением. Поэтому и завершает такие размышления авторская самоирония:

Если бы, да если бы,
Если б да кабы,
Вышла я за слесаря –
Не было б беды! [48: с. 223]

(«Вышла б я за слесаря...»)

В этом стихотворении автор словно ищет скрытую истину жизни. И для нее, как женщины и поэта, она заключается в умении слышать звучащее слово и передавать столь разные оттенки его смысла. Отметим, что это – далеко не единственный поэтический текст, в котором лирическая героиня демонстрирует смирение перед своей женской долей и уверенность в предначертанности судьбы. Подобные мысли звучат и в произведениях «След», «Ворон», «Рябинушка»:

Почему я несчастливая?
Мне терпенье на роду
Предназначено, написано, –
Родилась с лихой бедой [Там же. С. 294].

(«Рябинушка»)

Стоит отметить, что образ лирической героини Шелест двойится. С одной стороны, она – полная нежности, ранимая, жаждущая понимания,

представляющая собой образ смирения и кротости перед предначертанным будущим, с другой – сильная, готовая преодолеть все преграды, отстаивая свое право на любовь.

Любовная поэзия Лидии Шелест – и это, думается, особенная грань ее дара – представляет собой «лирический дневник», запечатлевший чувства женщины в определенную историческую эпоху. Любовь в поэзии Шелест раскрывается многогранно, она может принимать любые обличья: быть тихой; трепетной, благоговейной, нежной, а может быть безоглядной, стихийной, неистовой.

Следует сказать, что любовная лирика Лидии Шелест с характерной для неё эмоцией – счастье разделенной любви – занимает важное место в литературной биографии поэтессы. Любовная поэзия Шелест, являясь скорее традиционной, чем оригинальной, выразила, с одной стороны, личные переживания автора, «самое интимное и чудесно-простое в себе и окружающем мире» (А. Ахматова), с другой – жизненные принципы и модель поведения лирической героини как культурно-исторического типа личности с точки зрения ценностно-ориентированной авторской позиции.

2.2. Образ малой родины в лирике Л. Шелест: особенности поэтики

В заглавие параграфа включено понятие «поэтика», и это неслучайно. Считаю необходимым остановиться на тех «рабочих принципах» (Аверинцев С.С.), которые содействовали формированию художественного своеобразия поэтических текстов исследуемого автора.

Поэтика – один из важнейших разделов теории литературы, который в своем историческом развитии достаточно существенно менял предмет и характер своих задач. В разное время поэтика то соотносилась исключительно с языковыми особенностями художественных текстов, то расширяла свои границы до истории литературы, эстетики. В современном литературоведении

термин «поэтика» тоже имеет несколько значений. Р.О. Якобсон трактует его как «превращение речи в поэтическое произведение и систему приемов, благодаря которым это превращение совершается» [226: с. 81]. Более широкое значение предлагает Ю.В. Манн. По его мнению, поэтика «предполагает изучение не только речевых, но и других структурных моментов художественного текста» [138: с. 3].

Понимание термина автором диссертационного исследования складывалось на основании научных работ русских ученых XX века М.М. Бахтина, Ю.В. Манна, В.М. Жирмунского, Ю.Н. Тынянова, В.Б. Шкловского. Исходя из изученного теоретического материала, полагаем, что поэтику необходимо рассматривать как единую систему формы и содержания. Таким образом, мы будем обращаться не только к художественным особенностям текстов, но и к их структуре, которая, безусловно, отражает замысел и творческую манеру исследуемого автора. Кроме того, важно отметить, что поэтику подразделяют на общую, включающую закономерности литературы в целом, и частную, отражающую отдельные произведения, жанры и т.д. На термин поэтики в более узком его значении мы будем ориентироваться, рассматривая произведения Лидии Шелест, посвященные малой родине.

Данный тематический блок поэзии Шелест как объект исследования выбран закономерно, так как образ малой родины является самым значимым топосом в ее произведениях. Обратим внимание, что поэтические тексты сопровождаются не только описаниями пейзажей, широким диапазоном эмоций лирической героини, но и подробной соотнесенностью с конкретным местом и временем, что в свою очередь позволяет рассматривать поэтику произведений Шелест в тесной связи с историческими событиями и биографией поэтессы.

Надо сказать, что в лирике отечественных поэтов (А.А. Фет, С.А. Есенин, Н.Н. Асеев, Н.М. Рубцов и другие) малая родина часто изображается «в смысле родных мест, отчих краев» [199: с. 3]. Значимость этой темы

велика, так как для каждого отдельного автора его малая родина – это своеобразноеместилище личной и исторической памяти, где формируется индивидуальная творческая мифология.

Именно таким источником вдохновения для многих поэтов стала Курская земля, с ее удивительной природой, богатой историей и замечательными людьми. Как отмечал И.З. Баскевич, «с курскими впечатлениями связаны яркие страницы в творчестве замечательных художников слова» [60: с. 3]. Так, стихотворения Н.Н. Асеева пронизаны гордостью родной землей: «Город Курск на веков гряде, / Неподкупный и непокорный, / На железной залег руде, / Глубоко запустивши корни» [9: с. 324] и чувством благодарности за то, что родился в Курске: «Как давно не бывал я в нем! / Как я многим ему обязан!» [Там же]. Тогда как В.С. Алехин восхищается пейзажами малой родины: «Хороши в Курске зори рассветные, / По-над Сеймом туман голубой...» [181: с. 277] и обращается к родным краям с трепетом и любовью: «Милое, родное Черноземье, / Сколько света в имени твоём!» [181: с. 276]. В поэзии Н.Ю. Корнеева делается акцент на ратных заслугах родной земли и вместе с тем особо подчёркивается: «Земля знаменитая курская, Где княжит весной соловей» [24: с. 28]. Цикл стихотворений «На лоне родимой земли» малой родине посвятил В.В. Бородаевский. Его произведения наполнены трепетной любовью к родным сельским пейзажам, в которых подчёркивается гармония автора с уединенной природой: «И жарким солнцем залито, с утра / Цветет село, как маков алых гряды» [15: с. 78]; «Я не сменю на вас, возвышенные грезы, / Мой тихий серый день, / И крик сорок, насевших на плетень, / И бедный гул моей березы» [Там же. С. 79].

По справедливому замечанию И.П. Михайловой, «писатели-куряне своим творчеством, развивавшимся в духе массовой литературы, способствовали формированию основ устойчивого образа “малой родины”, а их мировидение и писательская биография во многом определялись собственной к ней причастностью» [142: с. 113].

Тема малой родины стала ведущей и в поэзии Лидии Шелест. В русле классических традиций отечественной литературы поэтессой воспеты тихая красота родных мест: «соловьиный, зелёный край» и знаменитый «соловей! ... наш лауреат», «прозрачные рассветы» и «росистые ночи», «сиреневые дали» и «белая пена» садов. Как и у большинства авторов с глубокими национальными корнями и любовью к родной земле, «творческие усилия поэта были воплощены в традиционном и одновременно самобытном лирически выразительном образе родины...» [102: с. 271]. Источником поэтического вдохновения Шелест стала ее малая родина, тихий провинциальный городок Обоянь, где прошли детство и юность. В творчестве поэтессы «милый сердцу уголок» – тот самый случай, когда «эта малая родина <...> со своей – пусть самой скромной и непритязательной – красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений...» [199: с. 3]. Шелест всегда находила в общении с родной природой радость и утешение, внимательно всматриваясь и чутко вслушиваясь в окружающий ее мир, где «одуванчик блестит золотой» и робко глядит василек – «дитя родных полей», где шумит дождь – «частый, скучный гость осенний» и «прохладно под крыльями ночи»...

Произведения поэтессы о малой родине помогают увидеть в привычном новое и необычное. Именно на эту особенность поэзии Шелест обращает внимание и исследователь М.А. Бобунова, подчеркивающая, что в лирике поэтессы «много региональных черточек, позволяющих не только узнать знакомые места, но и по-другому взглянуть на, казалось бы, обыденные вещи» [66: с. 150]. Обояни, Курску, родной курской земле Лидия Шелест посвящает стихи: «Дождь», «Урожай», «Я приветствую тех», «Мой город», «Коса», «Я здесь своя...», «Я по мокрому саду иду», «Можно видеть», «У нас в саду ромашка расцвела...» и многие другие.

Прежде всего, поэтический стиль Шелест отличают яркая эмоциональная составляющая и точные колоритные детали: Острый запах лесной гвоздики / Перемешан росой с земляникой [48: с. 411]; Подставляй

ладони, бери / Звон росы, холодок зари»; «Как много георгинов расцвело! / Не мне ль раскрылись звёзды табака? / Как сладко пахнет ночью резеда... [Там же. С. 73], И мелькает между тонких сосен / Россыпь жизнерадостных маслят [Там же. С. 135]. Добавляют красок поэтическим описаниям разнообразные эпитеты: «счастливое солнце», «малиновая медуница», «золотисто-простая кашка», «чистая розовая заря», «причудливые травы», «ласковый укроп», «прозрачные тугие зёрна» и другие. Пейзаж в стихах Шелест, как и у других поэтов-лириков, «часто отражает чувство единения с природой, ее острую поэтичность и одухотворенность» [147: с. 156].

Поэтический образ малой родины в творчестве Лидии Шелест представлен «конкретно-зрительной передачей впечатлений от картин и явлений природы». Пейзажные зарисовки поэтессы «не претендуют на грандиозность или исключительность», многомерность, наоборот, «они узнаваемы и даже буднично просты» [146: с. 20]:

Родимый край, без шума водопадов.
Поля. Лесок в сиреневой дали,
Разлив зари сиреневой над садом
Её не погасить и не залить [52: с. 26].

(«Родимый край, без шума водопадов»)

Или:

Но если бы вы видели закаты,
Иль наше море житное – поля!
Смотрите, как рябина уродила,
Горючим соком кисти налиты.
И выросла рябинушка на диво.
И с ней, что делать, тоже я на ты [Там же. С. 11].

(«Я здесь своя»)

Безусловно, основной пафос и эмоциональную тональность тексту «Я здесь своя» придает восклицательное предложение. Оно создает оптимистичный

посыл и выдерживает приподнятую бодрую интонацию до самого конца стихотворения. Отметим, что при всей полнокровности созданного пейзажа поэтесса ограничивается буквально единичными употреблениями тропов: емкой метафорой «пенье птиц прозрачной чистоты», эпитетом «горючим соком» и метонимией «море житное». Обращает на себя внимание лексический повтор местоимения «Я». В данном случае демонстрируется личное отношение автора и передается «близость» поэтессы с малой родиной: «Я здесь своя», «И не хочу я ничего другого», «И с ней, что делать, тоже я на ты». Представленный в стихотворении пейзаж не просто зеркально отображает красоту родной природы, но и передает явное любование каждой ее деталью. Таким образом, в небольшом 3-строфном стихотворении поэтесса успешно реализует совершенно простую идею – рассказать об исключительности родной земли.

Однако лирика Шелест, посвященная малой родине, это не просто пейзажи, зачастую природа помогает раскрывать внутренний мир лирической героини. Как справедливо отмечает А.И. Смирнова, в XX столетии «в условиях научно-технического прогресса интерес к теме “человек и природ”» все более усиливается». Именно в это время «на смену романтизации противоборства человека и природы <...> приходит осознание необходимости единения и поиск путей единения» [186: с. 5].

Так, в стихотворении Шелест «Обоянь» (Приложение), имеющем философский подтекст, родная природа выступает не только как объект для созерцания, но и как место, которое так дорого лирической героине, где она вспоминает о своей молодости и первой любви, которое дорого лирической героине как память о молодости и первой любви. Прослеживается особенность, характерная, например, для раннего И.А. Бунина, когда «описания различных состояний природы <...> помогают раскрыть тонкие нюансы настроений и переживаний» [147: с. 159]:

Я здесь рассталась с юностью своею,
Покинув Псёл в зелёных берегах,

Чтоб стал смелей ещё несмелый шаг.

И я ушла, а звёзды осыпались

На город, что остался позади,

На липы, что цветущими остались,

Их мой отец когда-то посадил [48: с. 197].

(«Обоянь»)

Этот пейзаж создает эмоциональный фон стихотворения, в котором обозначаются ноты ностальгии. В произведении Шелест использует ретроспекцию: лирическая героиня рассуждает на лоне родной природы о своей ушедшей молодости с высоты прожитых лет. Взволнованность и эмоциональность героини помогают передать анафора и синтаксический параллелизм: На город, что остался позади, / На липы, что цветущими остались [Там же]. Вернувшись на малую родину после длительного отсутствия, лирическая героиня испытывает чувства ностальгии: Я в Обояни не была так долго, / И звёзды навестить не собралась. [48: с. 197]; «Я снова здесь. Пусть с юностью не встречусь» и элегического сожаления об ушедшем времени, напоминающем о быстротечности человеческой жизни: Текла вода: ни Псёл, ни Сейм, ни Волга – / Вода тех лет... Она лилась, лилась...» [Там же]. Многоточия в данном случае передают глубину переживаний лирической героини, всплеск эмоций, переполняющих ее душу. Необходимо отметить, что такую возможность поэтического синтаксиса Шелест использует достаточно часто, особенно для отражения внутреннего состояния героев. За счет высокого эмоционального накала в это стихотворение «входит и необходимый внетекстовый контекст его» [62: с. 370]. Характерно, что эмоции и переживания, положенные в основу текста, не заслоняют скромную красоту родных мест.

Формировать выразительный образ малой родины Шелест помогают художественные средства, созданные на основе непосредственных впечатлений от пребывания в Обояни: «Но обоянский воздух – как он чист», «Я поняла, что здесь они (речь о звездах) крупнее, / Что здесь нежнее запахи

цветов» [48: с. 197]. К примеру, емкие эпитеты: «зелёных берегах», «несмелый шаг», «недостигаемой дали», «живые звёзды», «холодная река», «обоянский воздух...чист» буквально «переносят читателя» в город, где прошли детство и юность поэтессы. Благодаря олицетворениям: «звёзды осыпались», «звёзды...мечты и мысли свято сохранили», «август сыплет мне на плечи» изображённый природный ландшафт приобретает способность участвовать в размышлениях лирической героини, а не выступать в роли молчаливого свидетеля. В этих, казалось бы, обыденных чертах стихотворений Шелест и заключаются поэтические открытия автора. Они помогают поэтессе наиболее емко изображать родные пейзажи. Данное произведение иллюстрирует одну из ключевых черт поэтики Шелест, характерную для отечественной поэзии в целом, – неразрывная связь природы и человека.

Шелест создает живой и яркий облик малой родины, используя различные природные образы. В большинстве случаев поэтесса применяет привычный прием передачи образов – это применение слов в их прямом значении, но при этом снабжает «их эмоциональной окраской и включенной в них авторской оценкой» [73: с. 170]. Следовательно, в поэзии Шелест слово с номинативным значением только называет образ, который за счет средств художественной изобразительности будет преобразован автором.

Одним из излюбленных поэтических образов Шелест, наиболее часто встречающихся в стихотворениях, посвященных родной земле, является «соловьиный, яблоневый сад». И это не случайно, ведь многие регионы нашей страны в сознании людей связаны с определёнными природными объектами. Например, курская земля неизменно ассоциируется с зелеными яблоневыми садами, в которых поют соловьи. Поэтесса создала индивидуальный образ сада. Он становится для автора устойчивым символом малой родины, спокойствия и умиротворения, символом светлой любви. Необходимо отметить, что этот образ уходит корнями к традициям русской классической литературы. Например, в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» сад становится пространством, где размышляют о жизни главные герои: для

Евгения – это городской обезличенный сад, для Татьяны – деревенский «одомашненный сад». У М.Ю. Лермонтова в поэме «Мцыри» сад дарит герою ощущение душевного покоя и силы: «...Кругом меня цвёл Божий сад...». Использование образа сада получит продолжение и в поэзии XX века: в поэме А.А. Блока «Соловьиный сад» выступает как своеобразная защита от жестокого мира: «Не доносятся жизни проклятья / В этот сад, обнесенный стеной», а в творчестве С.А. Есенина «голубой сад» станет неизменным спутником стихотворений о малой родине.

Важно отметить, что для Шелест сад – это не только частотный поэтический образ, но и реальный земной сад, который цветёт и плодоносит возле родного дома:

Цвети, цвети, родной зелёный сад,
Качай над ней монисты бересклета,
Пусть осень пышная возьмёт ключи у лета,
И сад наполнит яблок аромат [52: с. 66].

(«Наш сад»)

Прежде, чем стать поэтическим образом, этот природный ландшафт окружал Шелест, формировал видение мира. Именно поэтому сад в стихах поэтессы вполне конкретен, имеет свои приметы. Вместе с тем логическая связка «дом – сад» была характерна для творчества многих поэтов.

Как подчеркивает И.П. Михайлова, «сад как явление общекультурной традиции входит в творческое пространство и курских авторов, например, В. Бородаевского, П. Карпова, И. Горалика, а также является значимой категорией художественного мира массовой поэзии региона» [145: с. 178]. Думается, это вполне закономерно, потому что курская земля с давних пор славится своими садами. Именно о них В. Бородаевский напишет: «И мечта, что лучшее в мире – / Это белые ветки в саду» [15: с. 80]. П. Карпов и вовсе сопоставляет сад с идиллическим миром: «О совершенная радость / Златоосенних садов!» [23: с. 230] Многочисленные обращения поэтов к образу

сада вполне объяснимы и с другой позиции. «Семантика мифологемы сада имеет вполне определенное толкование с библейских времен: сад – лучшее, что создано Богом при сотворении мира» [182: с. 168].

Формируя поэтический образ сада, Шелест конкретизирует каждую деталь: «ветка белой сирени вся трепещущей негой полна», «сад изрыдается», «ромашка в саду смеётся», «каштан с утра зажѣг большие свечи», «левкои белые грустят в саду усталом». Так, И.П. Михайлова отмечает, что у Шелест сад – «жизненное пространство, многосмысловая метафора <... > в поэтическом воспевании образа сада у автора присутствуют мотивы, связанные с состоянием лирической героини: печаль и радость, прощание и встреча, любовь и ненависть» [145: с. 184]:

Деревья догорают, точно свечи,
В пустом саду последних листьев шум.
Но сколько чувств родит он, сколько дум...
Печаль, как шаль, ложится мне на плечи [48: с. 446].

(«Любовь и ожиданье»)

Или:

Слышишь, ветер в саду,
Слышишь, я не приду,
Не приду я, как прежде, бывало... [Там же. С. 496].

(«Слышишь, ветер в саду...»)

Все свои переживания Шелест «доверяла» родному саду: сад для нее не только место уединения, это ее «неизменный, старый друг». К нему она обращается как к близкому, родному человеку. Кажется, что от сада она ждет совета, спасения от всех неприятностей:

В сад скорее ...Мимо флоксов белых...
Путаются ветки на ветру...

Друг мой, неизменный, старый друг,
Что же нам теперь с тобою делать? [48: с. 53].

Или:

Уж ты сад, мой сад, поплачь со мной,
Ветки мне протягивает сад,
Вишенки поломаны стоят [53: с. 446].

(Поэма «Полон»)

Подобные диалоги с садом – явление в поэзии Лидии Шелест достаточно частое. Такое трепетно-доверительное отношение к саду М.С. Галина связывает с тем, что «...сад, пространство не столько окультуренное, сколько плодоносящее, кажется...женственной и безопасней – он, как и вода, является призрачным убежищем от невыносимого настоящего» [77: с. 178].

Именно образ сада помогает Шелест передать многогранный спектр чувств и эмоций: это и радость, и умиротворение, и воспоминания о детстве, и грусть, и страдание. Велико в творческом наследии Шелест количество образов, созданных на основе отдельных элементов сада: «белая пена садов», «пропахший яблоками сад», «густой сад». Все они построены на основе типичной природы Курской земли, но, имея многочисленные отсветы культурных традиций, включаются в поэтику Шелест как рожденные ее даром заново.

Стоит отметить, что, как и большинство поэтов с исконно русскими корнями, в своей лирике Шелест использует образы березы и клена. «Любовь к ним имеет свою историю и связана с давними традициями русского народа его культурой и бытом» [90: с. 45]. Так, различные метафорические образы березы являются выразителями любви к родине: Пахло талым снегом и весною, / Свежестью нетронутых берёз! [48: с. 326]; Там горят берёзы словно свечи, / Пламенем весёлым по утрам [Там же. С. 382]. В то же время автор соотносит образ березы с русской женщиной, ее стойкостью, мужеством, верностью, а также стройностью и красотой. А вот клен упоминается в поэзии

Шелест как объект, связанный с курской землей, гораздо чаще. И, как отмечает Ю.А. Дьяченко, это дерево у поэтессы «...густое, зеленое, знакомое, молодое, пышное, символизирует что-то своё, родное»: “Знакомый парк со свежестью аллей, Знакомый клён, под ним играют дети!”; “А в старых парках густые клёны / Поют про молодость мою”» [90: с. 45].

В описаниях родной земли Шелест неизменно использует образ рябины, которая, по мнению К.Я. Ваншенкина, «в нашей поэзии вторая после березы по количеству упоминаний» [72]. Поэтический образ рябины как символ родины встречается у П.А. Вяземского: «Тобой, красивая рябина, / Тобой, наш русский виноград, Меня потешила чужбина, / И я землячке милой рад» [74]. С Отчизной рябина соотносится и в лирике М. Цветаевой: «Рябина! / Судьбина / Русская» [31: с. 249]. Это дерево используется поэтессой и как часть пейзажа, указание на конкретное время года: «Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья. / Я родилась» [30: с. 65]. Часто при изображении родных мест упоминает рябину и С.А. Есенин: «В саду горит костёр рябины красной» [22: с. 217] и «Ты мне пой. Ведь моя отрада, / Что вовек я любил не один / И калитку осеннего сада, / И опавшие листья с рябин» [21: с. 40]. В творчестве Шелест рябина тоже важная деталь малой родины, чаще всего это дерево в ее поэзии встречается в осенних пейзажах:

У дороги полыхает жарко

Горькая рябина на ветру.

Наломать бы веток, только жалко

Трогать эту чудо- красоту [48: с. 135].

(«Золотая и грибная осень»)

В данном случае применительно к рябине поэтесса употребляет вполне традиционное прилагательное «горькая». Вероятнее всего, Шелест обращается к фольклорным ассоциациям, связывающим это словосочетание с разлукой и горькой судьбой, подобной ее собственной: Рябину посадили под окном / Горчайшую у самого крыльца [52: с. 43]; На свете нет грустнее деревца. Но

при этом поэтесса с откровенной теплотой воспеваает рябину и называет ее: «чудо - красотой», «рябинушкой», которая «выросла на диво». Обращает на себя внимание описание рябины, воспринимаемой поэтессой как «символ красоты» [222: с. 67] и природного богатства родного края. Образ этого дерева позволяет детализировать воссоздаваемые пейзажи. Например, рябина «у дороги полыхает жарко», ее кисти «горючим соком налиты». И наконец, образ рябины в стихотворениях Шелест выступает как символ чего-то родного и близкого, понятного: «И с ней, что делать, тоже я на ты». Но практически единичны в поэзии Шелест изображения рябины в весенний период времени:

Каштан зажег большие свечи...

Цветет рябина под окном.

Прохладно...но ещё не вечер...

Притихли птицы перед сном [52: с. 55].

(«Сирень»)

Очевидно, что в данном случае образ рябины не несет большой смысловой нагрузки. Дерево упоминается поэтессой как признак типичности описываемой местности.

Гораздо реже в описаниях своей родины Шелест обращается к образу черемухи: Люди, люди, радость-то какая! / Расцвела черемуха опять. и:

Тот, кто песню светлую рождает,

Что ведёт на смелые дела,

Что людское счастье охраняет,

Землю, где б черёмуха цвела... [52: с. 55]

(«Черёмуха»)

Возвышенной, «неприкосновенной» и «неприступной» называет черемуху поэтесса и вместе с тем связывает её цветение со счастьем, которого удостоена родная земля. А вот прилагательное «черёмуховый» в поэзии Шелест неизменно соотносится с курской рекой Сейм: «черёмуховый Сейм».

Обозначенные древесные образы: яблоня, липа (в рамках сада), рябина, черемуха, клен и береза – помогают отразить близость лирической героини с окружающим миром родной природы. В стихотворениях поэтессы деревья часто наделяются человеческими качествами: они становятся молчаливыми свидетелями, собеседниками, разделяют её одиночество и даже благодарят за бережное отношение к природе:

Прикоснусь к серёжкам бересклета,
Ярки так, что пальцам горячо.
Ничего не трогаю, за это
Клён кладёт мне лапу на плечо [48: с. 135].

(«Золотая и грибная осень»)

Отмеченное выше позволяет сделать вывод, что дендронимы имеют большое значение в поэтике исследуемого автора. Сквозные образы деревьев, опирающиеся на устойчивые традиционные значения и индивидуальные авторские смыслы, «окрашивают» мир поэзии Шелест в неповторимые тона, формируют ее своеобразный стиль.

Необходимо подчеркнуть, что природа не только воспринимается поэтессой как абсолютная ценность: «Я, правда, не люблю срывать цветы напрасно, / Мне жалко отрывать их от родной земли» [52: с. 54], но и рассматривается ей как «одна из важнейших онтологических и социально-исторических констант» [150: с. 7]. Именно поэтому в творчестве Шелест мир родной природы представлен настолько целостно.

Неотъемлемой составляющей стихотворений Шелест являются образы птиц. Как отмечает А.В. Азбукина, «популярность образа-символа “птица” в русской поэзии начинается в 80–90-е годы XVIII века, когда классицизм утрачивает господствующее положение и ему на смену приходят сентиментальные и предромантические веяния» [55]. В более поздней отечественной литературе образ-символ не оставался неизменным.

Он подвергался семантическим трансформациям, выступая то как знак, то как эмблема, то как сравнение, то как метафора, то как аллегория, то как символ. Так, «птичьи персонажи могут помогать людям и, напротив, быть для них опасны, символизировать любовь, счастливый и несчастливый брак, вдовство, продолжение рода, взросление, женское и мужское начало, мудрость, духовность, свободу, удачу, творчество и многое другое» [163: с. 8].

В поэзии Лидии Шелест птичий «пантеон» достаточно разнообразен (Я с птицами давно уже на ты [48: с. 235]): голуби (Голуби – большие патриоты, / Вот за это я их и люблю [Там же. С. 143]), журавли (Проплывают смелые сквозь тучи, Не свернуть с дороги журавлей [Там же. С. 141], кукушки (Слышу, слышу, как кукушка плачет / На скупой неласковой заре... [52: с. 82]), сороки (А для чего ж сорока - белобока / Сегодня скачет у двора?! [Там же. С. 48]), воробьи (Привыкнуть к воробьям, не правда ли, смешно? [42: с. 311]), соловьи (Соловей, соловей! Ты наш лауреат... [52: с. 137]). Но именно последние наиболее часто соотносятся в творчестве поэтессы с малой родиной. Справедливым будет заметить, что образ соловья в самых разных его значениях часто использовался в русской поэзии: Н.А. Некрасов («Соловьи»), А.С. Пушкин («Соловей и роза», «Соловей», «Соловей и кукушка»), А.А. Фет («Я жду... Соловьиное эхо», «Мой сад», «Соловей и роза»), С.А. Есенин («Ночь», «Что прошло – не вернуть», «Этой грусти теперь...») и другие. Как отмечает Т.В. Томилина, «соловей – образ романтический, сентиментальный. <...> Образ-символ соловья находим в гражданских стихотворениях поэтов-декабристов, в философской лирике, в стихотворениях, посвящённых теме поэта и поэзии» [123: с. 164].

Безусловно, соловей – излюбленный поэтический образ поэтов, родившихся и живших на курской земле. В большинстве стихотворений поэтов-курян соловей – это устойчивый символ малой родины: «Соловьями наш край знаменит, / Он не знает безделья и скуки» [8] (Н.Н. Асеев); «Земля знаменитая курская, / Где княжит весной соловей» [124: с. 71] (Н. Ю. Корнеев). У Шелест, как и у ее земляков-поэтов, соловьи являются

частью прекрасного в своем богатстве и разнообразии земного мира родной природы: Я умолчу название пернатых / Из скромности: ведь курские края [48: с. 135]. Возможно, восприятие авторов роднила Курская земля, где каждый из них прожил какую-то часть жизни. Особое отношение поэтессы к этим птицам можно проследить по частотности упоминания соловья в ее лирике. Они у Шелест звенят, поют, «совсем не пели», должны «напиться» и другое. Важно подчеркнуть, что в лирике Шелест поэтические контексты постоянно указывают на принадлежность соловья к курской земле: Соловьи уж давно улетели, / Тишина в наших курских садах» [48: с. 382]; Мне бы петь с утра / с соловьями курскими... [Там же. С. 223]; Вдруг на курской земле / Соловьи зазвенели... [Там же. С. 166].

В стихотворении Шелест «Чудо» первая строфа – посвящение красоте и таланту соловья:

Соловей, соловей! Ты – наш лауреат...
Хоть земляк, а хотя и не курский!
Ты всегда и везде своей славой богат,
Как леса и сады наши – русский! [Там же. С. 137]

(«Чудо»)

Обращаясь к соловью, поэтесса наделяет его человеческими качествами («земляк», «своей славой богат») и регалиями («наш лауреат»). Примечательно, что в этом тексте поэтесса упоминает соловья не только как символ Курщины, но и всей России. Соловей у Шелест: «Как леса и сады наши – русский». Соловьи символизируют Отчизну в произведении Шелест «Чужбина», посвящённом мужу Борису Башилову, который волею судьбы оказался за границей и не мог вернуться на родину:

Нет, не забыл ты Родину свою.
Пускай давно живёшь в чужом краю –
В душе, как прежде, соловьи звенят
Российские, и зацветает сад [48: с. 139].

(«Чужбина»)

Эволюция образа соловья в творчестве Шелест анализируется в статье М.А. Бобуновой «Соловьями наш край знаменит». Исследователь подчеркивает, что «в поэзии Л. Шелест слышатся раскаты, гром, звон, трель и россыпь соловьиной песни. Курские сады осыпают слушателей соловьиным пением, которое отличается виртуозными пассажами и мелизмами» [67: с. 23]: «Рулады соловья – особая статья, / То – лирика, парад весны, тревога...» [48: с. 311]. По мнению поэтессы, именно соловьи делают родной город в какой - то мере уникальным, отличным от других:

А что ни город, говорят, то норов,
Но тут уже помогут соловьи.
Они поют росистыми ночами,
Без них, без курских, нам не обойтись [Там же. С. 198].

(«Курск»)

Интересно, что Шелест считает соловья той птицей, которая вопреки всему вечно будет существовать на земле:

Город наш меняется, растет,
Умирают травы под асфальтом,
А в саду все так же он поет,
Соловей - соловушка наш, альтом [Там же. С. 343].

(«Каштан»)

Или:

Нас не будет... А деревья,
Как и прежде, развернутся.
Соловьи осыпят трелью,
И ромашки улыбнутся [Там же. С. 363].

(«Нас не будет»)

В поэзии Шелест образ соловья имеет несколько ключевых значений: во-первых, это неизменный символ малой родины и целой страны, во-вторых, он – неотъемлемая составляющая курских пейзажей и просто птица, чьи трели – услада для слушающих. Необходимо сказать, что рассмотренные в художественном пространстве Шелест образы пернатых дополняют имеющиеся представления о символике птиц, а также дают более точное понимание специфики восприятия мира родной природы автором.

Полагаем, что стихотворения Шелест помогают составить историко-культурологический портрет Курского края, складывающийся не только из обращения к природным ландшафтам, миру флоры и фауны, но и ориентированный на особенности исторического развития малой родины. Единство человека и природы, прошлого и настоящего – основа мировосприятия поэтессы. В ее стихах гражданственности не меньше, чем тонкой лиричности, потому что она всегда ощущала свою причастность ко всему происходящему на курской земле. Так, ее стихотворение «Курск» – своеобразная летопись основных вех истории города, «огнем испытанного», выстоявшего в нелегких испытаниях, которые выпали на его долю с древних времен: Старинный город, наш зелёный Курск! / Ты на плечах несёшь тысячелетье... [52: с. 25]. Первые строки наполняют стихотворение атмосферой музыки, торжества и гордости за родной край. И это закономерно, ведь, как писала С.К. Константинова, «первая строка в поэтическом произведении очень важна. Она передаёт эмоциональный настрой всего стихотворения, и иногда от удачной начальной фразы зависит судьба художественного произведения» [111: с. 147]. Буквально в каждой строке текста заостряется внимание на том, что Курск – город с богатой и древней историей: «Давно, давно живешь на белом свете», и продолжает это утверждение развёрнутым повествованием исторической летописи столицы Соловьиного края: набеги половцев и печенегов в степях.

Заметим, что обращение к исторической судьбе родного города звучит в стихотворениях курских поэтов достаточно часто. К примеру, «Богатырская поэма» Н.Н. Асеева, где в подзаголовок вынесены слова «Землякам-курянам», «...проникнута любовью к родным местам, почти былинному прошлому Курского края, и гордостью за исполинские силы курян, и восхищением прекрасным настоящим и будущим Курской области» [197]. В этом произведении поэт упоминает времена «Слова о полку Игореве» и Октябрьской революции, пробудившей курскую землю к новой жизни, изображает суровые годы войны, воспекает ратные и трудовые подвиги курян: «Хоть, я знаю, невмоготу / Всех курян назвать поименно, / Поднимая на высоту / Нашей области Курской знамена» [Там же]. В стихотворении Н.Ю. Корнеева «Курская земля» на первый план тоже выдвигаются исторические вехи Курщины: «Родная земля, где за Игорем / В бессмертье полк его шёл. / Земля, где поля бережёные / Топтала в налётах орда» [124: с. 71]. Кроме того, поэт традиционно упоминает о судьбе Соловьиного края в годы Великой Отечественной войны. Подобную хронологию событий в своем тексте приводит и Шелест. После обращения к истории древнего Курска она плавно переходит к описанию 1943 года. Поэтические детали, применяемые поэтессой, позволяют явственно представить происходящее: «взрывающиеся снаряды на курских полях», «земля, опалённая огнём и пропитанная кровью», «братские безвестные могилы». Как антитеза этим строкам звучит следующая строфа, которая буквально «возвращает» в мирную жизнь. В ней Шелест «рисует» картину современного города спустя годы: Теперь тебя узнать нельзя, мой город, / Ни стать твою, ни улицы твои [52: с. 25] и «Дымят заводы...». Примечательно, что, описывая урбанистическую среду, поэтесса все равно находит место для добавления элементов живой природы: «лесов твоих пурпур», «влажные сады», «Сейм течёт спокойно». Стихотворение «Курск» демонстрирует ещё одну характерную черту поэзии Шелест – использование региональных топонимов. С их помощью поэтесса делает

собственные описания более конкретными и достоверными с географической и исторической точек зрения.

Многогранный образ малой родины в поэзии Шелест включает и образы людей, живущих на курской земле. Стоит отметить, что характерными чертами малого города является его сельский характер, проявляющийся как в организации пространства, так и в занятиях его жителей. Поэтому совсем не случайно Шелест, как провинциальная поэтесса, близкая к народной культуре, природе и людям, воспеваает сельских тружеников, работающих на родной земле. Пример тому стихотворение «Будет хлеб» (Приложение):

По снегу лыжники вздыхают,
И агрономам не до сна.
Зима холодная, сухая,
Пропала озимь... Март, весна... [52: с. 23]

(«Будет хлеб»)

Или:

За трактор все – и молодые,
И тот, кто им когда-то был
И трактор в поле выводил
Ещё сердитее седые! [Там же]

Шелест подчеркивает стойкость земляков перед трудностями, их мудрость и умение принимать решения. Куряне занимались послевоенным созидательным трудом: с полей, искореженных, вздыбленных страшными битвами, доносился уже другой гул, а не скрежет и грохот от немецких танков. Там работали трактора, заравнивали глубокие воронки от бомбежек. Несмотря на громадные разрушения, нанесённые сельскому хозяйству области немецко-фашистскими захватчиками во время войны, «оно было в основном восстановлено уже в

конце четвёртой пятилетки» [116: с. 23]. По всей видимости, этот факт и лежит в основе текста поэтессы.

В этом стихотворении Шелест с сожалением отмечает, что человек труда всегда зависит не только от собственных усилий, но и от «капризов» природы: («Вдруг пыльный ураган завыл», «Дожди прольются, ведро будет», «Зима холодная, сухая...» и другие). Поэтесса с уважением пишет о курянах, которые, невзирая на холодную бесснежную зиму и то, что «пропала озимь», вновь приступают к работе. Труд на земле, по мнению Шелест, остается важным делом в жизни земляков, приносит серьезные испытания, но является источником счастья:

И жаворонок по утру
Всех спозаранку поразбудит,
Пускай поёт...
Да будет труд! [52: с. 23].

(«Будет хлеб»)

Интересно, что родные пейзажи поэтесса зачастую соотносит с трудовой деятельностью и ее результатами: ... В лицо пахнуло свежей силой / Ещё не вспаханной земли [Там же. С. 23]; Спят в закромах больших тугие зёрна, / Собрали вишни, – август у двора [Там же. С. 8]; Золотая и грибная осень... / Золотеют скирды на полях [Там же. С. 10]. Таким образом, Шелест пытается изобразить родную землю «глазами» простого сельского труженика. Подобную особенность восприятия природы можно встретить и у других курских поэтов. Например, в поэзии П.И. Карпова даются следующие природоописания: «волны хлебов», «спелый колос золотой» или «День мой окончен в кровавой пыли / За молотью цеповой ячменя» [101: с. 23]. Вполне зримы и реалистичны картины быта трудящихся в стихотворениях В.В. Бородаевского: «Из деревень брэнча съезжают сохи к нивам» или «Вот пашня рыхлая. И каждый чёрный ком / Рассыплется в руках, едва его сожмем» [15: с. 74].

Так, стихотворение Шелест, посвященное сельским труженикам, завершается в духе поэтессы оптимистичным посылом, который звучит как ода селянам за их тяжелый труд: «...Будет хлеб! / Звенеть, звенеть пшенице снова / На Курской золотой земле» [52: с. 23] и даже как своеобразное пророчество. Необходимо отметить, что буквально через несколько десятилетий ударная работа курских тружеников была отмечена на уровне государства. Информацию об этом хранят различные краеведческие источники. «Большая победа была одержана курскими хлеборобами в 1974 году. Область выполнила социалистические обязательства по продаже зерна государству: в закрома Родины было засыпано свыше 980 тысяч тонн курского хлеба» [116: с. 54]. По ее логике, «плодородная черноземная земля Курской области, как и курский соловей, – это гордость не только края, но и всей России» [66: с. 149].

Родная земля с ее богатой природой и историей, а также ее людьми стала сосредоточением художественного интереса Шелест, что во многом и определило направленность ее лирики.

Итак, поэтические произведения Лидии Шелест позволяют говорить о том, что тема малой родины занимает значительное место в ее творчестве. Стихи Шелест, впитавшие в себя прелесть среднерусской природы, проникнутые искренностью, чувством любви к родным местам – одна из ярких, глубоко волнующих страниц курской поэзии:

Наш город, сын страны моей богатой,
С тобою я, с тобой душою всей [52: с. 26].

(« Родимый край без шума водопадов»)

Как правило, в поэзии Шелест пространство малой родины открывается через призму пейзажей, характерных для мест проживания поэтессы. Кроме того, обращает на себя внимание такая особенность поэтики Шелест, как эмоциональная составляющая:

Люди, люди, радость-то какая!

Расцвела черемуха опять [Там же. С. 14].

Или:

Но если бы вы видели закаты, /

Иль наше море житное – поля! [Там же. С. 11].

Практически неизменным в ее текстах остается эффект присутствия, именно благодаря этому в стихотворениях «возникает особая фрагментарность выражения, которая создает отчетливо авторскую интонацию» [107: с. 106]:

Прикоснусь к серёжкам бересклета,

Ярки так, что пальцам горячо [48: с. 135];

Или:

Я здесь рассталась с юностью своею,

Покинув Псёл в зелёных берегах...» [Там же. С. 197].

Важно отметить, что обозначенные черты, а также художественные особенности стихотворений Шелест о малой родине, рассмотренных выше, формируют индивидуальную авторскую поэтику, главный принцип которой заключается в том, чтобы видеть «необычное и поэтическое в обыденном и заурядном» [159: с. 63].

Тематические стихотворения Шелест органично вписываются в идейно-эстетический контекст поэзии своего времени и дополняют художественную картину региона, созданную курскими поэтами.

2.3. Тема Великой Отечественной войны в произведениях поэтессы

Поэзия во время Великой Отечественной войны, а также в первое послевоенное десятилетие делала то, что и подобает подлинному искусству военных лет: утешала, сострадала, взывала, верила. В лирике представление о

патриотизме и чувстве любви к Родине как бы «опредметилось», приобрело конкретность. Мир и война, смерть и бессмертие, ненависть к врагу и боевое братство, любовь и верность, мечта о победе и раздумья о судьбе народа – вот основные мотивы поэзии тех лет. В годы Великой Отечественной войны сформировалось целое поколение поэтов, которое в литературном процессе характеризуется как «военное». К этой плеяде принадлежат талантливые авторы: Н.Н. Асеев, М.И. Алигер, П.Г. Антокольский, А.Т. Твардовский, О.Ф. Берггольц, М.К. Луконин, Д.С. Самойлов, Б.А. Слуцкий, Ю.В. Друнина и другие. В своем творчестве каждый из них неоднократно обращался к теме войны. Характеризуя художественное наследие этих поэтов, Л.А. Аннинский отметил, что «они дают нашей поэзии не только “рассказ о войне”, это именно присутствие определенного душевного строя, войной когда-то сформированного...» [59: с. 236]. Общее нравственное побуждение и задача поэтов военного времени были выражены в словах писателя С.Н. Ханзадяна: «рассказать суровую правду о войне, о страшной трагедии народов и отдельного человека, вынесшего на плечах свою долю тяжести тех дней» [151: с. 80]. Эту тенденцию можно отметить и в творчестве поэтов, так или иначе связанных с Курским краем (родившихся и живших здесь либо оказавшихся на курской земле в годы войны): В.М. Кубанева, В.И. Шульчева, Н.Ю. Корнеева, А.И. Безыменского и других. Кроме того, по справедливому утверждению И.З. Баскевича, «остались неизвестными иные из авторов, сложивших стихи и песни, сохранившиеся в народной памяти» [60: с. 121].

Великая Отечественная война ознаменовала новый трагический виток в судьбе и творческой биографии Лидии Шелест. Все, что переживалось в «сумрачные» дни, нашло отражение в ее поэзии. В поэтических произведениях Шелест (их более 50) отражено страстное авторское желание «рассказать о пережитом, рассказать и ради того, чтобы закрепить в сознании людей подвиги преодоления, и для того, чтобы примером лично пережитого предотвратить повторение подобного» [151: с. 93].

Наследие Шелест о войне включало общие тенденции поэзии того времени, характеризующиеся отражением процесса становления массового оборонного сознания. Патриотическая идея в творчестве Шелест решается различными способами, в том числе и за счет призыва к защите Родины, реализующегося за счет разнообразных мотивов. Различные определения этого понятия дают А.Н. Веселовский, А.Б. Есин, Б.М. Томашевский, Ю.М. Лотман, Н.Д. Тмарченко и другие. В рамках данного исследования будем ориентироваться на «Краткую литературную энциклопедию», где мотив трактуется как: «устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста» [149: с. 230], который можно выделить как в пределах одного или нескольких произведений автора, так и в комплексе всего его творчества.

Повторяющимися мотивами поэзии Шелест в эти годы, как, например, и в текстах А.А. Суркова («Вперед!», «В наступление!», «Назад ни шагу!», «Порази в черное сердце черного зверя»), А.Т. Твардовского («Ты враг! И да здравствует кара и месть!»), становятся призыв и набат: Набат! Набат! И тысяча огней / Взметнулись в небо...Светлый сон украден. [48: с. 156]; –Я ударю в набат! / Встанут добрые люди стеной, / Крикнут в жадное пламя: Не тронь! [Там же. С. 179].

Как и большинство советских авторов, в эти годы Шелест ориентирует свою поэзию на утверждение новой системы ценностей, призывающей к единению, защите своей Родины:

Моя судьба слилась с судьбой страны.
Моя беда отодвигалась в тень...
Нам ночью снились дурные сны,
И злые бомбы возвещали день [48: с. 157].

(«Набат! Набат! И тысяча огней»)

Так как поэзия Шелест развивалась в тесной связи с тенденциями отечественной военной лирики, то во многих ее стихотворениях устойчив мотив неизбежности победы:

И мир над миром крылья разверзнёт...
Настанет день – прекрасный день покоя!

или:

Так чего же она ждала?
Не того ль, чтоб её поправши,
Смех прорвался сквозь тучи бед?
И Победа, что солнца краше,
Разлила негасимый свет! [Там же]

(«Рёв сирены... тревога, бомбы»)

Характерно, что строки, посвященные победе в войне, поэтесса завершает восклицанием, усиливающим категоричность обозначенной мысли. Шелест считает, что другой исход для людей, выдержавших такие горькие испытания, невозможен. Отличительными особенностями текстов поэтессы является то, что в них совершенно естественно соседствуют горечь и боль от пережитого с непоколебимой верой в Победу. Примечательно, что слово «Победа» со всей силой убежденности возникает в поэтических строках Шелест, написанных в горестные дни фашистской неволи, и звучит пророчески:

Скоро, скоро он придет счастливый
Этот день – последний день войны.
Хлынет радость, да таким разливом,
Что затопит берега страны [Там же].

(«День тот близок»)

Несколько иную риторичность мотив Победы приобретает в послевоенном творчестве поэтессы. Так, в стихотворении «Прошла гроза», созданном в 1945 году, когда Великая Отечественная война была победоносно завершена, широко представлены рассуждения о цене Великой Победы. Обращает на себя

внимание и тот факт, что радость долгожданной Победы отражается только в метафоричности названия и последних четырёх строках стихотворения:

И вот Победа! И она твоя,
Тобой рождённая под грохот канонады,
Рождённая в неистовых боях,
Она – твоя высокая награда [48: с. 169].

(«Прошла гроза»)

Достаточно скупое говорит Шелест о выстраданной Победе и проникновенно, тяжело, с надрывом – о войне, как о бушевавшей долгие годы «грозе».

Безусловно, изображение войны в творчестве поэтессы не ограничивается только традиционными мотивами и сюжетами. Шелест стремится к более глубокому осмыслению этого явления. Именно поэтому индивидуальной авторской чертой является то, что в ее стихотворениях часто превалируют субъективные чувства: Война...А это значит грохот бомб, / Истошный вой тяжелого снаряда; Война...А это значит, что ночами / Тебе гореть на ледяном костре, Война...о ней и вспомнить нелегко» и другие. Назывные предложения, в которые автор включает всего слово «война», «интонационно подчеркивают неотвратимость беды» [159: с. 103]. Авторскую позицию, характеризующуюся полным неприятием войны, и всего, что с ней связано, раскрывают различные художественные особенности ее текстов, такие как: экспрессивная лексика («немецкие стервятники», «волки лютые»), эпитеты («железно-ледяной порядок», «мёртвый город», «продрогшая смерть», «в завьюженном колючем январе», «беспокойные пули»), метафоры («беспрерывно лаял пулемет», «смерть играла в жмурки», «несется тонов горестный прибой», «ненависть в сердце глубоко залегла»).

Поэтесса постоянно подчеркивает, насколько война противоестественна человеческой натуре, насколько она разрушает привычный уклад жизни:

Рёв сирены... тревога, бомбы,
Бомбы... Всё, чем ты жил – на слом!

Неслыханно! На головы детей

Летели тонны целые смертей [48: с. 157].

(«Рёв сирены... тревога, бомбы»)

При этом приметы военного быта в лирике поэтессы чаще всего представлены буквально схематично, в ее текстах практически отсутствуют батальные сцены. В своем художественном подходе Шелест отдает предпочтение описаниям эмоций и переживаний, связанных с войной:

Ты смотрела, но лучше б тебе не смотреть,
Как в домишки стучала продрогшая смерть [Там же. С. 162];

Ворвалась под крышу неожиданно беда,
Она хоронилась в намокших садах... [Там же. С. 158]

Или:

В окружение смерть брала...
Билось сердце со смертью рядом» [Там же. С. 162];

Словно две бадьи на коромысле,
Натирала плечи нам беда» [Там же. С. 158].

Вероятнее всего, именно этим объясняется то, что в поэзии Шелест единичны образы воюющего солдата. Так, в стихотворении «Прошла гроза» поэтесса изображает советского воина не в бою и на фронте, а уже после одержанной Победы:

И каждый шаг земли твоей родной,
Что вырвал враг, ты должен снова, снова
Под пулями, под ветрами, без слова –
Забрать обратно, а тогда – домой.
И ты прошел за шагом шаг, по крови,
Прошел сквозь вёсны, зимы и ветра.
Ты умирал и оживал, порою
Грустил и даже плакал у костра.

.....
Но равного упорства не найти,
Хоть целый век ищи его по свету... [48: с. 169]

(«Прошла гроза»)

Образ советского воина в данном стихотворении создан не только из черт и качеств, присущих героям: «И ты прошел за шагом шаг, по крови, / Прошёл сквозь вёсны, зимы и ветра», но и – свойственных простому человеку: «Грустил и даже плакал у костра». Примечательно, что в тексте нет восклицательных предложений и речевых оборотов, возвышающих советского воина. Их заменяют емкие и лаконичные строки: Но равного упорства не найти, / Хоть целый век ищи его по свету. Таким образом, читателю вполне отчетливо представляется образ советского солдата, прошедшего тяжелый военный путь со всеми его испытаниями: риск собственной смерти, потеря близких, наконец, бытовые трудности – голод, холод и зной, но не сломленного и получившего «высокую награду» – Победу. В стихотворении «Твой дом» советского воина, который «исходил тысячи дорог», «изведал тысячи ветров», «пулемётный слушал разговор» Шелест изображает смущенным:

Всё своё, что видишь ты кругом,
Он всё тот же, обжитой твой дом.
Ну, смелей переступай порог [48: с. 169].

Кроме того, поэтесса наделяет его нехарактерными чертами: На столе твой бронзовый Толстой. / Вечерами, помнишь, в тихий час / Он с тобой беседовал не раз [Там же. С. 170]. Все это делает образ более многомерным, в изображении Шелест солдат – это не просто бесстрашный боец, это человек, для которого важны семья и дом, у которого есть свои увлечения. Как видим, поэтесса пытается выйти за рамки создания традиционного образа воина, зачастую ограниченного исключительно фронтовым путем.

Гораздо чаще лирическими героями военной поэзии Шелест становятся женщины. Такая специфичность творческого подхода поэтессы к теме войны позволяет рассматривать ее персонажей в гендерном аспекте. Шелест создала целую палитра женских характеров и судеб – матери, потерявшие сыновей, бесстрашные медсестры, женщины, стойчески принявшие все тяготы военного времени. Именно о них, таких разных, были написаны стихи: «Сорок лет», «Не ты ль сыновей научила...» (Приложение), «Еще раз о русской женщине» (Приложение), «Матерям военных лет». Эти поэтические произведения – тот случай, когда Шелест практически воспеваает лирическую героиню, возвышает ее в глазах читателя:

Да! Мужества проявлено немало,
Но русской женщине не занимать его!
Она спокойна, ласкова, красива
И, как берёзка русская, стройна.
И в ней всегда такая скрыта сила,
Что горы, горы двигает она! [48: с. 179]

(«Ещё раз о русской женщине»)

Шелест наделяет лирическую героиню уникальными способностями: И в ней всегда такая скрыта сила, / Что горы, горы двигает она! [Там же] Поэтесса особенно трепетно и уважительно отзывается о русской женщине, отсюда эта нравственная высота и даже некая бережность в ее описании (Она спокойна, ласкова, красива / И, как берёзка русская, стройна). Шелест повествует о том, как много непосильного труда даже для сильного мужчины свалилось в годы Великой Отечественной войны на женские плечи:

Мужскую работу несла,
И рожь золотую косила,
И полем комбайны вела?
По страшным дорогам войны
Прошла наша девушка-воин.

Дочь славной советской страны [Там же. С. 171].

(«Не ты ль сыновей научила»)

Характерно, что поэтесса не «формирует» художественный образ лирической героини, не додумывает его, а использует образ уже созданный военной действительностью. То есть героиня ее стихов, как и многие советские женщины: Над раненым тихо склонялась, / Давала из фляжки воды.[Там же]; «Прошла сквозь огонь, канонаду...», «у горна стояла», «заправляла станок». Вместе с тем необходимо отметить, что женщина времен войны у поэтессы представлена в различных ипостасях: девушка-воин (Дымились у ног твои травы, / И танк надвигался грозя, / И падали слева и справа / Твои боевые друзья [Там же], Ты шла под дождём и под градом, / Сквозь дым по остывшей золе / Разрушенного Сталинграда, / По курской горячей земле [Там же]); труженица тыла (Мужскую работу несла, И рожь золотую косила, / И полем комбайны вела [48: с. 171]); мать (Российская женщина-Мать! / Не ты ль сыновей научила / В смертельном бою побеждать!?)» [Там же. С. 169])

Безусловно, поэтесса отдает дань уважения женщине, которая выстояла испытание войной, но с еще большим трепетом она пишет о матери военных лет, которая хочет «всех пожалеть и всех спасти и – как страшится, что не убережет даже и собственных детей» [57: с. 361]. Шелест как будто разделяет безмерное горе матерей:

Ты молча ждала почтальона
Не месяц, не год и не два...
Ждала терпеливо, без стоны,
Седела от дум голова [48: с. 172].

(«Не ты ль сыновей научила»)

Или:

Земной поклон наш тем, кто их взрастил,

Тем матерям, что потеряли их,
Любимых, молодых, в цветущей силе,
Чей голос, чуть окрепнув, вдруг затих [Там же. С. 170].

(«Матерям военных лет»)

О простой русской женщине, вынесшей на своих плечах самое сложное – потерю близких, но не потерявшей веру в счастливое будущее, писали: М.В. Исаковский («Русской женщине»), К.М. Симонов («Ты помнишь, Алёша, дороги смоленщины...»), Ю.В. Друнина («Зинка») и другие.

Примечательно, что в поэзии Шелест частотный образ матери используется не только в стихотворениях, которые посвящены исключительно женщинам, но и в текстах о солдатской доле (Ты дом свой оставил и липу в цвету, И самую лучшую мать [Там же. С. 163]), предстоящей Победе (Жемчуг слёз счастливых материнских / Упадёт на смятую траву. / Сталинградских, белгородских, минских / Не во сне увидят – наяву. [Там же. С. 168]) и даже завершённой войне:

За всё, за всё дождут они отмщенье:
За наше материнское терпенье,
За слёзы все, за смятые надежды,
За золото растоптанных полей,
За то, что мать дотронулася нежно
В последний раз до дорогих кудрей. [48: с. 175].

(«Следы войны»)

Таким образом, поэтесса воспроизводит войну сквозь образ женщины и постижение ее судьбы. Зачастую в военных стихах Шелест между образом лирической героини-матери и автором не существует границы. Очевидно, что поэтесса, оставшаяся во время войны с двумя детьми на руках, отражала в поэзии личные переживания: Чем мы от бомб детишек укрывали? [Там же. С. 170]; Откуда ты надежду мы черпали, / Что озаряла светом наши дни? [Там же]

В стихотворении «Рёв сирены...тревога, бомбы» Шелест как женщина и мать, пережившая войну, желает мирной и счастливой жизни своим потомкам: Хочу, чтоб вы совсем её не знали / И нашей не извели печали, Пусть будет труд и... “птичье молоко” ... [Там же]

Необходимо отметить, что в творчестве Шелест прослеживается мемуарность, характерная для поэзии Великой Отечественной войны. Значительная часть лирики поэтессы автобиографична, она как будто насквозь пропитана ее личными воспоминаниями о военном времени («В неволе», «Шорох лет», «Освобождение», «В неволе дорог воздуха глоток», «Ты смотрела, но лучше б тебе не смотреть...»). Достоверность и «непридуманность» произведений поэтессы о войне связана прежде всего с тем, что источником сюжетов текстов стали личные впечатления автора. Все то, что было пережито Шелест, просто и реалистично входило в ее произведения и становилось реальностью поэтического бытия. И в этом смысле особая роль принадлежит текстам, созданным Шелест в годы фашистской оккупации. Необходимо отметить, что поэтесса вместе со своими детьми жила на оккупированной территории. Лидия Шелест, одна из первых среди курских авторов, обратилась к теме подвига наших сограждан, находившихся на оккупированной врагом территории, рассказала о жизни людей в фашистской неволе. Она отразила в своих стихах реалистичные картины тяжких мук, перенесенных земляками, напряжение тех трагических дней, когда «сковывал» все «железно-ледяной порядок», когда «стон кругом людской», «будто бы из дантовского ада несется горестный прибой». Она видела, «как от жара потрескались камни» и «горела земля», как «летели под откосы поезда» и кругом – «обломки развороченного крова»; она писала, как в оккупации от боли и страдания рождалась ненависть к врагу:

Тот, кто не был в неволе, не сможет понять,
Как волчицею лютой хотелось мне стать.
Если ненависть в сердце глубоко залегла,
Все равно она выжжет, выжжет сердце дотла [48: с. 162].

(«Ты смотрела, но лучше б тебе не смотреть»)

Будучи свидетелем трагических событий, Шелест так же, как и миллионы сограждан, ощущала общую беду: Нас огнём пытали и железом, / Сердце наше рвали на куски [Там же. С. 480]; Мы неволю узнали / И, изведавши страх, / Не сдавались, хоть стыли / Неприступной зимой [Там же. С. 178].

Или:

Шли на нас и бомбы, и снаряды,
Наступал, как лютый враг, мороз.
И железно-ледяной порядок
Сковывал чернила и перо [Там же. С. 158].

(«Шорох лет»)

Важно отметить, что стихи Шелест, посвященные оккупации, не ограничиваются только выражением личных ценностей. В ее лирике достаточно громко звучат гражданский пафос и патриотизм. Стихотворения Шелест рассказывают о том, как мирное население каждый день в незаметном бою боролось за победу жизни над смертью:

Воздушная тревога! В темноте
На тротуар летят куски карниза.
На камнях – стёкла и обломки рам,
Железный лист гремит на крыше,
Пожар напротив...Вновь «Тревога!» – слышишь? [Там же. С. 156]

(«Набат! Набат! И тысяча огней»)

Кроме того, Шелест обращается «...к проблемам жизни духа, бытия человека на войне, в пограничной ситуации, на пределе сил и возможностей, в условиях выбора на грани жизни и смерти» [154: с. 10]. Эмоциональная сфера человека времен войны в поэзии Шелест не ограничивается главными доминантами:

гнев и ненависть. Передаваемые чувства у нее шире. Например, поэтесса пишет о том, что ощущал человек, живущий на оккупированной территории: В неволе дорог воздуха глоток, / Всё кажется, что он уже не твой [48: с. 159]; Что сделали с тобой, моя земля? / Казалось, лучше стать совсем слепой [Там же. С. 159]; Но страх ушел. Я детской головы / Своей рукой уже не закрывала [Там же. С. 158]; Какое горе выплакать мне надо, / Чтоб снова звёзды видеть над собой [Там же].

Необходимо отметить, что одним из основных поэтических приемов Шелест является реалистическое начало с установкой на достоверность и точность деталей, а также обращение к собственным военным воспоминаниям. Так, одно из них положено в основу стихотворения «Сорок третий год. Быль военных дней». В рукописи текста есть авторская приписка: «Это не вымысел и не выдумка. Это – быль, в ней ничего не убавлено и не прибавлено». В основе произведения лежит реальная история о том, как во время фашистской оккупации в Курске Шелест спасла детей и вдову командира дивизиона Рыльских. Для этого произведения характерна предельная открытость чувств. Искренне и откровенно поэтесса рассказывает, как она две недели прятала от гестапо в своем доме семью Рыльских, рискуя тем самым собственной жизнью и жизнью своей семьи:

И откуда мы черпали силы,
Помню, что ночами не спала.
Было их четырнадцать, железных
Тех ночей без отдыха и сна...
Шли на ощупь, шли над самой бездной.
Сорок третий год...И шла война [Там же. С. 56].

(«Быль военных дней»)

Позже Лидия Шелест записала в своем дневнике: «Спасибо чуду и моим добрым соседям. Ведь случайно оброненное лишнее слово могло оказаться роковым». Заметим, это стихотворение так и не было опубликовано при жизни

автора, впервые оно дошло до читателя только в сборнике «Прислушайся к сердцу...», выпущенном в 2012 году.

Среди произведений Шелест, написанных в годы немецко-фашистской оккупации, особое место принадлежит стихотворению «Освобождение», созданному в феврале 1943 года. Этот поэтический текст можно рассматривать не только как творческий феномен, но и как достоверное свидетельство событий тех лет: Курск был освобожден 8 февраля 1943 года 60-й армией под командованием генерала И.Д. Черняховского. Предваряя повествование об освобождении, Шелест буквально одной строкой, не требующей уточнений, изображает Курск, оккупированный немцами: «Мёртвый город, метели...». И далее приводит факт, в который, кажется, сама не до конца верит: «Вдруг на курской земле / Соловьи зазвенели... / Няяву иль во сне?».

Органично в тексте звучит цитата из русской народной строевой солдатской песни «Соловей, соловей, пташечка». Зная об особых чувствах поэтессы к этой птице, связанной с курской землей, можно говорить о том, что в данном случае использование строки из песни – это не только символ, означающий появление освободителей в городе, но и свидетельство возрождения прежней жизни, в которой неизменно пели соловьи.

Небольшое стихотворение просто и точно передает атмосферу происходящего, дает почувствовать значимость этого события для курян. Две, казалось бы, простые детали указывают на безграничную радость людей, их благодарность освободителям: «Им навстречу бежали...» и «Где зимою достали / Для родимых цветы?».

Вполне традиционен для поэтики Шелест и жизнеутверждающий финал стихотворения, в нем куряне, к которым «явилась вдруг сила», заняты созидательным трудом: «камни носили», «чинили дома», но самое главное, что они «свободными стали».

В годы Великой Отечественной войны наряду с возросшей популярностью лирики, появилась и тенденция к эпизации стихотворного

искусства, связанная со стремлением осмыслить происходящие трагические события в широком историческом контексте. В формировании поэзии военной поры поэмы имели большое значение, так как это самый емкий, универсальный и чуткий к требованиям времени лироэпический жанр. История советской поэзии не знает другого такого периода, когда бы за четыре неполных года было создано столько значительных поэм: «Сын» П.Г. Антокольского, «Двадцать восемь» М.А. Светлова, «Зоя» М.И. Алигер, «Февральский дневник» О.Ф. Берггольц, «Блокада» З.К. Шишовой, эпические произведения А.А. Ахматовой, А.А. Кулешова, Л.Н. Мартынова, В.А. Луговского, наконец, поэма А.Т. Твардовского «Василий Теркин». Лирические герои в этих поэмах – активные участники всех происходящих событий, отражающие свою эпоху как настоящие художники с чуткими сердцами.

С полным правом в этот ряд можно вписать поэму Лидии Шелест «Полон», опубликованную в апреле 1946 года в «Курской правде». Поэтическое произведение получило высокую оценку современников. «Жизнь наших людей в страшные дни фашистской оккупации, – писал курский поэт Н.Ю. Корнеев, – показана в “Полоне” достоверно, впечатляюще. Гнев, ненависть, горе, печаль, вера – все здесь подлинно, все без фальши, без бутафории» [52: с. 4]. В этом произведении, явившемся одним из первых откликов на события, еще не ставшие историей, Шелест акцентирует внимание на том, что «война жестока не только тем, что происходит на поле боя во время атак на фронте; может быть, более безобразна она, более жестока по отношению к не воюющим с оружием в руках, к мирному населению, оказавшемуся под вражеской оккупацией, где фашизм в отместку за каждого убитого на фронте мог безнаказанно убивать любого, женщину, ребенка, старика...»[151: с. 131].

Повествование «Полона» в свойственной автору манере ведется от первого лица, «... на едином лирическом дыхании с нотками трагического плача знаменитой Ярославны: тот же вздох и та же скорбь русской женщины –

жены и матери, ее гнев и бессилие против разгула зла на родной земле...» [158]. Горечью и печалью наполнены многие строки:

Хлеб горел... В огне трещали зёрна,
Ветер космы дыма поднимал.
Пролетели гуси и над садом
Закричали вдруг: «Прощай! Прощай!»
Сколько горя крик их предвещал [48: с. 472].

(«Полон»)

Характерно, что в поэме, написанной о войне, поэтесса использует образ фруктового сада с вишнями и яблонями, пахучей мятой и жимолостью как символ мирной жизни на земле. Как отмечается в исследовании Л.И. Щелоковой, «многозначная семантика сада восходит к библейским образам, в рамках батальной темы сад ассоциируется с заповедной родиной, которой угрожает опасность» [221: с. 67]. В «Полоне» обращение к саду проходит рефреном, что позволяет подчеркнуть переключающийся поток мыслей лирической героини, которая достаточно часто вспоминает довоенные будни, а затем вновь возвращается к происходящим событиям:

Уж ты сад мой, сад,
Поплачь со мной!
Ветки мне протягивает сад,
Вишенки поломаны стоят [48: с. 472].

Поэтесса органично раскрывает правдивые детали эпизодов Великой Отечественной войны: здесь и жуткая картина пленения людей, и невыносимое положение земляков в дни оккупации, и слезы, и боль:

Шли с Запада густые тучи,
А город вымер, он молчал.
Как можно так людей замучить,
Чтоб даже стон не облегчал? [Там же. С. 474]

В основе сюжета лежат факты, свидетелем которых был автор. Оценивая его роль в поэме, уместно будет обратиться к позиции И.А. Дубашинского, считавшего, что творческая личность «накладывает свой отпечаток» [89: с. 4] на все стороны сюжета. Кроме того, по мнению исследователя, в эпических произведениях «незримо участвует образ автора, пропускающего все происходящее сквозь призму своего сознания и соединяющего все пласты повествования» [89: с. 4]. Таким образом, Шелест выступает «...в качестве очевидца, активного участника и эмоционального, честного транслятора событий» [176: с. 7], происходящих на территории, временно оккупированной фашистами. Герои произведения – родные, соседи, друзья поэтессы. Необходимо отметить, что работа над этим поэтическим произведением начиналась именно с жизненных потрясений, которые поэтическая фантазия и вымысел лишь помогали углубить и осмыслить. В поэме не дается развернутых описаний действий или подробных картин, но буквально каждый, казалось бы, обыденный эпизод произведения имеет свое смысловое значение. Именно на эту особенность поэмы обратил внимание поэт Н.Н. Асеев, он во время личной встречи с Шелест сказал: «У меня, когда читал, в иных местах – мороз по спине...Завидно даже, как сумели рассказать, о чем много уже сказано было» [52: с. 4].

Чтобы проиллюстрировать бесчеловечность фашистской оккупации, Шелест не рассказывает о каком-то громком сражении или эпохальном событии, она размещает в поэме частную историю курянки Нины. Ей и ее больной годовалой дочке немцы угрожают расправой за то, что в их саду найдены боеприпасы. Именно за это были повешены мать и отчим Нины: «И каждый немец – твой палач. / Вот мать ведут, мужайся, Нина! / Молчи, мужайся и не плачь!» [48: с. 475].

Необходимо отметить, что информация о таких действиях фашистов имеет и документальное подтверждение. В рассекреченных архивах Курской области есть сведения о том, что «стремясь добиться покорности местного

населения, оккупанты широко использовали различные формы репрессий и террора. Особенно суровая кара ожидала тех, кто знал, но скрывал нахождение партизан, спрятанного ими оружия» [173].

В поэме сознание лирического героя – рассказчика рисует свои печальные догадки о несчастной доле соседки Нины («серые глаза её запали», «маленькая, жалкая какая», «и рука холодная как лёд») на основании реальных фактов, увиденных ранее: Скоро, скоро страшный час пробыёт. / На сырой неласковой траве / Хорошо ли детской голове? [48: с. 473]; Рыбку ненаглядную свою / Шерстяным платком укроешь ты. / Брызнет кровь росой на цветы, / И остынет детская рука [Там же. С. 474].

Не менее важен в поэме и эпизод, в котором повествуется о том, как в дом лирической героини приходит партизан, брат Нины, сообщающий: «– Нас восемнадцать, но трусливых нет. / Взорвали мост...Недавно склад спалили. Мне нужно срочно передать пакет» [Там же. С. 478]. Эти лаконичные фразы решают важную задачу по смене тональности текста. В итоге печальное звучание трансформируется на оптимистичное и жизнеутверждающее:

Он из еловой чащи голубой
Принёс и перед нами положил
Надежду. Ну а что её нужней
И что милее быть её могло

В те дни, которых не было черней? [Там же. С. 479].

(Поэма «Полон»)

Характерно, что даже последующая гибель партизана (Его нашли за городом во рву. / Хотел он вырвать мёрзлую траву) [Там же], не меняет эмоциональный посыл текста на элегический, а, наоборот, подчеркивает самоотверженность русского человека:

О, сердце русское! Сияя чистотой,
Ты знаешь ли себя хотя немного?

Ты терпишь молча, умираешь строго,
Чтобы гореть в бессмертии звездой [Там же. С. 480].

(Поэма «Полон»)

Примечательно, что в сюжет поэмы Шелест успешно вводит краткую историческую панораму ратных подвигов своих соотечественников. И в этом смысле авторский посыл абсолютно логичен, так как «обращения к образам предков, их ратным деяниям сплачивают народ, т.к. он осознает свою духовную родословную и общий с ними путь» [221: с. 69]. Так, строки, звучащие как ода смелости и храбрости своего народа, придают поэме гражданский пафос:

Непокоримы наши россияне!
Они идут без страха, напрямик!
А Невский, помните, как он их разгромил!
А как дрались при Грозном Иоанне? [48: с. 478]

В результате подобного подхода военное время ощущается в произведении как продолжение освободительной борьбы славян с иноземцами. Кроме того, обращение к героическому прошлому помогает Шелест раскрыть черты национального характера русских – стойкость перед трудностями, нравственная моральная сила, а также придать поэтической объемность такому понятию, как «русская душа»:

Шла душа сухим, дремучим лесом,
Молча умирала от тоски.
И её казнили, распинали,
Сколько горя дали ей испытать,
Не убили – и осталась жить –
Русская душа, чтоб расцветали
На земле истоптанной, родной
Лилии жемчужные весной,

Чтобы птицы снова прилетали,
Чтоб весной снова не примят,
Расцветал мой соловьиный сад! [Там же. С. 480]

(Поэма «Полон»)

Поэма «Полон» – редкое сочетание трагизма и веры в победу. В ней война представлена не только в своей общей сути, но и в конкретных подробностях, трагических судьбах и изломанных жизнях.

Военная тематика долгое время оставалась ключевой в поэзии Шелест. Такое постоянство, скорее всего, связано со значительностью темы, поэтому она переходила из стихотворения в стихотворение, из поэзии в прозу. Автор видела свое предназначение в сохранении памяти, в продолжении общего дела, за которое отданы жизни солдат, как будто чувствовала некое обязательство перед павшими защитниками Родины. Это роднит ее поэзию с военной лирикой А.А. Ахматовой, О.Ф. Берггольц, В.М. Инбер, М.И. Алигер, В.М. Тушновой, Ю.В. Друниной. Нельзя не согласиться с исследователем О.В. Гаврилиной, что, «обращаясь к личному или общему прошлому, поэтессы затрагивают различные аспекты отношения к войне, заново ставят вопросы о ценностях человека, а также заявляют о необходимости помнить о произошедшей трагедии...» [76: с. 180]. Это суждение с полным правом можно отнести к стихам Шелест, в поэтической интонации которых соединяется личный опыт человека, оказавшегося на оккупированной территории и узнавшего ужас войны «изнутри», с опытом многих людей военного поколения («я» сливается с «мы»). Военную поэзию Шелест объединяло осознание личной ответственности за сохранение памяти о тех, кто отдал свои жизни за освобождение Родины. Внимание к моральной категории памяти можно обнаружить в творчестве многих поэтов, размышлявших о войне, например, А.Т. Твардовского, Б.А. Слуцкого,

Д. С. Самойлова, написавшего: «Память тайная тихо казнит, / Совесть тихая тайно карает» [179: с. 553]. У Б.А. Слуцкого и вовсе вышло два поэтических сборника с названием «Память».

Как справедливо отмечала Н.К. Курбанова, «память придает связность и устойчивость жизненному опыту человека, обеспечивает непрерывность существования человеческого “я” и выступает таким образом в качестве одной из предпосылок формирования индивидуальности и личности» [122: с. 185].

Мотив памяти в послевоенные годы оставался неизменным в творчестве Шелест. Как пишет И.Ю. Порублева, «этот мотив берет свое начало от древних русских воинских повестей» [159: с. 39], в литературе XX века данный мотив традиционно связывают с Великой Отечественной войной. После ее окончания Шелест вновь и вновь обращается к событиям тех лет: «Нет, не забыть нам страшных лет, хотя / Размоет время ужас дней минувших» [48: с. 177] или «Но войны не забыли / И не смеем забыть!» [Там же. С. 166]. Она постоянно подчеркивает, что, несмотря на Великую Победу над фашизмом, горести войны еще долго будут напоминать о себе всем людям. Примером тому служат поэтические произведения: «Следы войны», «И войны не забыли», «Живая память», «Всё снова тихо...». В них реализовалось зрелое философское видение автора:

Я не могу из памяти стереть
Кровавых пятен – ржавчины страданий,
И я опять в плену воспоминаний.
Одна, другая, третья смерть...
Хочу забыть, хотя нельзя забыть
Орудий грохот, вероломство мины... [48: с. 177]
(«Всё снова тихо...»)

Но не только в текстах, посвященных реалиям «огненных лет», Лидия Шелест поднимает тему памяти. Воспоминания о прошедшей войне поэтесса отражает и в стихотворениях, написанных о мирной послевоенной жизни:

С почётом и с низким поклоном
Проводим мы год сорок пятый.
Он вывел наш край из полона,
Победой и славой богатый! [Там же. С. 172]

(«Застольная новогодняя»)

Или:

Здравствуй, ёлка весёлая наша,
Ёлка первая после войны!
И конфеты, и пряники даже, –
Всё нам кажется нынче иным [Там же. С. 173].

(«Здравствуй, ёлка весёлая наша»)

Примечательно, что, даже описывая убранство новогодней ели, Шелест прибегает к деталям, напоминающим о войне: Над ветвями блестящие крылья / Развернул самолёт голубой [Там же], Стайка рыбок плывёт золотых, / Настоящие танки и пушки. / И танкисты стоят возле них [Там же]. Важно подчеркнуть, что спустя время после окончания войны поэтесса, как и прежде, подчеркивает силу и смелость советской армии:

Пусть война отошла, отгремела –
Наготове танкисты стоят,
Если надо, и быстро, и смело
В бой пойдут и опять победят [Там же].

(«Здравствуй, ёлка весёлая наша»)

Таким образом, актуальная во все времена мысль о том, что необходимо помнить свое прошлое и уроки войны, активно развивается в творчестве Лидии Шелест, приобретая индивидуальное авторское звучание.

Поэзия Шелест о Великой Отечественной войне мужественна и трагична, но прежде всего она достоверна. Автор не «показывает» и не «изображает» переживания своих героев, он живет среди них, чувствует то же, что и они. В творчестве Шелест нашли отражение не только судьбы отдельных людей, но сама война во всех ее проявлениях: фронт, пленение людей, оккупация. Анализ произведений Лидии Шелест подтверждает, что автор воспринимает Великую Отечественную войну как трагическое и героическое время в судьбе своего народа. Лирика поэтессы военной тематики – явление яркое и многообразное, широкое по спектру выраженных в ней человеческих чувств: боль и страдание, страх и смелость, негибаемость воли и стремление к победе. Но, несмотря на усиление личностного начала в лирике Шелест, ее поэзия демонстрирует тенденции, характерные для творчества авторов военных лет: повествование, зачастую прикрепленное к факту; осмысление проблемы бытия человека на войне, изображение героического в обыденном, а также сохранение памяти о Великой Отечественной войне и о тех, кто отдал жизни, защищая свою Родину.

2.4. Тема творчества и творца в поэзии Лидии Шелест

Проблемы творчества и поэта во все времена составляли тематическую основу отечественной литературы. «Период с конца XVIII по середину XIX в. можно назвать временем активного становления русской литературы, и в связи с этим одна из тем, волновавших поэтов, – осмысление назначения поэзия, сути поэтического творчества и личности поэта» [75: с. 199], – отмечает исследователь О.В. Гаврилина. Подтверждение тому – поэтические произведения М.В. Ломоносова («Разговор с Анакреоном», «Я знак бессмертия себе воздвигнул», «На сочетание стихов российских»); Г.Р. Державина («Памятник», «Властителям и судиям», «Фелиция»); А.С. Пушкина («Пророк», «Поэт», «Поэт и толпа», «Я памятник себе воздвиг

нерукотворный...»); М.Ю. Лермонтова («Смерть поэта», «Нет, я не Байрон...», «Пророк»).

Проблема творца и творчества, соотношения искусства и жизни стала одной из ключевых и в культуре XX века. Об актуальности темы свидетельствуют исследования в области искусства, литературы, философии. Размышлениями о природе творчества занимались отечественные ученые: В.С. Соловьев, Б.П. Вышеславцев, М.М. Бахтин, Л.И. Шестов, С.Л. Франк и другие. Так, отечественный богослов и философ С.Н. Булгаков рассматривает творческий процесс человека, созданного по образу и подобию Божьему, как важную категорию воплощения. По его мнению, творчество выступает как «воплощение идеального в реальном, духа в материи, неба в земле, в человеческой жизни и искусстве...» [166: с. 20]

В западной неклассической философии выдвигаются теории, в которых наблюдается понимание творчества вне божественного начала. Приверженцы этого направления связывают творчество «с жизненным порывом, бытием самого человека и его сознанием» [88: с. 48]. И в этом смысле интересной представляется идея А. Бергсона, который, во-первых, отождествляет творческий процесс с бесконечностью, а во-вторых, утверждает спонтанность и непредзаданность, которые обеспечивают полную свободу творения и отсутствие в нем рамок и клише.

Особое место феномен жизнетворчества занимал в отечественной поэзии первых десятилетий XX века, унаследовавшей философские идеи В.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других. Постановку актуальных вопросов времени можно обнаружить не только в программных манифестах, но и в художественных пространствах поэтов. Тернистый путь эстетического поиска изображают: Н.С. Гумилев («Я угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле» [20: с. 339]), А.А. Ахматова («Когда б вы знали из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда» [11: с. 277]), К.Д. Бальмонт («Рождается внезапная строка, / За ней встаёт немедленно другая» [13: с. 201]) и другие.

По справедливому замечанию исследователя Л.Л. Бельской, «все они верили в высокое назначение поэзии, особую духовность, бессмертие поэтического слова. Как рождается вдохновение, каким должен быть поэт, как он ощущает себя среди людей, в чем ценность его поэзии – эти размышления рождали почти дословные переключки между поэтами...» [65: с. 10]

Не остались в стороне от осмысления темы творчества региональные авторы, в том числе и поэты Курского края. Например, рассуждения о значимости художественного слова можно найти у В.С. Алехина («Пусть, как набат, стучит в сердцах мой стих»); размышления о судьбе поэта носили исповедальный характер в лирике Н.Ю. Корнеева («Хочу, чтоб нынешний мой стих дошел<...> / Хотя б до правнуков моих...»); П.И. Карпов был убежден «в сакральной миссии поэта, в том, что “поэт-песнопевец должен быть подвижником, страстотерпцем, <...> особым – вещим, пророческим светом горят песни только тогда, когда они проходят через горнило жизненных мук”» [143: с. 183].

Размышления о творческом ремесле нашли отражение в лирике Лидии Шелест. Большое внимание в ней отводится творческой судьбе поэтессы, которая складывалась очень непросто: были активная деятельность и признание, было время, когда стихи приходилось писать в ящик стола. В 50-е годы имя Лидии Шелест оказалось практически вычеркнутым из литературной жизни Курска. Курский поэт Е.И. Полянский отмечал: «Она была храброй и стойкой русской женщиной, духовно защищенной от злословия и неприязни. Хотя ох как тяжело было ей жить в родном городе – в полном литературном одиночестве» [158]. Шелест было трудно смириться с тем, что ее перестали печатать и что называется, «вычеркнули из списка живых»:

Такой судьбы, такой печали –
Не пожелаешь и врагу.
Стихи к душе моей причалят

Остановить их не могу! [48: с. 266]

(«Такой судьбы, такой печали»)

Но поэтесса продолжала писать стихи: Я буду петь, с бедою споря... [Там же. С. 285]; Долой, долой сомнений бремя – / Звени, замолкнувший мой стих! [Там же] Творческая деятельность делала Шелест счастливой, о чем она сама неоднократно упоминала: «Стихи – души моей причал». Думается, именно творчество было спасением для Лидии Шелест. Поэзия согревала и поддерживала её, заменяла материальные блага:

Нету денег? Ну и ладно!

Зачини карандаши,

А слова берут бесплатно

Из распахнутой души! [Там же. С. 261]

(«Нету денег? Ну и что же?»)

На протяжении всего своего творческого пути, длившегося почти шесть десятилетий, Шелест пыталась дать ответы на вопросы: что такое истинная поэзия, как постичь вдохновение и каким должен быть подлинный художник слова. В своей лирике поэтесса рассуждает «...о смысле и процессе творчества, о рождении и нарастании творческого сознания, о писательском даре и труде, о становлении поэта» [191: с. 116].

Так, в стихотворении Лидии Шелест «Дамоклов меч» (Приложение) отражается сущность поэтического творения. Название, вызывающее аллюзию на одноимённый древнегреческий миф, весьма символично ещё и потому, что большинство людей, подобно Дамоклу, севшему на трон Тирана, считает, что доля поэта легка. Но этот благородный труд, по мнению Шелест, требует больших душевных сил. Совершая открытия, поэт делится ими с другими людьми, делает все возможное, напрягает все душевные силы, чтобы быть понятым. Однако радостное настроение и некоторая успокоенность,

удовлетворённость творца своей работой быстро сменяется очередными поэтическими терзаниями:

Труд награждён вниманьем, ну а ты
Свой карандаш глазами ищешь,
И вновь стихи черкать до темноты [48: с. 258].

В большинстве поэтических произведений («Источник чистых вдохновенных сил...», «Рождение стиха», «Творчество» и другие) Шелест не только привносит автобиографические элементы сюжетно-событийного свойства, но и передает эволюцию собственных духовных поисков. В данном случае неудовлетворённость творческой работой автор сравнивает с дамокловым мечом, который вновь и вновь не даёт автору покоя:

И говорить: «Я не поэт, я нищий.
Я выклянчил напрасно похвалу».
И над тобою снова меч Дамокла [Там же].

(«Дамоклов меч»)

В этом стихотворении нет ни одного восклицательного или вопросительного предложения, за счет чего оно приобретает несколько монотонное, даже усталое звучание. Тем самым Шелест хочет указать на трудности поэтические будней. Созданную в тексте атмосферу дополняют анафоры и лексические повторы: И вот опять садишься ты к столу, / Опять рассвет заглядывает в окна [Там же]. В тексте подчеркивается, что состояние переживаний и постоянных поисков настолько привычно для поэта. И главный символ своеобразного наказания – дамоклов меч пугает художника слова и заставляет интенсивно работать: Меч, голубея, острием грозит / За каждое ненайденное слово [Там же]. Подчёркивая бесконечность процесса совершенствования поэтического текста, автор завершает стихотворение следующими строками: Оно твое, оно уже вблизи... / Меч беспощаден, ты черкаешь снова [Там же].

Это далеко не единственный текст Шелест, в котором передано, как приливы вдохновения порой сменяются апатией и неуверенностью в своих

творческих силах: Вновь ночь без сна, да не одна, а много, / Вновь пишешь ты, но все не набело [Там же. С. 253] или: Проходит месяц, вновь прочтешь их – скверно. / Нет, нет, я так оставить не могу [Там же], – отмечает поэтесса. Не раз она обращает внимание на изъяны своих произведений, например, такие как тяжеловесность рифм («Да разве это рифмы?»), сравнивая их с «каменными рифмами», которые придают стихотворению громоздкость.

Шелест описывает своеобразный круг, который проходит поэт. Она убеждает читателя, что всякий художник слова испытывает подъемы и падения, когда, завершая свое произведение, возвращается к его доработке вновь и вновь. И так происходит с каждым новым стихотворением, пока оно не будет доведено до совершенства. Шелест подчеркивает, что ее стихи рождаются не сразу, а постепенно: Ты ищешь их, как жемчуг в океане; Ты работаешь... Не стихают / Злые поиски добрых слов. / И колдуешь ты над стихами, / Поджидая тугой улов [48: с. 253].

Сам процесс создания лирических произведений в ее стихах представлен живо и содержательно. Таинственную, буквально сакральную атмосферу Шелест со свойственной ей легкостью описывает в стихотворении «Рождение стиха» (Приложение):

Слышу, как надо мной кружат
Невесомые ассонансы.
Безударные...Шум паденья...
И ударные...то – анапест –
Звуки ...тают в курчавой пене [Там же. С. 248].

(«Рождение стиха»)

Эта строфа передает, насколько труден процесс создания поэтического произведения. Употребляемые многоточия подчеркивают мимолетность и переменчивость поэтической мысли.

По мнению Лидии Шелест, художник слова обязан видеть мир, «омытый ливнем, когда капли ещё на вязах». Как отмечает она, «большой

простоте научиться» можно только у самой природы, слушая «ритмы ветра и шумы леса»:

Я иду на заре к пернатым.

Научите меня, синицы,

Переливам таким богатым! [48: с. 249]

(«Рождение стиха»)

Надо сказать, что в своих произведениях Шелест не только описывает сам процесс создания стихов, но и достаточно часто использует слово «стихи» в текстах о творце и творчестве. В некоторых случаях высокочастотное существительное фиксируется в его прямом значении («Бывает так, ты написал стихи»; «Мне жаль ещё не конченных стихов» и другие). В других – вкрапление этого слова помогает индивидуализировать художественный текст, созданный Шелест. Так, слово «стихи» поэтесса успешно применяет в различных средствах выразительности: олицетворения («стихи родились», «Затрепещут на траве стихи», «И стихи твои дышат», «Потом стихи прокрались тихо в душу, / Вошли и поселились в ней навек.» [Там же. С. 255]), которые успешно переходят и в обращения: («Долой, долой сомнений бремя – / Звени, замолкнувший мой стих!» [Там же. С. 258]; «Стихи, молчите о годах»), метафоры («Стихи и радость, и печаль, / Они и горе, и отрада. / Стихи – души моей причал» [Там же. С. 260], «Стихи стучатся – это сердца песни»), сравнения («Стихи, как девушки-невесты», «Ты стихов подожди!.. / Пусть прольются как зёрна» [Там же. С. 256]) и другие.

Если говорить о приходе вдохновения, то у Шелест он чаще всего соотносится с ночным временем и сном. Отметим, что о творчестве, как о подсознательном состоянии полусна, отзывались и другие поэты: В.Я. Брюсов («Полусонно чертят звуки / В звонко звучной тишине» [16: с. 38]), А.А. Ахматова («Ночью Муза слетит утешать» [11: с. 2]), З.Н. Гиппиус («Я – раб моих таинственных, / Необычайных снов» [19: с. 46]). У Шелест: «Источник чистых вдохновенных сил / Живёт и бьётся в полночи бессонной»

[48: с. 251] или: «Все спят давно, а ты в бессонной дреме / Нашёл вдруг, словно то, что обронил» [Там же. С. 252].

Интересно, что как первоисточник вдохновения Шелест, подобно романтикам, воспринимает природу и ее стихии. Тема творчества раскрывается поэтессой посредством обращения к водным образам:

Скажи мне, как рождаются стихи?
Где тот источник, что водой лазурной
Незримо вдохновенье омывает? [Там же. С. 249];
(«Где тот источник»)

Или:

Уйдёт прибой, на камнях откипев,
Уйдёт беспечный, лёгкий, говорливый...
В ответ ему рождается напев.
Его ловлю, и нет меня счастливей... [48: с. 250].
(«Прилив»)

В то же самое время в ее стихотворениях обнаруживается и влияние классицизма, где изображение воды, носящее риторический характер, зачастую соотносится с вдохновением поэта. Кроме того, как отмечает У.М. Дмитриева, «тесная связь водной стихии с процессами творчества отражается в философии, фольклорной традиции и символизме» [87: с. 3]. В традициях русской литературы в поэзии Шелест актуализируется созидательная способность водных стихий, помогающая автору найти творческое выражение. К примеру, в стихотворении поэтессы «Сядем, сердце, у опушки слов...» поиски вдохновения поэтессы метафорически представляет сразу в нескольких гидротопах (река, вода):

Всем ветрам и горестям назло,
Прямо у обочины строки,
У глубокой реченьки – реки.
Удочку заброшу в облака,

Что заплыли в воду сквозь века,
Но блеснет не окунь для ухи,
Затрепещут на траве стихи... [48: с. 254]

(«Сядем, сердце, у опушки слов...»)

В сюжете стихотворения поиски вдохновения отражаются как символическая рыбалка. Речная вода переносит поэтессу в воздушное пространство, где она и находит «на траве стихи». Таким образом, водная стихия репрезентируется в творчестве Шелест как поэтический источник. Система водного комплекса поэтессы, связанная с поэзией и творчеством, представлена не только водоемами, но и дождем:

Но дождь опять шумит и, не стихая,
По старой крыше отбивает ритм...
Пускай идёт июльский и стихами

Пусть по душам со мною говорит

(«Смотрите: дождь! Негаданно, неожиданно...»)

И хотя Шелест описывает подчеркнуто чудесное и даже несколько неестественное происхождение вдохновения и поэтического дара, она все же ориентирует читателя на то, что поэт – человек, которому присущи бытовые заботы: Пусть уйдут от меня дела, / Дайте мне уголок стола [48: с. 261].

В изображении реалий поэтической жизни Шелест настолько убедительна, что считает необходимым напомнить о бренности бытия любого человека и поэта в том числе:

Умереть не беда.

Что ж! Для всех свой удел...

Только где ж карандаш,

И тетрадь моя где?

И желанья души –

Вдруг...Кругом тишина,

Ничего не пиши! [48: с. 265]

При этом нельзя не заметить, что необходимостью – вечно писать стихи Шелест озадачена больше, чем предстоящей кончиной. Как поэта, находящегося в постоянном творческом поиске, Шелест характеризуют и следующие строки: Покоя нет ни днём тебе, ни ночью, / Покоя нет ни летом, ни зимой! [Там же. С. 252] Автор использует лексический повтор слова «покой», в итоге завершает своё размышление риторическим вопросом: «А в самом деле, нужен ли покой?» Ответом на него, скорее всего, станет блоковское: «И вечный бой, покой нам только снится» [14: с. 321]. По мнению Шелест, для поэта покой – это противоестественное состояние. Эта авторская позиция проходит и через упомянутое выше стихотворение «Творчество» (Приложение). Примечателен тот факт, что стихотворение с аналогичным названием есть и в поэтическом наследии А.А. Ахматовой. Именно в этом тексте Анна Андреевна детально описывает собственные поиски музыки, которые приобретают более мистический оттенок, нежели у Шелест, сравнивающей поиски рифм с путешествием по морскому дну. Однако если у Ахматовой процесс создания стихотворения обычно завершённый: «И просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь» [48: с. 252], то у Шелест, сразу же после того как лирическое произведение закончено, возникает вопрос: «Стихи родились... Ты богат, наверно?». Но на этом работа над текстом не заканчивается, лирическая героиня вновь прибегает к правкам и творческому поиску, в ходе которого поэтесса описывает традиционный для неё круг достижения идеальной формы стихотворения.

Важное место в тематических стихотворениях Шелест занимают размышления о роли художника слова в обществе. Коль поэт, то многое ты смеешь. / Крикни так, чтоб дрогнула гора! [Там же. С. 258], – именно так автор обозначает своё видение поэтической миссии. Она считает, что голос поэта должен доходить до каждого, в этом – близка к знаменитому пушкинскому «глаголом жечь сердца людей». Шелест подчеркивает, что

истинными художниками слова руководит идея нравственного служения обществу:

Нам, поэтам, нужно много:

Солнце дружбы, шорох звёзд,

Надо сердце песней трогать –

Для того мы и живём! [Там же. С. 263]

(«За жар – птициным пером»)

Лидия Шелест вслед за А.А. Ахматовой («Подслушать у музыки что-то / И выдать шутя за своё», «А после подслушать у леса, / У сосен, молчальниц на вид» [11: с. 329]) и В.Я. Брюсовым («Все звуки жизни и природы / Я облекать в размер привык» [18: с. 388]) была убеждена в том, что поэт призван вглядываться и вслушиваться в окружающий мир:

Ты – художник, и ты обязан

Мир увидеть, омытый ливнем,

Когда капли ещё на вязах,

Когда влажно синеют сливы [48: с. 248].

(«Рождение стиха»)

Кроме того, он не может быть чужд и равнодушен ко всему происходящему в общественной жизни, так как является гражданином страны, частью своей эпохи. Шелест предъявляет высокие требования к поэтам, остерегая их от создания незрелых, бездушных и безжизненных стихов. Именно об этом ее стихотворение «Спокойствие перечеркни», звучащее как наказ собратьям по перу: «Пусть много лет прошло с тех пор, / Писать спокойно ты не смей» [48: с. 259] и «Спокойствие перечеркни, / Словам дай сердца трепетанье» [Там же]. Этот несколько назидательный тон текстов Шелест созвучен поэзии Н.С. Гумилева, который завещал: «Твой стих не должен ни порхать, ни биться», «Пусть будет стих твой гибок, но упруг» [20: с. 404].

Обозначает Лидия Шелест и проблемы взаимоотношений поэтов. Именно об этом ее стихотворение «Мои соболя». Настрой и тон текста определяет пометка – «Моим «товарищам» поэтам». В произведении автор в несколько язвительной форме обращается к поэтам:

Друзья мои! Куда уж мне за вами,
В тайгу за дорогими соболями:
Мне всё петлять по заячьим следам,
За лесом и тайги не увидав [48: с. 263].

(«Мои соболя», см.: Приложение)

Творчество своих коллег Шелест иронично сравнивает с «дорогими соболями», при этом характеризует свою литературную дорогу как «бессмысленное петляние по заячьим следам». Автор стихотворения неоднократно указывает на то, что поэты должны объединяться в братство, уважительно относиться друг к другу: Поэты, если мы уже не братья, / Тогда избрала я недобрый путь. [48: с. 262] и Нужно нам, поэты, братство, / Песни каждого из нас [Там же. С. 263].

Шелест считает, что между поэтами должна существовать профессиональная поддержка. Она убеждена, что поэт должен быть достойным человеком, которому чуждо чувство собственного величия:

Учиться нам у птиц обыкновенных,
У невесомых, «малых сих» –
Всегда поют и так самозабвенно,
Что не поймёшь, кто главный среди них [48: с. 263].

(«Мои соболя»)

Как продолжение представленного выше стихотворения звучит поэтическое произведение Шелест «За жар – птичьим пером»:

Но до братства не добратся,
Далека та высота!
Доберёшься, может статья,
Оглянёшься – пустота...

В текстах Шелест есть и развернутые рассуждения о роли поэта в обществе и его предназначении, образ художника слова изображен все-таки размыто. В некоторых стихотворениях содержится авторская метафора, которая представляет лирика как певца (И со мною навеки остался, / Чтоб ничто не мешало мне петь! [48: с. 264], А что ещё ей оставалось? / Что стала даже... песни петь! [Там же. С. 260]). И в этом смысле поэтесса близка своим современникам. Например, К.Д. Бальмонт в стихотворении «Выше, выше», описывая творческий процесс, изображает лирика как музыканта: «Я коснулся душ чужих, / Точно струн, но струн моих» [13: с. 182], «Попадите в сеть мою, / Я пою, пою, пою» [Там же]. Но чаще всего образ поэта у Шелест представлен как «формы бытия автора» [61: с. 115]. В итоге творец в большинстве случаев – это типичный представитель своей эпохи, который в соответствии с теорией М.М. Бахтина «объективируется» [Там же] и индивидуализируется в тексте. Представления Шелест об образе поэта вбирают ее жизненный опыт. Так, по ее мнению, художнику слова должны быть присущи: богатое воображение (Я трогаю ветер руками / И губами касаюсь лета [48: с. 249]); наблюдательность и чуткость к деталям, помогающие создавать поэтические образы (Слышу я, как дышат мартены, / Как, волнуясь, грохочут экспрессы, / В них улавливаю неизменно / Ритмы ветра и шумы леса [48: с.249]); умение чувствовать (Если и страдать ты не умеешь, / Значит, и любить ты не горазд [Там же. С. 258]); стойкость перед трудностями (Я буду петь, с бедою споря [Там же]); глубокий самоанализ (Так что ж ты сделал? Что оставишь? / Какие мысли и дела? / Не пустоцветом ли сгораешь, / Куда тропа тебя вела? [Там же]) и даже самоирония (Друзья мои! Куда уж мне за вами [Там же. С. 263]).

Интересно, что среди поэтических произведений Шелест о творчестве можно найти ее оценку собственной поэзии. Такие авторские рассуждения характерны для поздней лирики Шелест:

Мои стихи без выкрутасов,
Без фокусов и «экивок» ...
В них нет ни позы, ни экстаза –

Легло в них сердце между строк [48: с. 261].

(«Мои стихи без выкрутасов»)

Обращает на себя внимание и то, что Шелест воспринимает свои стихи не как набор рифмующихся строк, а как передачу искренних чувств и переживаний, раскрывающих душевное состояние поэтессы:

Приходите те песни послушать,
Не напрасно вас, люди, зову,
Я не песни дарю вам, а душу!
Одинокую душу свою!!!

(«Я не песни дарю вам, а душу»)

В такой эмоциональной манере Шелест реализует еще один важный аспект темы творчества – взаимоотношения поэта с читателем. В своем общении с публикой поэтесса делает акцент на искренность, подчеркивая, что вкладывает в творчество «душу свою», «сердце между строк», надеется на понимание:

И строги вы к нему не будьте –
Оно – весёлый, тёплый день.
Какое есть – не обессудьте!

Живёт и бьётся для людей.

(«Мои стихи без выкрутасов»)

В понимании Шелест поэт всегда связан с людьми, именно поэтому для нее важно быть услышанной, о своих стихах она писала: Хотя они живут и дышат,
/ И к людям просятся: “Пусти!” [48: с. 266]. Стоит отметить, что стихотворения Шелест, созданные в последнее десятилетие жизни, полны тревоги и печали о том, что начатые поэтические произведения не будут завершены и никогда не попадут к читателям: Мне жаль ещё не конченных

стихов, / В них без меня никто не разберётся [Там же. С. 265]. При этом автора беспокоит не приближение смерти как таковой: Ну а страшное в том, что Стихов не писать [Там же]. Шелест хотела продолжать творческую деятельность до последней минуты своей жизни. Она мечтала, что стихотворения и после ее смерти, будут «трогать» душу людей: «Стихи когда-нибудь найдут / И скажут: “Мёртвая, а дышит”» [48: с. 266] или:

Мне было б легче, если б знала,
Что на могиле как трава
Пробьются робко и устало
Дождём забытые слова [Там же].

(«Такой судьбы, такой печали»)

В лирике Шелест размышления о творце и творчестве являются индивидуально-конкретным воплощением авторского сознания, практически утрачивают абстрактный характер, так как в них преобладает личностный аспект. И, несмотря на то, что тема поэта и поэзии неоднократно становилась объектом творчества современников поэтессы, она привнесла в нее собственное видение. При этом стихотворения Шелест, посвященные поэтологической проблематике, созвучны творчеству А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, К.Д. Бальмонта, З.Н. Гиппиус, М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернака, А.Т. Твардовского и многих других современников.

Художественное пространство Шелест наполнено традиционными для данной тематики устойчивыми мотивами: сложные поиски источников вдохновения, бесконечность совершенствования поэтического текста, размышления о роли художника слова в обществе, а также судьбе своего творческого наследия.

Исследуя поэтическое творчество Лидии Шелест по тематическим направлениям, мы убедились, что в стихах она отразила свою судьбу, а также сумела передать тончайшие оттенки настроений, малейшие движения души. Ключевым элементом художественного мира Лидии Шелест является автобиографизм. Эта особенность ее поэзии чаще всего выражается в образе

лирической героини и является органичной чертой художественного метода Шелест. Таким образом, поэтесса демонстрирует индивидуальную поэтическую манеру. Она ориентирована на собственную «бытийную» неповторимость.

Необходимо подчеркнуть, что одним из важнейших героев литературы Шелест стало конкретное историческое время. Поэтесса с совершенно особенной, свойственной ей, эмоциональной составляющей отразила современность, а также передала чувство единения своей личной судьбы с судьбой народа. Именно поэтому творческое наследие Лидии Шелест можно рассматривать как уникальный художественный документ эпохи.

Анализ текстов Шелест показывает, что при наличии собственного почерка в произведениях поэтессы нашли достойное воплощение реалистические традиции русской классической школы XIX века и художественные открытия отечественной литературы начала XX столетия. Важно, что, ориентируясь на опыт предшественников и современников, Шелест привносит в свое творчество совершенно индивидуальное, а также национально-историческое начало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизненный и творческий путь Лидии Шелест, совпавший с очевидными катастрофическими поворотами истории XX века, представляет несомненный интерес для исследователей истории литературы Курского региона.

В исследовании проанализирована биографическая основа творчества Лидии Шелест. Изучение материалов из фондов Курской областной научной библиотеки им. Н.Н. Асеева, частных архивов С.Ю. Юркевич, Л.Н. Резцова помогло установить круг художественных и личных интересов Лидии Шелест. Кроме того, проведенное исследование позволило уточнить ряд биографических фактов, понять эмоциональную атмосферу взаимоотношений в семье и близком окружении, что способствовало в свою очередь представлению о формировании духовно-нравственных воззрений Шелест. Изученные материалы послужили основой для создания первой научной творческой биографии Лидии Шелест.

Становление личности юной поэтессы происходило в годы обучения в Обоянской гимназии (1910–1918), где она и написала свои первые стихи. Отдельно стоит отметить, что юность Шелест пришлась на эпохальную череду событий XX века. Безусловно, они оказали серьезное влияние на развитие творческого потенциала поэтессы.

Нами определено, что время с 1908 по 1927 год в жизни Шелест можно считать важным периодом, когда она делала первые серьезные литературные шаги, а десятилетие 1928–1938 гг. – периодом творческого самоопределения, включающего в себя оформление личностного взгляда на мир. За это время Шелест получит бесценный опыт, публикуясь в уральских изданиях, северных СМИ.

Этап зрелого поэтического и журналистского творчества приходится на курский период жизни Лидии Шелест (1938–1986). В это время она писала много театральных и литературных рецензий, ее стихи известны литературной общественности региона.

Отдельно стоит отметить, что переломным моментом биографии автора стала Великая Отечественная война. Кроме того, она определила важное направление как поэтического, так и журналистского творчества Шелест, соединившего в себе личное горе автора с общенациональной трагедией.

Исходя из проанализированных биографических данных, можно говорить о том, что в послевоенные годы Шелест не принимала участия в литературной и общественной жизни Курска, не прилагала усилий для публикации своих произведений. Последние годы жизни Лидии Шелест сопровождались спадом творческой активности, реже писала стихи, в основном это были размышления о пережитом, дружеские послания.

Художественные произведения Лидии Шелест формируются под воздействием отечественной литературы рубежа XIX–XX вв., при этом поэтесса работает на творческом поприще вне литературных школ и кружков, существовавших в это время. Необходимо подчеркнуть, что в лирике Шелест весьма сильна автобиографическая нота. Чаще всего именно подробности из ее жизни становятся поводами для стихотворений, характерными чертами которых являются достоверность и близость к действительности. Поэзия Шелест изображает лирическую героиню с самого детства до глубокой старости в совершенно разных состояниях: любовь, счастье, разлука, печаль, одиночество, творческий подъем и другие. Таким образом, в поэтической системе Шелест реально-бытовой и художественный мир активно связаны между собой.

Благодаря исследованию любовной лирики Шелест различных периодов нам удалось выявить поступательное движение авторского чувства. Определено, что раннее творчество воспекает красоту чувств влюбленности и увлеченности. В этих несколько неумелых и трогательных стихах 30-х годов, поэтесса, овладевая формой, отдает предпочтение содержанию, выражению мыслей и чувств, их естественной интонации. В то время как зрелый этап тематической лирики Шелест характеризует любовь как источник счастья, в

поздней поэзии отображаемое чувство вписывается в концепцию «любовь – жертва».

Примечательно, что любовная поэзия Шелест отображает духовный мир женщины конкретного исторического периода, в жизнь которой входила эпоха с победами и трагедиями, с верой и разочарованиями.

Традиционная для русской литературы тема малой родины занимает важное место и в творчестве Шелест. Родная земля с ее богатой природой и историей, а также ее людьми стала сосредоточением художественного интереса Шелест, что во многом и определило направленность ее лирики. Поэтические тексты Шелест сопровождаются не только описаниями пейзажей, широким диапазоном эмоций лирической героини, но и подробной соотнесенностью с конкретным местом и временем.

Тема Великой Отечественной войны отражена в десятках поэтических произведений Шелест. В них поэтесса призывает людей к защите своей Родины, стремится к глубокому осмыслению войны. В творчестве Шелест прослеживается мемуарность, характерная для поэзии Великой Отечественной войны. Значительная часть лирики поэтессы автобиографична, она как будто насквозь пропитана ее личными воспоминаниями о военном времени. Важно отметить, что Лидия Шелест, одна из первых среди курских авторов, рассказала о жизни людей в фашистской неволе. Анализ произведений Лидии Шелест подтверждает, что автор воспринимает Великую Отечественную войну как трагическое и героическое время в судьбе своего народа.

Стихотворения Шелест, посвященные размышлениям о творце и творчестве, содержат традиционные для данной тематики устойчивые элементы: сложные поиски источников вдохновения, бесконечность совершенствования поэтического текста, размышления о роли художника слова в обществе, а также судьбе своего творческого наследия. Однако Шелест привносит в свое творчество личностный аспект, переосмысливая и развивая устоявшиеся образы и мотивы отечественной литературы XIX века и начала XX столетия.

Наконец, следует отметить, что эта работа, являясь первой попыткой целостного историко-литературного исследования творчества Лидии Шелест, – это только начало системного научного осмысления ее литературного наследия в контексте региональной литературы, а также в ряду женской поэзии XX века.

Список использованной литературы

Архивные материалы

1. Дневник Лидии Шелест. Страницы прошлого. Личный архив Юркевич С.Б.. Папка № 3.
2. Дневник Натальи Пахомовой. Личный архив Юркевич С.Б.. Папка № 8.
3. Мои воспоминания. Записки про жизнь Соловьевой Ксении Анатольевны. 1961 год. Личный архив С.Б. Юркевич. Папка № 6.
4. Письма Л.А. Шелест. Личный архив С.Б. Юркевич. Папка № 4.
5. Трудовая книжка Л.А. Шелест. Личный архив С.Б. Юркевич. Папка № 7.
6. Отзывы. Личный архив Л.Н. Резцова. Папка № 8.
7. Письма. Личный архив Л.Н.Резцова. Папка № 6.

Художественные тексты

8. Асеев, Н.Н. Избранное / Н.Н. Асеев. – URL: <http://gorenka.org/index.php/aseev-n-n/6094-aseev-n-n-izbrannoe?showall=&limitstart=> (дата обращения: 27.02.2021).
9. Асеев, Н. Стихотворения и поэмы / Н. Асеев. – М.: Худ. лит., 1990.
10. Ахматова, А.А. Стихотворения. Поэмы / А.А. Ахматова. – М.: Дрофа, 2007. – 366 с.
11. Ахматова А. Собрание сочинений: в 2 т. / А. Ахматова. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – С. 2, 138, 227, 329.
12. Бальмонт, К.Д. Где мой дом: стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. / К.Д. Бальмонт. – М., 1992. – С. 289.
13. Бальмонт, К. Стихотворения / К. Бальмонт. – М.: Худ. лит., 1990. – С. 201.
14. Блок, А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – М.: Москов. рабочий, 1973. – С. 321.

15. Бородаевский, В.В. Посох в цвету: собрание стихотворений / В.В. Бородаевский; сост.: Ю.А. Бугров, А.Д. Бородаевский, И.П. Михайлова, В.А. Резвый. – М.: Водолей, 2011. – 400 с.
16. Брюсов, В.Я. Избранные сочинения / В.Я. Брюсов. – М.: Худ. лит., 1989. – С. 38.
17. Брюсов, В. Среди стихов: 1894 – 1924 / В. Брюсов. – М., 1990. – 724 с.
18. Брюсов, В. Стихотворения. Лирические поэмы / В. Брюсов. – М.: Москов. рабочий, 1979. – С. 21, 388.
19. Гиппиус, З. Стихотворения. Живые лица / З. Гиппиус. – М.: Худ. лит., 1991. – С. 43.
20. Гумилев, Н. Стихотворения и поэмы / Н. Гумилев. – М.: Современник, 1989. – С. 338, 404.
21. Есенин, С.А. За рекой горят огни / С.А. Есенин. – М.: Сов. Россия, 1977.
22. Есенин, С.А. Стихотворения. Поэмы / С.А. Есенин. – М.: Дрофа, 2007.
23. Карпов, П.И. Забытая книга / П.И. Карпов. – М., 1991.
24. Корнеев, Н. Стихотворения и поэма / Н. Корнеев. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1975. – 144 с.
25. Куряне – герои Великой Отечественной войны. – Курск, 1946. – С. 14–18, 39–42.
26. Симонов, К.М. Военная лирика / К.М. Симонов. – М., 1972. – 123 с.
27. Снежко, Л. (Шелест). Хозяйка колхозных полей / Л. Снежко. – Курск, 1948. – 52 с.
28. Стихи о войне: сб. стихов курских поэтов. – Курск, 1946. – 90 с.
29. Тютчев, Ф.И. Лирика / Ф.И. Тютчев, А.А. Фет. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987.
30. Цветаева, М.И. Стихотворения. Поэмы / М.И. Цветаева. – М.: Дрофа, 2007. – 302 с.
31. Цветаева, М.И. Стихотворения. Поэмы / М.И. Цветаева; сост., вступ. А.М. Туркова, прим. А.А. Саакянц. – М.: Сов. Россия, 1988. – 416 с.

32. Шелест, Л. Анна Крагина [Поэма] / Л. Шелест // На смену! – 1929. – № 46 (801). – 24 фев. – С. 3.
33. Шелест, Л. Большой урус [Стих.] / Л. Шелест // 14 дней. – 1928. – № 4. – 22 нояб. – С. 3.
34. Шелест, Л. Ветер. [Стих.] / Л. Шелест // На смену! – 1929. – № 222 (977). – 28 сент. – С. 3.
35. Шелест, Л. Вода. Живу я в глубине России / Л. Шелест // Работница и крестьянка. – 1972. – 23 окт. – С. 10.
36. Шелест, Л. Вы летите, песни, да через метели [Стих.] / Л. Шелест // Неман: Изд-во «Польмия» Гос. комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. – 1973. – Август. – С. 38 – 39.
37. Шелест, Л. Делегат [Стих.] / Л. Шелест // На смену! – 1929. – № 28 (783). – 3 фев. – С. 3.
38. Шелест, Л. Дети нашего города / Л. Шелест // Курская правда. – 1946. – 9 июня.
39. Шелест, Л.А. Искажённый Флобер / Л. Шелест // Курская правда. – 1938. – 16 мая.
40. Шелест, Л.А. Мадам Сан-Жен / Л. Шелест // Курская правда. – 1940. – 6 июля.
41. Шелест, Л.А. Могила солдата / Л. Шелест // Курская правда. – 1946. – 9 июня.
42. Шелест, Л.А. Кот в сапогах / Л. Шелест // Курская правда. – 1946. – 20 апр.
43. Шелест, Л. Культурному походу [Стих.] / Л. Шелест // На смену! – 1928. – № 208 (710). – 3 нояб. – С. 3.
44. Шелест, Л. На грани [Стих.] / Л. Шелест // На смену! – 1928. – № 236 (738). – 8 дек. – С. 3.
45. Шелест, Л.А. Небесный тихоход / Л. Шелест // Курская правда. – 1946. – 24 апр.

46. Шелест, Л.А. О творческой мысли и «поэтическом» шаблоне / Л. Шелест // Курская правда. – 1939. – 24 июля.
47. Шелест, Л.А. Первый день после войны / Л. Шелест // Курская правда. – 2005. – 6 мая.
48. Шелест, Л.А. Прислушайся к сердцу ...: стихотворения, поэмы / Л. Шелест; сост.: С. Б. Юркевич, Л. Н. Резцов. – Курск: Л. Н. Резцов, 2012. – 543 с.
49. Шелест, Л. Разведка [Стих.] / Л. Шелест // На смену! – 1929. – № 281 (1036). – 8 дек. – С. 3.
50. Шелест, Л.А. Серьезное предупреждение / Л. Шелест // Курская правда. – 1938. – 22 мая.
51. Шелест, Л.А. Сила большого искусства / Л. Шелест // Курская правда. – 1939. – 21 июля.
52. Шелест, Л.А. Не заката хочу, а рассвета. Стихи / Л. Шелест. – Курск: Крона, 1994. – 104 с.
53. Шелест, Л.А. О творческой мысли и «поэтическом» шаблоне / Л. Шелест // Курская правда. – 1939. – 24 июля.

Научная и критическая литература

54. Авторские миры в художественном тексте XIX – XX веков. – Курск, 2014. – 315 с.
55. Азбукина, А.В. От знака к символу (особенности символизации птицы в поэзии конца XVIII – начала XIX века) / А.В. Азбукина. – URL: <http://sinp.com.ua/work/543075/Ot-znaka-k-simvolu> (дата обращения: 09.10.2017).
56. Александрова, Т.Л. Художественный мир М. Лохвицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Александрова Т.Л. – М., 2004. – 28 с.

- 57.Алексеева, Л.Ф. Русская поэзия 1910-1930-х годов / Л.Ф. Алексеева // История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн.1: Русская литература 1910–1930-е годы: учебное пособие. – М., 2012. – 429 с.
- 58.Анисимов, К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции / К.В. Анисимов. – Томск, 2005. – 304 с.
- 59.Аннинский, Л. Глубина фронта. Этическая тема в лирике военного поколения / Л. Аннинский // Новый мир. – 1974. – № 4. – С. 221–240.
- 60.Баскевич, И.З. Курские вечера. Литературно-краеведческие очерки и этюды / И.З. Баскевич. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во., 1979. – 208 с.
- 61.Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986.
- 62.Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Совет. Россия, 1979.
- 63.Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – М., 1979. – 445 с.
- 64.Белая, Г.А. Дон Кихоты 20-х годов – «Перевал» и судьба его идей / Г.А. Белая. – М.: Совет. писатель, 1989. – 400 с.
- 65.Бельская, Л.Л. Поэты Серебряного века о своём творчестве / Л.Л. Бельская // Русская речь. Серия «Язык художественной литературы». – 2015. – № 4. – С. 10–17.
- 66.Бобунова, М.А. Региональные черты поэзии Лидии Шелест / М.А. Бобунова // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сборник статей по итогам III Междунар.

- науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – С. 148 –151.
67. Бобунова, М.А. «Соловьями наш край знаменит...» / М.А. Бобунова // Русская речь. – 2018. – № 2. – С. 19 – 24.
68. Богданович, О.В. Эволюция темы творчества в русской лирике первой трети XX века / О.В. Богданович. – URL: <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-temy-tvorchestva-v-russkoy-lirike-pervoy-treti-xx-veka#ixzz5RpFKpF2N> (дата обращения: 22.11.2018).
69. Бугров, Ю.А. Литературные хроники Курского края / Ю.А. Бугров. – Курск, 2011. – 404 с.
70. Бугров, Ю.А. Курские литературные хроник / Ю.А. Бугров. – Курск, 2003. – Кн. 2. – 122 с.
71. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
72. Ваншенкин, К.Я. Записк / К.Я. Ваншенкин. – URL: www.plantopedia.ru/gardening/plants/Sorbaria_1.php (дата обращения: 19.02.2021).
73. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М., 1963. – 255 с.
74. Воронский, А.К. Литературные портреты: в 2 т. / А.К. Воронский. – М.: Федерация, 1928. – Т. 1. – 471 с.
75. Гаврилина, О.В. «И слово каждое чтоб мудрость стерегла...»: поэтессы 18–19 века о сути женской поэзии / О.В. Гаврилина // Текст, контекст, интертекст: сб. науч. статей по материалам Международ. научн. конф. «13 Виноградовские чтения» (г. Москва, 15 -17 октября 2013 г.). Т. 2: Наследие В.В. Виноградова. Теория литературы. Фольклористика. История русской литературы / отв. ред. И.Н. Райкова. – М.: МГПУ, 2014. – С. 199–205.

76. Гаврилина, О.В. Мотив памяти и забвения в женской военной поэзии 1940–1960 –х гг. / О.В. Гаврилина // Мотив в структуре художественного текста: сборник научных статей. – М.: МГПУ, 2016. – С. 159–180.
77. Галина, М.С. Деструктивные начала в женской прозе / М.С. Галина // Общественные науки и современность. – 2001. – № 5. – С. 173–181.
78. Гаспаров, М.Л. Избранные труды. Т. 1: О поэтах / М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 660 с.
79. Гаспаров, М.Л. Очерк истории русского стиха / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1984. – С. 29–52.
80. Герасимова, Е.К. Художественный мир поэзии и прозы Сильвии Плат (конец 50-х–начало 60-х гг.): дис. ... канд. филол. наук (10. 01.03) / Герасимова Е.К. – Н. Новгород, 2007. – 196 с.
81. Гинзбург, Л. О лирике / Л. Гинзбург. – 2-е изд. – М.: Совет. писатель, 1974. – 407 с.
82. Гордович, К. Д. История отечественной литературы XX века. Пособие для гуманитарных вузов / К.Д. Гордович. – СПб., 2000. – 320 с.
83. Гиршман, М.М. Литературное произведение. Теория и практика анализа / М.М. Гиршман. – М.: Высш. шк., 1991. – 60 с.
84. Гиршман, М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности / М.М. Гиршман. – М., 2002.
85. Громов, А. Поэзия Лидии Шелест / А. Громов // Наша страна (Буэнос-Айрес). – 2002. – № 2709 – 2710. – С. 5.
86. Денисова, О.Е. Жизнь и творчество Ю.Б. Софиева: историко-литературный аспект: дис. ... канд. филол. наук / Денисова О.Е. – Орел, 2015. – 231 с.
87. Дмитриева, У.М. Стихия воды в лирике А.С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук / Дмитриева У.М. – Новосибирск, 2009. – 175 с.
88. Дрозд, А.Н. Определение творчества в неклассической философии XX века / А.Н. Дрозд // Актуальные проблемы социокультурных

- исследований: межрегиональный сборник научных статей / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – Вып. 5. – С. 48–52.
89. Дубашинский, И.А. Автор в сюжете и вне сюжета / И.А. Дубашинский // Вопросы литературы. – 1976. – Вып. 4. – С. 317.
90. Дьяченко, Ю.А. «Шелестел кудрявый клён нежности берёзе...» (берёза и клён в стихотворениях Лидии Шелест) / Ю.А. Дьяченко // Курское слово. – 2018. – Вып. 18. – С. 45–49.
91. Есин, А.Б. Литературное произведение: типологический анализ / А.Б. Есин. – М., 1992.
92. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие / А.Б. Есин. – 3-е изд. – М., 2010. – 248 с.
93. Жадовская, С.А. Литература севернорусского провинциального города: текст, форма, традиция: дис. ... канд. филол. наук / Жадовская С.А. – СПб., 2009. – 196 с.
94. Жемчужный, И.С. Об одном устойчивом романтическом альянсе в образно-поэтической системе А.А. Фета / И.С. Жемчужный // Миф в поэтическом мире А. Фета и А. Ахматовой // А.А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества: сборник научных трудов. – Курск: КГПУ, 1994. – С. 83.
95. Жирмунский, В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1978.
96. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избр. тр. / В.М. Жирмунский. – Л.: Ленингр. отд-е, 1977. – 407 с.
97. Журавлева, Н. С. «Мир по-иному строится!»: самописание в литературно-техническом журнале «Маховик» / Н.С. Журавлева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 25–31.

98. Зинченко, В.Г. Методы изучения литературы. Системный подход: учебное пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М., 2002. – 200 с.
99. История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн. 3: 1940–1960-е годы: учебное пособие / Л.Ф. Алексеева, И.А. Биккулова, Л.И. Щелокова [и др.]; под ред. Л.Ф. Алексеевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Студент, 2012. – 407 с.
100. Карпов, П.И. Забытая книга / П.И. Карпов. – М., 1991. – С. 230.
101. Карпов, П.И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Стихотворения. Воспоминания. Публицистика / П.И. Карпов. – Курск: Славянка, 2012. – 528 с.
102. Кедровский, А.Е. Русская литература XX века: 1917– 1930 годы: учебное пособие / А.Е. Кедровский. – Курск. 2002. – 348 с.
103. Кедровский, А.Е. Земляки: творчество К.Д. Воробьева и Е.И. Носова / А.Е. Кедровский. – Курск, 1999. – 154 с.
104. Кедровский, А.Е. Современные курские поэты / А.Е. Кедровский // Курский край в художественной литературе. – Воронеж, 1976. – С. 102–115.
105. Кирей, С.П. Лидия Анатольевна Шелест. Жизнь и судьба/ С.П. Кирей // Краеведение: история, теория и практика. – Курск, 2011. – С. 195– 199.
106. Кириллова, И.Ю. Своеобразие художественного мира Илле Тхти: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Кириллова И.Ю. – Чебоксары, 2006. – 181 с.
107. Ковалев, П.А. Версификация И.А. Бунина / П.А. Ковалев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – №1 (82). – С. 104–107.

108. Козубовская, Г.П. Миф в поэтическом мире А. Фета и А. Ахматовой / Г.П. Козубовская // А.А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества: сборник научных трудов. – Курск: КГПУ, 1994. – С. 50–71.
109. Коковина, Н.З. Антропологическая парадигма провинциального текста начала XX века (на материале произведений курских авторов) / Н.З. Коковина, И.П. Михайлова // II Всемирный конгресс Восток-Запад: пересечения культур / Университет Киото Сангё. – Япония, Киото: Изд-во «TamakaPrint», 2019. – Т. 2. – С. 109–114.
110. Коковина, Н.З. Свобода чувства и свобода воли в исполнении интеллектуального героя (На материале провинциальной прозы начала XX века) / Н.З. Коковина, И.П. Михайлова // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международ. конф. русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. – Barcelona, Spain. Published by: TrialbaEdiciones, 2018. – С. 323–330.
111. Константинова, С.К. Олицетворения в творчестве А.А. Фета / С.К. Константинова // А.А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества: сборник научных трудов. – Курск: КГПУ, 1994. – С. 145–153.
112. Колобов, В.В. Дневник писателя как документ эпохи (на материале дневника А.В. Жигулина) / В.В. Колобов. – Воронеж, 2017. – 38 с.
113. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения: учебное пособие / Б.О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 113 с.
114. Корниенко, С.М. Основные мотивы лирики любви Василия Федорова: дис. ... канд. филол. наук / Корниенко С.М. – Махачкала, 2008. – 150 с.
115. Коровин, В.В. Поднимались войны народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941 – 1943 гг. / В.В. Коровин. – Курск: Славянка, 2007. – 512 с.
116. Край наш Курский. – Воронеж: Коммуна, 1978. – 68 с.

117. Криволапова, Е.М. Дневники писателей круга В.В. Розанова (1893–1919): жанр, творческий метод, историко-литературный контекст / Е.М. Криволапова. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. – 352 с.
118. Криволапова, Е.М. «Преодолеть без утешенья». Зинаида Гиппиус и её время / Е.М. Криволапова. – Орёл, 2005. – 241 с.
119. Культурологические исследования: первый опыт: материалы V межвуз. науч.-практич. конф. с международным участием / гл. ред. Г.А. Салтык; отв. ред. Т.Н. Арцыбашева; редкол.: Г.Л. Ачкасова, Л.И. Гаврилова, М.А. Емельянова [и др.]. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. – 286 с.
120. Куприяновский, П.В. Проблемы регионального изучения литературы / П.В. Куприяновский // Русская литература. – 1984. – № 1. – С. 177–181.
121. Куприяновский, П.В. Соприкосновения: литература краеведения, очерки и разыскания / П.В. Куприяновский. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1988. – 208 с.
122. Курбанова, Н.А. Проблема памяти в повести И.С. Шмелева «Лето Господне» / Н.А. Курбанова // Текст, контекст, интертекст: сборник науч. ст. по материалам Международ. науч. конф. «13-е Виноградовские чтения» (г. Москва, 15–17 октября 2013 г.). Т. 2: Наследие В.В. Виноградова. Теория литературы. Фольклористика. История русской литературы / отв. ред. И.Н. Райкова. – М.: МГПУ, 2014. – С. 185–192.
123. Курский текст в поле национальной культуры: материалы спецкурса для студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры филологического факультета Курского госуниверситета / сост. и науч. ред. С.С. Козлов. – Курск: Курск. госуниверситет, 2016. – 192 с.
124. Курские перекрестки. – Курск, 2012. – Вып. № 2/7.
125. Курский текст в поле национальной культуры: материалы спецкурса для студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры

- филологического факультета Курского госуниверситета/ сост. и науч. ред. С.С. Козлов. – Курск: Курск. госуниверситет, 2014. – 248 с.
126. Лазарев, А.И. История русской литературы Урала: методологические вопросы / А.И. Лазарев // Вестник Челябинского государственного университета. – 1996. – С. 64–75.
127. Лебедев, М.Н. О потаённой поэзии в СССР / М.Н. Лебедев // Южный крест (Буэнос-Айрес). – 1951 – № 1. – С 71–73.
128. Литературная история: художественные и документальные тексты. – Курск, 2013. – 184 с.
129. Лихачев, Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
130. Лихачев, Д. С. История русской литературы XI – XVII вв.: учеб. для пед. ин-в / Д.С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1985. – 431 с.
131. Лихачев, Д.С. Земля родная / Д.С. Лихачев. – М.: Просвещение, 1983. – 256 с.
132. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
133. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1982. – 480 с.
134. Лотман, Ю.М. Типологическая характеристика реализма позднего Пушкина / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: книга для учителя. – М., 1988. – 352 с.
135. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992–1993. – 494 с.
136. Маймин, Е.А. Русская философская поэзия. Поэты – любомудры. А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев / Е.А. Маймин. – М.: Наука, 1976. – 190 с.
137. Малютин, С. Лидия Шелест / С. Малютин // Курская правда. – 2015. – № 133. – С. 22.
138. Манн, Ю.В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Манн. – М.: Худ. лит., 1988.

139. Мария, С. Отзвучавшее / Мария С. // Южный крест (Буэнос-Айрес). – 1951. – № 1. – С. 74 – 78.
140. Михайлова, И.П. Журнал «Курский театр» в культурном пространстве провинциального города / И.П. Михайлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2016. – № 1. – С. 135–141.
141. Михайлова, И.П. Крестьянский мир в творчестве Леонида Чемисова / И.П. Михайлова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – 2019. – № 4 (85). – С. 156–160.
142. Михайлова, И.П. Литературные силуэты на фоне переломной эпохи (Курск, 1900–1920 гг.) / И.П. Михайлова. – М.: Книгодел, 2020. – 160 с.
143. Михайлова, И.П. «Своеобразие черт народной души» в творчестве Пимена Карпова / И.П. Михайлова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2016. – № 4. – С. 41–46.
144. Михайлова, И.П. «Тайна жизни бытия» Ильи Дмитриевича Стрельского / И.П. Михайлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2016. – № 3. – С. 79–85.
145. Михайлова, И.П. «Сколько в нем оттенков и печали...» (о семантике сада в курских текстах первой трети XX века) / И.П. Михайлова // Семантика сада в русской литературе и фольклоре. – М.: МГПУ, 2017. – С. 178 –186.
146. Михайлова, И.П. Художественный мир В.В. Бородаевского: дис. ... канд. филол. наук / Михайлова И.П. – Орел, 2010. – 161 с.
147. Михеичева, Е.А. Пейзаж как форма психологизма в ранних рассказах И.А. Бунина / Е.А. Михеичева, С.В. Зеленцова // Ученые

- записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 155–160.
148. Москвина, Е.В. Художественный мир Георга Бюхнера: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.03) / Москвина Е.В. – М., 2007. – 204 с.
149. Незванкина, Л.К. Мотив / Л.К. Незванкина, Л.М. Щемелева // ЛЭС. – 1987. – С. 230.
150. Недзвецкий, В.А. Человек и природа в творчестве И.С. Тургенева (К менталитету тургеневского героя) / В.А. Недзвецкий // Русская словесность. – 2006. – № 7. – С. 6 – 14.
151. Николаева, С.А. Дети и война / С.А. Николаева. – М., 1991. – 159 с.
152. Орлов, В.Л. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века / В.Л. Орлов. – М., 1976. – 366 с.
153. Обоянь в округах: прошлое и настоящее: краеведческий сборник: вып. 4 / сост. и ред. М.М. Озеров, А.Н. Казакова. – Обоянь, 2019. – 268 с.
154. Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы XX Шешуковских чтений / под ред. Л.А. Трубиной. – М.: МГПУ, 2015. – 408 с.
155. Памяти живые лоскутки. Стихи курских поэтов. – Курск, 2007. – 32 с.
156. Пахомов, Н. Поэт и одичалое время / Н. Пахомов // Проза ру. – URL: <https://www.proza.ru/2018/05/04/300> (дата обращения: 18. 12. 2019).
157. Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнезда / Н.К. Пиксанов. – М.; Л., 1928.
158. Полянский, Е. Упрямо ожидая чуда / Е. Полянский // Курская правда. – 1995. – 8 апр.

159. Порублева, И.Ю. «Военная проза» Е. И. Носова: монография / И.Ю. Порублева. – Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2009. – 128 с.
160. Пospelов, Г.Н. Теория литературы / Г.Н. Пospelов. – М.: Высш. шк., 1978. – 351 с.
161. Пронина, Е.И. Психология журналистики / Е.И. Пронина. – М., 2006. – 70 с.
162. Прохоров, Е. П. Искусство публицистики / Е.П. Прохоров. – М., 1984. – 218 с.
163. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: монография / отв. ред. А.И. Смирнова. – М., 2019. – 504 с.
164. Пушкарева, Н.Л. Женщина в русской семье (X–XX века) / Н.Л. Пушкарева // Русские / под ред. В.А. Александрова, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 1999. – 828 с.
165. Пыпин, А.Н. История русской литературы / А.Н. Пыпин. – 3-е изд. – СПб., 1907. – Т. 1. – 537 с.
166. Радомская, Т. Единство пути поэта: тождество субъектов и объектов / Т. Радомская // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. Вып. 3. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. – С. 17–34.
167. Рамазанова, Г.Г. Женская лирика в журнале «Московский наблюдатель» / Г.Г. Рамазанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 29. – С. 123–126.
168. Региональная литература: хрестоматия научно-критических материалов. Вып. 1. / сост. Т.А. Богумил. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 330 с.
169. Резцов, Л.Н. «Стихи когда-нибудь найдут / Л.Н. Резцов, С.Б. Юркевич // Прислушайся к сердцу...: стихотворения, поэмы. – Курск, 2012. – С. 5–132.

170. Рыжков, П. Добро пожаловать в Пушкинский зал! / П. Рыжков // Городские известия. – 2017. – № 3976. – 2 марта. – С. 1.
171. Рыжков, П. Страна по имени Лидия / П. Рыжков // Городские известия. – 2016. – 1–2 января. – С. 3.
172. Рындина, Л. Д. Поэзия современности и женщина-поэтесса / Л.Д. Рындина // Женская жизнь. – 1916. – № 3. – С. 16–18.
173. Рожковская, И. Период оккупации в архивных документах / И. Рожковская // Администрация Курской области: офиц. сайт. – URL:http://adm.rkursk.ru/index.php?id=13&mat_id=17936 (дата обращения: 18.04.2021).
174. Ростовцева, И. Поэзия соловьиного края / И. Ростовцева // Подъем. – 1962. – № 1 (январь–февраль). – С. 130–138.
175. Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: в 2 т. / ред.-сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – Т. 1. – 893 с.
176. Русская словесность. – 2020. – № 5.
177. Савельева, В.В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации / В.В. Савельева. – Алматы: Дайу-пресс, 1996. – 191 с.
178. Сакулин, П.М. Синтетическое построение литературы / П.М. Сакулин. – М.: Мир, 1925. – 118 с.
179. Самойлов, Д. Счастье ремесла. Сборник. Избранное /Д. Самойлов; ред. Т. Тимакова. – М.: Время, 2013. – 553 с.
180. Саранцев, А. Рассказы Л. Завадовского / А. Саранцев // Леонид Николаевич Завадовский. Песнь седого волка. – Воронеж, 1968. – С. 5–14.
181. Связь времен. Поэтическое слово земли Курской: учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Ачкасова. – Курск: Изд-во Курск. педун-та, 2002. – 413 с.

182. Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре: сборник научных статей / отв. ред.: А.И. Смирнова, И.Н. Райкова. – М.: МГПУ, 2017. – 292 с.
183. Сердобинцева, Е.Н. Трансформация жанров в современной прессе (к постановке проблемы) / Е.Н. Сердобинцева // Ценностные ориентиры современной журналистики: сборник науч. ст. 3-й Международ. науч.-практ. конф. – Пенза, 2015. – С. 95–98.
184. Силакова, Д.В. История курской печати: 1792–1917 / Д.В. Силакова. – Курск, 2018. – 185 с.
185. Слуцкий, Б.А. Память. Стихи 1944–1968 / Б.А. Слуцкий; вступ. ст. Л. Лазарева «С надеждой, правдой и добром...». – М.: Худ. лит., 1969. – 285 с.
186. Смирнова, А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учебное пособие / А.И. Смирнова. – М.: Флинта, 2012. – 360 с.
187. Смирнов, В.Б. По следам времени. Из истории писательской организации Царицына – Волгограда / В.Б. Смирнов. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – 528 с.
188. Соловьев, В.С. Философия искусства и литературная критика: сборник / В.С. Соловьев; сост. и вст. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской; ком. А.А. Носова. – М.: Искусство, 1991. – 699 с.
189. Спасская, Е. Всем бурям и ветрам назло... / Е. Спасская // Курская правда. – 2011. – 2 июля. – С. 12–13.
190. Спасская, Е.Д. Книга о Мастере / Е.Д. Спасская. – Курск, 1998. – 895 с.
191. Степанова, Н.С. Концепт «счастье» в автобиографической прозе В.В. Набокова / Н.С. Степанова // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2020. – № 2. – С. 112–121.

192. Степанова, Н.С. Концепт «закат» в языковой картине мира Б.К. Зайцева (на материале тетралогии «Путешествие Глеба») / Н.С. Степанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2017. – Т. 7, № 1. (22). – С. 30–39.
193. Стрелкова, О.С. Духовная проза и поэзия в курской церковной периодике дооктябрьского периода: по материалам издания «Курские епархиальные ведомости»: дис. ... канд. филол. наук / Стрелкова О.С. – Курск, 2014. – 222 с.
194. Стюфляева, М.И. Образные ресурсы публицистик / М.И. Стюфляева. – М., 1982. – 176 с.
195. Сухих, И. Н. Учебно-методический комплекс по курсу «Теория литературы. Практическая поэтика» / И.Н. Сухих. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 352 с.
196. Тамарченко, Н.Д. Теория литературы / Н.Д. Тамарченко. – М.: Академия, 2004.
197. Тартаковская, Т.А. Время говорило его стихами. Николай Асеев / Т.А. Тартаковская. – URL: <http://kurskonb.ru/our-booke/aseev/doc/krai-1.html> (дата обращения: 28.02.2021).
198. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати: учеб. пособие для студентов вузов / А.А. Тертычный. – М., 2011. – 320 с.
199. Твардовский, И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни / И.Т. Твардовский; предисл. В. Ивановой; послесл. В. В. Ильина. – Смоленск: Посох: Русич, 1996. – 351 с.
200. Творчество А.Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры: монография / в соавт. с Н.Ф. Левиным, Н.В. Цветковой, Л.А. Капитановой [и др.]; отв. ред. Н.Л. Вершинина. – Псков: Изд-во «ЛОГОС плюс», 2011. – 140 с.

201. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы: учебное пособие для университетов и педагогических институтов / Л.И. Тимофеев. – М.: Просвещение, 1976. – 448 с.
202. Тимофеев, Л.И. Очерки теории и истории русского стиха / Л.И. Тимофеев. – М.: Гослитиздат, 1958. – 415 с.
203. Тимофеев, Л.И. Слово в стихе / Л.И. Тимофеев. – М.: Совет. писатель, 1982. – 342 с.
204. Тынянов, Ю.Н. О литературной эволюции / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 270–281.
205. Тынянов, Ю.Н. Проблемы стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М., 1965.
206. Тутенко, В.А. В Аргентине – не забыли... / В.А. Тутенко // Курская правда. – 2009. – 14 окт. – С. 3.
207. Тутенко, В. "Голубая бабочка" Лидии Шелест / В.А. Тутенко // Курская правда. – 2010. – 25 мая. – С. 3.
208. Федоров, В.В. Событие бытия автора и его цель / В.В. Федоров // Литературоведческий сборник. Вып. 55–56: Актуальные проблемы филологии: материалы Междунар. научн. конф. – Донецк: ДонНУ, 2016. – С. 5–23.
209. Фокин, А.А. И.Д. Сургучев: творческая биография писателя в свете художественной антропологии: дис. ... д-ра филол. наук / Фокин А.А. – Ставрополь, 2008. – 605 с.
210. Фролова, А.В. Шелест Лидия Анатольевна: портрет Л. А. Шелест. (Курские поэты прошлого) / А.В. Фролова // Сеймская сторона. – 2008. – № 2. – С. 99–101.
211. Фромм, Э. Искусство любви, пять элементов любви / Э. Фромм. – URL: <https://ourmind.ru/iskusstvo-lyubit> (дата обращения: 23.01.2018).
212. Хализев, В.Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов / В.Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 2007. – 404 с.

213. Хализев, В.Е. Колебания литературных репутаций. Безвестные и забытые авторы и произведения / В.Е. Хализев // Хализев В. Е. Теория литературы. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – С. 172–175.
214. Хасанова, Г.Ф. Военная проза конца 1950-х – середины 1980-х гг.: в контексте литературных традиций: дис. ... канд. филол. наук / Хасанова Г.Ф. – Брянск, 2009. – 211 с.
215. Ходасевич, В.Ф. «Женские» стихи / В.Ф. Ходасевич. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0058.shtml (дата обращения: 26. 11. 2021).
216. Ходасевич, В. София Парнок. Стихотворения. Петроград, 1916 / В.Ф. Ходасевич // Ходасевич В. Собрание сочинений. – Анн Арбор: Ардис, 1990. – Т. 2.
217. Чмыхало, Б.А. Региональные проблемы истории русской литературы: автореф. дис. ... док-ра филол. наук / Чмыхало Б.А. – Екатеринбург, 1993. – 34 с.
218. Шевеленко, И.Д. Литературный путь Цветаевой / И.Д. Шевеленко. – М., 2015. – 448 с.
219. Шикарева, М. Лидия Шелест – поэт из Обояни (по страницам книги «Прислушайся к сердцу») / М. Шикарева // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология. – Курск, 2016. – Вып. 5. – С. 182–186.
220. Щелокова, Л.И. Аксиологические координаты в публицистике военных лет / Л.И. Щелокова // Русская словесность. – 2020. – № 5. – С. 65–71.
221. Эпштейн, М.Я. Природа, мир, тайник вселенной...: система пейзажных образов в русской поэзии / М.Я. Эпштейн. – М., 1990.
222. Юркевич, Б.П. Архангельские журналисты / Б.П. Юркевич // Энциклопедия. – Архангельск, 2008. – С. 529–530.
223. Юркевич, С. Кто судьбу мне придумал такую... / С. Юркевич // Городские известия. – 2008. – № 60. – С 4–5.

224. Якимова, Л.П. О концепции литературной истории Сибири / Л.П. Якимова // Сибирский текст в русской культуре. – Томск, 2003. – С. 10–12.
225. Якобсон, Р.О. Работы по поэтике / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – С. 81.

Справочная литература

226. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – 2-е, испр. – СПб.: Паритет, 2012. – 320 с.
227. Вихлянцев, В.П. Полный и подробный Библейский словарь к русской канонической Библи / В.П. Вихлянцев. – Коптево, 2003. – 326 с.
228. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. Т. 2: П–Я / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 1084 с.
229. Курская правда // Википедия. 2017. – URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=83476819> (дата обращения: 23.10.2017).
230. Литературная жизнь Курского края (Биобиблиографический словарь) / сост.: Н.З. Коковина, И.П. Михайлова. – Курск: КГУ, 2018. – 257 с.
231. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001.
232. Программа литературно-музыкального вечера в Обоянской женской гимназии. 18 февраля 1916 года // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года. – URL: http://old-kursk.ru/foto/petr_av/obojan-muz.html (дата обращения: 11.02.2021).
233. Рудакова, С.В. «Молодая гвардия» / С.В. Рудакова // Курск: Краеведческий словарь-справочник. – Курск, 1997. – С. 238–239.
234. Шелест, Л.А. // Большая Курская энциклопедия. Персоналии / Л.А. Шелест. – Курск, 2005. – Т. 1, кн. 3. – С. 198–199.

Приложение

Лёгкий белопарусный корабль

Иногда мне кажется, что счастье –
Лёгкий белопарусный корабль,
И поют, скрипят под ветром снасти –
Старые резные флюгера.
Вот он выплывает из тумана...
Розовые волны бьют о борт.
Почему не видно капитана?
Полыхает запад. Что за порт?
Роща... Спят серебристые птицы
На ветвях деревьев, но каких?
Не во сне ли это все мне снится?
Бьёт источник в травах голубых.
И плоды с деревьев неизвестных
Падают на золотой песок,
На губах их пряный, сладкий сок...
Если это сон, то сон чудесный.
Как бы не очнуться от него!
В желтые ладони берегов
Ручеёк зажат. Испей воды!
Посмотри, к нему ведут следы.
Антилопы пили на рассвете,
И цветов измятых лепестки
На воде так нежны и лёгки

И плывут, как всё плывет на свете.
Вот резным серебряным крылом
Головы моей коснулась птица.
Я проснулась... Вздогнули ресницы.
... Ты сидишь и пишешь за столом.

1940

Изменяется чувств узор

Как ты мог позабыть легко,
Что нельзя забыть никогда?
Далеко, далеко, далеко
Облаков уплывает града.

И за ними плывут куда
Напоённые солнцем дни?
В нежной пене бежит вода,
Волны мчатся – куда они?

...Ночь прядёт бесконечный шёлк,
Чёрный, мягкий... Молчит она...
Кто-то тихо к окну подошёл.
Показалось... Совсем одна.

Написать про жизнь своё,
Рассказать ему про печаль...
Старый маленький почтальон
Уж давно в мой дом не стучал.

Знаю я, что опять не усну
И хожу от окна к окну,
Вижу тень свою на стене...
Напиши ж ты хоть слово мне!

Изменяется чувств узор,
И от боли тускнеет взор,
Но забыть тебя – силы нет,
Голубеет в саду рассвет...

Пенелопа

-Давай соревноваться, Пенелопа...
-Ты шутишь, дорогая! Я была...
-Я знаю. И стройна, и синеока...
Давно была! Но сколько ж ты ждала?
- Не знаю я! Сливались дни и ночи,
Светили звёзды, слёзы ли мои?...
Не иссякал живительный источник.
Любила я! Тянулись годы и ...
И он пришёл, твой Одиссей могучий.
Хочу и я судьбу свою сломить.
Через метель, буран, глухие ночи
Его дождать, из мертвых воскресить!

Вышла б я за слесаря

Вышла б я за слесаря,
Иль за столяра –

Кесарево – кесарю,
Мне бы – петь с утра
С соловьями курскими
По родным садам,
Не тащилось горюшко б
По моим следам.
Не хлестали б мокрые
Ветки по лицу,
А порою до крови,
Прямо по сердцу.
Если бы, да если бы,
Если б да кабы,
Вышла бы за слесаря –
Не было беды!

Обоянь

Я здесь рассталась с юностью своею,
Покинув Псел в зелёных берегах,
Чтоб стал смелей ещё не смелый шаг.
И я ушла, а звёзды осыпались
На город, что остался позади,
На липы, что цветущими остались,
Их мой отец когда - то посадил.
Текла вода: ни Псел, ни Сейм, ни Волга –
Вода тех лет... Она лилась, лилась...
Я в Обояни не была так долго,
И звёзды навестить не собралась.
А ведь они единственными были
И первыми, что надо мной зажглись,
Мечты и мысли свято сохранили

В своей недостижимой дали...
Я снова здесь. Пусть с юностью не встречусь,
Но обоянский воздух – как он чист,
И снова август сыплет мне на плечи
Живые звёзды, что летят в ночи.
Прекрасней песни той, что не допета,
Летят они и падают в века,
Не ими ли до самого рассвета
Засыпана холодная река?
Я поняла, что здесь они крупнее,
Что здесь нежнее запахи цветов,
И что ушла напрасно по весне я,
Что не забыта первая любовь.

Будет хлеб

Не только хлеборобы – дети,
Все ждали снега, но – увы.
Не все как мы хотим на свете,
Вдруг пыльный ураган завыл.

По снегу лыжники вздыхают
И агрономам не до сна.
Зима холодная, сухая,
Пропала озимь... Март, весна...

Беда, стихия... Но сдаваться
Мы не привыкли даже ей.
Выходит, что за дело браться
И браться надо поскорей.

За трактор все – и молодые,
И тот, кто им когда-то был
И трактор в поле выводил.
Ещё сердитее седые!
На чем основаны приметы?
В них мудрость русская видна,
Как говорит народ, несметный
Нам урожай сулит весна.
Дожди прольются, ведро будет.
И жаворонок по утру
Всех спозаранку поразбудит,
Пускай поет... Да будет труд!
... В лицо пахнуло свежей силой
Ещё не вспаханной земли.
Всех, кто придет к ней вечно милой,
Ждут трактора, как корабли.
Их скоро поведут по зову
Отчизны нашей. Будет хлеб!
Звенеть, звенеть пшенице снова
На курской золотой земле.

«Не ты ль сыновей научила...»

В походах ты с воином рядом,
Ремнём подпоясав шинель,
Прошла сквозь огонь, канонаду...
Тебя осыпала шрапнель...
Дымились у ног твоих травы,
И танк надвигался грозя,

И падали слева и справа
Твои боевые друзья.
От жара потрескались камни,
Горела земля пред тобой...
Ты, смерть отстраняя руками,
К бессмертию прошла через бой!
Над раненым тихо склонялась,
Давала из фляжки воды.
Спала ли ты, милая! Мало!
Мешали разрывы и дым.
Ты шла под дождём и под градом,
Сквозь дым, по остывшей золе
Разрушенного Сталинграда,
По курской горячей земле.
Не ты ли у горна стояла,
Не ты ль заправляла станок,
И как только ты успевала?
И как не упала ты с ног
Под солнцем, когда не по силам
Мужскую работу несла,
И рожь золотую косила,
И полем комбайны вела?
По страшным дорогам войны
Прошла наша девушка-воин,
Дочь славной советской страны.
Но больше всех ты совершила,
Российская женщина-Мать!
Не ты ль сыновей научила
В смертельном бою побеждать!?
Ты молча ждала почтальона

Не месяц, не год и не два...
Ждала терпеливо, без стона,
Седела от дум голова.
...Но смолкли вот злые раскаты
Орудий...И гром по весне
Сулит урожай нам богатый,
Какой и не снился во сне.
И нынче опять ты не дремлешь,
На зорьке всё так же сильна,
Ты выйдешь, чтоб в рыхлую землю
Горстями бросать семена,
Чтоб рожь поднялась, зашумела,
Возы заскрипели у хат,
Чтоб Родина вновь богатела,
Чтоб дом твой стал снова богат!

1947

Ещё раз о русской женщине

Вы бабочкой нарядною родились,
Чтоб в летний день средь ирисов порхать,
Среди левкоев, белых лилий или,
Чтоб дань с тюльпанов алых собирать.
Но ураган нежданный и жестокий
Сломал цветы и гром загрохотал,
И ринулись кипящие потоки,
И поднялся девятый грозный вал...
Вы шли и шли... и вас не испугали
Война, огонь и раннее вдовство.
Да! Мужества проявлено немало,

Но русской женщине не занимать его!
Она спокойна, ласкова, красива
И, как берёзка русская, стройна.
И в ней такая скрыта сила,
Что горы, горы двигает она!

1945

Дамоклов меч

Бывает так, ты написал стихи,
Прочёл их другу, матери, невесте.
Как будто бы звучат и не плохи.
Прочёл ещё – порадовались вместе.
Труд награждён вниманьем, ну а ты
Свой карандаш глазами всюду ищешь,
И вновь стихи черкать до темноты,
И говорить: «Я не поэт, я нищий.
Я выклянчил напрасно похвалу».
И над тобою снова меч Дамокла.
И вот опять садишься ты к столу,
Опять рассвет заглядывает в окна,
Меч, голубея, острием грозит
За каждое ненайденное слово.
Оно твоё, оно уже вблизи...
Меч беспощаден, ты черкаешь снова.

Рождение стиха

Я иду по горячим камням,
Омытым солнечным светом...
Я трогаю ветер руками
И губами касаюсь лета.
Это – полдень мой, медуницы,
Россыпь солнечного шалфея...
И поют для меня синицы,
И малина сочная зреет.
Поспели в садах спокойных
Полнокровные спелые вишни,
Упиваюсь настоем хвойным,
Что весомый в лицо мне дышит.
Проходя по берегу мимо
Пресыщенной солнцем коровы,
Загляделась, как спелое вымя
Распирало от белой крови.
В осоке кувыркнулась тревожно
Утка с ярко-оранжевым носом.
Я взяла этот шум осторожно,
Подымаясь по откосам.
А на камнях вскипела пена,
На песке шелестя и тая,
Та, что в шорохе неизменном,
Чуть родившись, улетает.

Звуки... Это они мне нужны!
В переливах цветут нюансы...
Слышу, как надо мною кружат
Невесомые ассонансы.
Безударные... Шум паденья...
И ударные... то – анапест–
Звуки... тают в курчавой пене.
Оседает седая накипь.
И никто не ворвется грубо
В эту творческую прогулку.
Переполненный солнцем кубок
Песню песней родит мне в гулах.
Ты – художник, и ты обязан
Мир увидеть, омытый ливнем,
Когда капли ещё на вязах,
Когда влажно синеют сливы.
И от комнатных стуков гулких
Отойти непременно надо.
Даже книги не взявши с полки,
Выхожу за решётку сада...
И большой простоте учиться
Я иду на заре к пернатым.
Научите меня, синицы,
Переливам таким богатым!
Слышу я, как дышат мартены,

Как, волнуясь, грохочут экспрессы,
В них улавливаю неизменно
Ритмы ветра и шумы леса,
И в прибое бегущей крови –
Центробежные ритмы вселенной
Даже в мыслях, сводящих брови,
Ассонансы, звенящие в венах.
... Мысль родится. Её стрелою
В горделивую шею ранен,
Опускается передо мною
Белый лебедь моих дерзаний.

Туруханск, 1934

Творчество

Родилась мысль, прекрасное рождение,
Но надо дать ей плоть, и кровь, и жизнь.
И ты горишь, горишь от нетерпенья–
Слова должны быть трепетны, свежи.

Ты ищешь их, как жемчуг в океане,
Нырнул в пучину – раковины нет.
Но как зовёт, но как тебя он манит,
Жемчужин этих розовый отсвет.

Все спят давно, а ты в бессонной дрёме

Нашёл вдруг, словно то, что обронил.

Боишься стукнуть в этом сонном доме,

– Да, полно, – говоришь себе, – усни!

Свет не зажжешь, тревожен ночью шорох,

Но сад не спит, а за окном луна...

Тихонько отодвинешь штору, –

Ведь где-то здесь был карандаш у нас.

Ты пишешь на конверте, на газете,

Чтоб уберечь бесценное добро.

А то, проснувшись, даже на рассвете

Ты серебро всех слов не разберешь.

Стихи родились... Ты богат, наверно?

Теперь слова уже не убегут.

Проходит месяц. Вновь прочтёшь их – скверно.

Нет, нет, – я так оставить не могу!

В них громоздятся каменные рифмы,

Где краски, где прозрачность, воздух где?

Где музыка? Да разве это рифмы?

Работал ты, но это не предел.

И все сначала: поиски, тревога,

Неистовство из-за коварства слов,
Вновь ночь без сна, да не одна, а много,
Вновь пишешь ты, но всё не набело.

Покоя нет ни днём тебе, ни ночью,
Покоя нет ни летом, ни зимой!
Да ты ведь и грустишь о нём не очень.
А в самом деле, нужен ли покой?

Моим «товарищам» поэтам

Мои соболя

Друзья мои! Куда уж мне за вами,
В тайгу, за дорогими соболями:
Мне всё петлять по заячьим следам,
За лесом и тайги не увидав.
Молчит тайга... Снега, снега, снега
Да мыслей невесёлая пурга,
Да горечь слов... Не бойся их, перо!
В охотничьей избушке нет и дров...
В ней ледяной, багровый свет зари.
Никто мне не оставил сухари.
Нарушен добрый дедовский завет—
На старой полке даже спичек нет.

15.04. 1975